

Комбат Найтов

ДЕНЬ НЕ ЗАДАЛСЯ

Annotation

День не задался: сначала узнал, что сын забрал документы из ВУЗа, девица-юзер долго и упорно доказывала мне, что у неё не работает установленная программа, а затем сев поиграть в любимый авиасимулятор попал в кабину настоящего истребителя с парой "мессеров" на "хвосте".

- [День не задался...](#)
-

День не задался...

День не задался: сначала узнал, что сын забрал документы из вуза, затем девица-юзер долго и упорно доказывала мне, что у неё не работает установленная программа, хотя у меня, в моём интерфейсе, всё работало. Пришлось настраивать её собственный интерфейс, убирая, наставленные ей самой, настройки браузера. Потом раздался звонок на мобилку и пришлось ехать, через весь город, для того, чтобы сгенерировать новые ключи к "Банк-клиенту", но по приезду выяснилось, что банк этого не требует, просто генеральный директор неправильно понял менеджера банка. Вернулся домой под вечер, перехватил что-то на кухне. Дома никого, жена у "вечерников", будет поздно. Настроение – пулемёта не хватает... Включил компьютер жены и запустил "Забытые сражения". Продолжать старую компанию не стал, решил начать новую: Ленинград, 5-й иап КБФ, с самого низа. Младший лейтенант, И-16 24-й серии. Чёрт меня дернул записаться под чужой фамилией. Несколькими днями раньше прочёл в инете материал о найденном "ишаке" под Лугой. Три боя провёл, всё в порядке. Получаю новое задание: сопровождение СБ на бомбёжку моста через Лугу. Вылетаем двумя тройками, я – правый ведомый во втором звене. Ускорил время, лететь далековато. По привычке не очень придерживаюсь строя, а устроил "маятник". Привычный голос спикера: "Ты где? Займи своё место в строю!" "Да пошёл ты!" Немцы. 8 "мессеров", асы. Четверо идут на первое звено, четверо идут к девятке СБ. Я выше, начал разгон со снижением, с целью подловить первую пару на дистанции открытия огня. Бой получился какой-то сумбурный и необычный. Наши действовали совсем не так, как обычно действует компьютер: звенья распались, истребители действуют поодиночке, бомбёры совершенно не прикрыты, я ношусь рядом с ними, один "мессер" запарил и отвалил, тут на меня наваливается всё их оставшееся звено. Скорость ещё была, но один из них успел дать по мне очередь перед входом в облако. Облако ворвалось в комнату! В нос ударило запахом авиационного лака, сгоревшего пороха, и по лицу заструилась вода. Вместо джойстика в руке двулапая ручка "ишака", дикая боль у основания черепа и рёв двигателя. "Не понял!" Авиагоризонт показывает небольшое кабрирование и правый крен. Курс 285, 420 км/ч. Смотрю на правый борт: пробоины! Козырёк тоже пробит в двух местах. Лихорадочно вспоминаю задание: Июль 41 года, я должен быть в районе Кингисеппа, конец боя, бомбёры повернули назад. Даю

правую ногу, и блинчиком, не выходя из облака, пытаюсь развернуться на обратный курс, требуется 40–45 градусов. Удалось... Набрал скорость. Выскочил из облака и вижу, как "мессер" пристроился к СБ, метрах в 400-х от меня справа ниже. "Почему так болит шея?" А крови нет. Оглядываюсь назад: сверху никого, снизу ещё двое, набирают высоту. Облегчил винт, атакую. Почему-то нет радиосвязи. Прицел очень неудобный: громадная труба с наглазником. Зато скорость большая: 530. Немец увлёкся. Видимо, у пушки кончились патроны, бьёт только из двух пулемётов. Дальномёра нет, придётся на глаз. Поймал! Какой тугой спуск! Готов! Делаю горку! Иду маятником, постоянно оглядываясь назад. СБ парит и отключил левый двигатель. Немцы прут на него. Интересно, сколько у меня снарядов и патронов? Всё, пора! Закладываю левый вираж, иду в лобовую со снижением. "Упреждение, упреждение, упреждение!" "Огонь!" и доворот влево на ведомого. "Огонь!" и иммельман! "Ой, дурак! На хрена я полез на вертикаль! Это же "ишак", а не Ла-7! Переворачиваюсь, но скорость потерял. Вот он, "мессер", а скорости нет! Стоп! А у него винт стоит! Где второй? Должен быть ниже и впереди. Не вижу! Плохо! Немец сбрасывает фонарь. "Э, нет, мы так не договаривались!" Две очереди из ШКАСов по кабине, он валится вовнутрь. Где второй "мессер"? Не вижу. Вот что-то! Это же парашют! Оглядываюсь, больше никого. СБ ползёт на одном моторе. Продолжаю качать маятник и сопровождать его. Впереди ещё один, но он удаляется от нас. На проходе мимо бомбёра вижу, что он машет мне флажками. Если бы я знал, что он хочет сказать. Сигналов я не знаю... Сбросил скорость, подошёл поближе, оглядываюсь – никого. Он открыл форточку, показал большой палец и растопырил 4 пальца. Потом махнул рукой: "Уходи!" Я показал, что нет, доведу. Прибавил скорость и продолжил "качать маятник". Он же не знает, что я не знаю, куда идти. Порылся в карманах, нашёл комсомольский билет: Титов Павел Петрович. Зеркало бы! Посмотрел на планшет. Курс проложен из-под Таллина, посадка в Кронштадте, осталось 25 км. СБ выпустил шасси и пошёл на снижение у Красной Горки. У меня заморгала лампочка, поэтому я пошёл на посадку вместе с ним. Чёрт, сколько сил надо потратить на выпуск шасси. СБ сел, мне пришлось перетянуть через него, потому, что он остановился на полосе. Посадка у меня получилась "не очень": оказалось пробитым колесо, правую стойку я подломил. Может быть, оно и к лучшему. Посмотрим. От стоянок к СБ и ко мне идут люди, выехало две машины и трактор. Расстегнулся, вылез на крыло. По-прежнему, очень болит шея. Вспоминаю, что Титов был убит в воздухе пулей в шею. Ощупал петлицы: два кубика, на груди комсомольский значок и "Ворошиловский стрелок".

Негусто. Подходит подполковник, докладываю: "Лейтенант Титов, 5-й иап КБФ, сел на вынужденную по топливу!"

— Что ж вы, говнюки, так моих ребят прикрывали! Двое вернулось из девяти!

Подходят лётчики, и один из них обнял меня:

— Ну, лейтенант! Ты даёшь! Четырёх "мессеров" приземлил! Что домой-то не пошёл? Я ж тебя отпускал!

— Значит бы, вернулся бы только один... Ты подбит был, а фронт рядом, — он ещё раз обнял меня, потом повернулся к подполковнику и доложил:

"Товарищ подполковник, 1-я эскадрилья нанесла бомбовый удар по понтонному мосту в районе Кингисеппа. Были атакованы 8-ю "мессершмиттами", которым удалось связать боем истребительное прикрытие. Девятку прикрывал только этот лейтенант. Шесть машин сбито зенитками над целью. Два "мессершмитта" были сбиты нами, четыре "мессершмитта" сбил он. Задание выполнено."

— Четыре "мессера"!?

— Да, Константиныч, сначала ведущего первой пары, и после атаки лейтенант ушёл в облако, потом вернулся, сбил второго и ушёл наверх вперёд, я думал, что он нас бросил, нет, развернулся и в лобовой атаке подбил один и второй "мессер". Один выбросился сразу, а у второго мотор остановился, и он его добил.

Майор повернулся ко мне и спросил:

— А что за странные манёвры ты делал, когда нас сопровождал? Вверх-вниз, вверх-вниз.

— "Маятник", позволяет снизить путевую скорость и держать высокую собственную. Плюс позволяет увеличить площадь обзора и атаковать противника сверху.

— Ладно, лейтенант! — подполковник положил мне руку на плечо. — Извини, что сгоряча обидел. Пойдём в штаб, сообщим твоим, что ты сел у нас. Пусть техника пришлют с "дутиком". Убирайте оба самолёта, освобождайте полосу.

В штабе долго выслушивал нотацию майора Душина, что вместо расчистки неба занялся сопровождением и не вернулся в Лагсберг. У нас никто не вернулся из вылета. И командир отводил на мне душу. В конце концов, командир бомбёров не выдержал, вырвал у меня трубку и спустил на Душина "всех собак". Заодно и на тех, кто не даёт постоянного прикрытия его бомбёрам, а направляет прикрытие с противоположного

участка фронта.

— Твой лейтенант 4 "мессера" завалил, а ты его ругаешь!

— Как он теперь в полк вернётся! И машину на посадке поломал!

— А что, есть возможность нормально сесть, если снарядом вырвано четверть диска?

— А что вы его так защищаете, товарищ подполковник?

— Он спас и не бросил мой лучший экипаж, довёл до аэродрома. А твои ушли! И над целью мои были без прикрытия, только твой Титов.

— Дайте трубку Титову. Что ж ты так докладываешь, что ни хрена не понятно! Возможности доставить тебе техника и правую стойку, у меня нет! Сейчас напрямую инженера полка, он свяжется с инженерной службой авиации флота. Может быть, там что-нибудь придумают. Так что, сиди, жди!

Это полностью совпадало с моими желаниями. В свой полк мне лучше не возвращаться. Я ведь ничегошеньки о "себе" не знаю. Таллин уже отрезан немцами. Но вот беда, кроме комсомольского билета, у меня никаких документов нет. Я обратился к командиру полка, тот послал меня к особисту, особист послал меня ещё дальше. Замкнутый круг. До Кронштадта рукой подать, вот он, виден, а я до него доехать не могу: два КПП на железной дороге до Ораниенбаума, КПП на пристани и КПП в Кронштадте. Комсомольский билет не тянет. Через неделю в полку появился полковник Романенко: его 13-й иап перелетел из Керстово в Кронштадт. Несколько И-16 село в Красной Горке: после боя не хватило топлива. Я подбежал к нему и доложил: так и так, сижу с аварийной машиной. Требуется правая стойка и "дутик". Обещал помочь, но, всё напрасно. Дни я проводил в тактическом классе, знакомясь с условными знаками, системой связи, условными сигналами и остальной белибердой. Бои за Таллин принимали трагический характер. Тут в Красной Горке оказался генерал Новиков. Причём, с целью наградить меня "Знаменем". Ему-то я и выложил всё, что я думаю: что боевой лётчик сидит и жрёт паёк, причём талоны уже кончились. Лётная книжка и удостоверение под Таллином, немцы рвутся к Ленинграду, а я зря жру свой паёк. Реакция у Александра Александровича была мгновенная: сунув мне коробочку с орденом в руку, он схватил телефон. Меня перевели в 13-й иап, вместе с самолётом, и дали Романенко сутки на приведение моей машины в боевое состояние. Так я попал в 4-ю (13-ю отдельную) эскадрилью 13-го истребительного полка ВМФ. На следующее утро привезли стойку и колесо. Механики заменили стойку шасси, я получил предписание прибыть в Кронштадт, но, по дороге я ввязался в драку с Ю-87, рвущимися к

Кронштадту. Получил от стрелка-радиста какого-то "лапотника" больше 60-ти пробоин, свалил его, пощипал ещё три "девятки" и плюхнулся на аэродром Толбухин с практически пустым БК. Никто ничего мне не записал: прилетел и прилетел. Спустя пять дней пришли мои документы из-под Таллина, и я увидел свою лётную книжку. Проклятье! Такой почерк мне не воссоздать! "Ишак" всё ещё ремонтировался. Потребовалась смена нескольких цилиндров. Прибыло и моё удостоверение личности. Пока я был на боевом дежурстве, в землянку попала 50 кг бомба. Лётная книжка исчезла. Выписали новую. С 12 сентября вылеты стали регулярными. Немцы рвались к Кронштадту, а у нас таяли истребители, способные защитить Кронштадт. Вспоминаю, что "штуки" или "лапотники" базировались на аэродроме под Лугой, в Тырково. Я поймал Романенко и сказал ему о том, что единственный аэродром, близкий к железнодорожной станции, находится там.

— У меня нет разведчиков. Дважды пытались сорвать налёты, штурмуя Красногвардейск, с нулевым результатом.

— Давайте попробуем, товарищ полковник. С утречка. И в условиях низкой облачности.

— Лейтенант! Ты чего не в своё дело лезешь?

— Надоело по-пустому, товарищ полковник. Я этот аэродром, как мамину бахчу, знаю! Рощица там посередине. Там "лапотники" и стоят.

— Ладно, хрен с тобой. Пойдут "Илы", 9 штук, и шестёрка "ишачков". Ты – ведущий. Смотри!!!

Взлетели утром 16 сентября, за полчаса до рассвета. Собрались у Ораниенбаума, пробили облака и пошли к Черемнецкому озеру. Пробиваем облака сверху. Внизу сплошной дождь, на 400-х метрах вывалились из тучи. Ливневый дождь и два штаффеля на старте. На рулёжке не меньше полка. Наносим удар. Внизу каша из пламени и взрывов. На отходе нас пытаются "пощипать" "мессера" из Красноармейска. Потеряли Ил-2. Бомбёжек Кронштадта сегодня не было.

— Смотри-ка, нащупали!

— Надо бы их несколько раньше брать, до Рамбова, товарищ полковник.

— Сколько у вас самолётов в эскадрилье?

— Семь. И три в ремонте. Командир ранен, сейчас находится в 1-м ВМГе.

— Давай, лейтенант, двигай эскадрилью в Копорье. Займись перехватом "юнкерсов". Исполняй обязанности. Внимательно отнесись к маскировке и связи.

— Товарищ полковник, у нас 6 самолётов, из 10, имеют радиостанции на борту, но нет ни одного шлемофона. И вся электропроводка на самолётах не экранирована. Прикажите выдать шлемофоны и дайте команду инженеру полка заменить высоковольтную проводку финской "харрикейновской". Вон сколько этого хлама валяется.

— Слушай, лейтенант! Не доставай меня! Иди сам, и скажи, что я приказал. Всё понял? Дождь кончится и вылетайте. Горючее и техники будут завтра.

Копорье почти на линии фронта. Дальше немцам не пройти, так как нашу морскую пехоту здесь весь Балтфлот, форты Серая Лошадь и Красная Горка поддерживают. Но, если засекут, то мало не покажется. Зениток у нас только три. Взлетно-посадочная полоса – просека в лесу. Сверху по верхушкам деревьев натянута маскировочная сеть при помощи лебёдок. В трёх километрах юго-западнее – линия фронта. На нескольких соснах набили трапики, протянули туда телефонные кабели, подняли стереотрубы. Основное наблюдение в южном-юго-восточном секторах. Краснофлотцы-наблюдатели должны были заметить взлетающих "лапотников", а мы – взлететь и уничтожить "юнкерсов" во время набора высоты и до подхода истребителей прикрытия из Гатчины. Весь день приходится сидеть в кабине. Сигнал к взлёту – зелёная ракета вдоль полосы. Набор высоты производить в стороне от аэродрома. Спасибо Жене, нашей кормилице, разносит воду, молоко, бутерброды, забирает промокший брезент, если накапывает, и приносит новый, просушенный у печки на камбузе. Третьи сутки барабанит дождь, у нас затишье, но наблюдение мы не снимаем, боевое дежурство тоже. С наступлением темноты лётчики передают машины техникам, а сами идут в небольшой деревянный домик егеря: одна общая комната – кают-компания и пять маленьких спален на две койки. Подъём – задолго до рассвета, завтрак, надеваем регланы, просохшие за ночь, и за полчаса до рассвета мы уже в кабинах. Я втиснулся в кабину, Анатолий, мой техник, помог пристегнуться, спрыгнул с крыла и выдернул колодки из-под колес, и полез под крыло. Там не капает и можно вздремнуть. Штаб эскадрильи в одной из комнат домика, там стоит командная радиостанция, полевые телефоны, связывающие нас со штабом полка в Кронштадте и с соседней дивизией морской пехоты. Сегодня 27 сентября, в той истории, которую я покинул, линкор "Марат" должен получить 1000 килограммовую бомбу в первую башню, правда, есть уже отклонение. Насколько я помню, перед этим, за неделю, в него попали две пятисотки. Сейчас этого не произошло. День проходит тихо. Налётов на

Кронштадт сегодня опять нет. Видимо, мы хорошо ударили по Тырково. Около часа дня подошёл Макеев и передал мне телефонограмму. Нам дали отбой, эскадрилье приготовиться к перелёту за Волхов для переучивания и получения новой техники. Вылезаю из кабины, иду в штаб. Созвонившись с полком, уточняю задачу и маршрут полёта. Собрал ребят в кают-компании, поставил задачу. Женя плачет, не хочет оставаться, но БАО нам не принадлежит, у них другое командование. Подвешиваем дополнительные топливные баки. Лично проверил удаление контрольных пробок на воздухоподводах. "Все по местам! К запуску!" Опять начался мелкий дождь. Взлетаем. Прошли на бреющем 10 километров, начали набор высоты. Поджались к нижней кромке, дал команду разойтись и пробивать облачность. На 3500 метрах вышли из облачности. Я сделал круг, все в сборе. Идём с превышением 200–300 метров над облачностью, чтобы, если что, нырнуть в неё. Самолётов противника не видно и не слышно. Мы не стали облетать занятые противником районы, прошли над ними и сели у Царицына озера северо-восточнее Тихвина.

Учебный полк КБФ, переместившийся из-под Ленинграда, ещё обустроивался. Нам предстояло пополнить личный состав, освоить новые самолёты. Прибыло 9 лётчиков. Только трое имеют опыт боёв, остальные переведены с Тихоокеанского флота и трое – только что окончили училище в Ейске. Новых И-16-х в полку нет. У меня после ремонта двигатель работает неустойчиво, временами пропускает, "чихает". Дратся на такой машине трудно. Пошёл выбирать, что есть. Новых самолётов только 12, все ЛаГГ-3. Восстановленных – штук сорок. Есть Яки, есть МиГи, есть ЛаГГи. Собрал "Совет в Филях".

— Товарищи, нам предстоит переучивание. Я бы предпочёл летать на "ишачке" 24-й или 27-й серии. Но ни двигателей, ни новых самолётов этой марки нет, — я рассказал что есть.

— Я в Як больше не сяду! Горит как спичка! — сказал Кириллов, молодой парень со следами ожогов на щеках.

— А ЛаГГ – это лакированный авиационный гарантированный гроб. Ни манёвренности, ни динамики, — добавил ещё кто-то.

— Только не МиГ! Мало того, что "утюг", так ещё и вооружение никакое! Бьёшь-бьёшь, а никакого толку.

Мнения разделились, требовалось принимать решение.

— Будем переходить на ЛаГГи. Объясняю почему: на носу зима, в основном будем заниматься штурмовкой и бомбардировщиками. Лишние потери нам совершенно ни к чему. 12 машин новых, с завода и довоенной сборки, четыре ещё выберем с новыми двигателями. Вооружение у него

самое мощное из всех предложенных. И боезапас большой. Есть подвеска РС.

— Понятно, Петрович. Ну что, пошли в класс учить матчасть!

— В первую очередь, снимите со старых машин радиостанции. Всё остальное подождёт.

— Мы же не техники! Как это делается?

— Сами разберётесь! Там три блока: передатчик, приёмник и блок питания. И антенну не забудьте снять. В кабине стоит коммутатор управления. Вернусь – проверю! Ключи и плоскогубцы у всех за кабиной с левого борта.

Я пошёл в штаб и занялся оформлением бумаг. Единственного, пока, техника отправил найти 4 ЛаГГа с новыми двигателями и переписать их номера.

Через неделю все вылетели самостоятельно, кроме троих молодых. Я разбил людей попарно, с учётом темпераментов, привязанностям на земле. Топлива в полку было немного, поэтому летали поодиночке. А я занялся молодыми, обучая их строем. На десятый день всё изменилось: немцы начали наступление на Тихвин. Командование флотом приказало перелететь в Борисову Гриву. Опять низкая облачность, а метеорологи дают 4 километра толщину покрова. Трое из 16-ти никогда в облаках не летали. Связался с Романенко, он теперь нашей бригадой командует, но одновременно и нашим полком, так как назначенный на его должность человек не прибыл к месту службы. Доложил о намерениях разделить эскадрилью на время перелёта: две шестёрки пойдут над облаками, а трое "зелёных" и я пойдём под облаками. Иван Георгиевич замолчал, потом запретил этот перелёт.

— Оставляй молодых в Тихвине. Тринадцать для вас счастливое число! С завтрашнего дня полком командует Охтенёв. Прилетишь – свяжешься с ним. Задача твоей эскадрильи: охрана наших судов и кораблей на Ладоге. Немцы открыли охоту за ними. Молодёжь в этих боях лучше не использовать. Подберу вам кого-нибудь. Давай шустрее, Титов. У меня от бригады крохи остались!

Надо было видеть обиженные лица трех сержантов. Мы перелетели в Борисову Гриву. Полёт прошёл нормально. А вот потом началось! Осень, низкая облачность, у гражданских судов радиосвязи нет. Сюда бы Пе-3, у которых штурман есть, а тут ты один, у тебя только карта. Немцы использовали "Ме-110" и "Ю-87", а мы мотались парами, прикрывая фарватер. Свободная охота у них и свободная охота у нас. И всё в 200-ах

метрах у воды. Радиосвязь немного выручала, но с ориентированием всё равно были большие проблемы. Провёл шесть боёв, сбитых нет. Уходят в облака, и ищи ветра в поле. В начале ноября не вернулся из боевого вылета Литвиненко, зацепил на вираже воду. На Ладого начался ледостав и нас, наконец, перевели на отдых, на Комендантский аэродром. 8-го ноября наши сдали Тихвин. 10 ноября был большой налёт на Ленинград. Нас подняли по тревоге, но наша эскадрилья была в резерве авиации флота. Поняли нас через сорок минут, прикрыть отходящих по топливу. После взлёта сразу заметил "свалку" в районе Ленморканала. Повел туда эскадрилью. Успели вовремя! К немцам подходило подкрепление из восьми 109-х. Мы были выше и ударили с разворота от солнца. Я заметил разрисованный самолёт и вцепился в него. Ведомого сбил с ходу, а вот немец, с горным пиком на фюзеляже, оказался крепким орешком. В бой на виражах он не втянулся, потянул на вертикаль. А у меня там была связывающая четверка. Когда немец достаточно уверенно оторвался от меня и потерял скорость, его атаковал Володин, он увернулся и вошёл в пике, но за ним потянулась белесоватая полоса. "Мессер" оторвался и от Володина, но на этой высоте его, на выравнивании, атаковал я, и он вынужден был уйти на вираж. Моя пушка проделала в его левом крыле довольно большую дыру, но он автоматом потянул в правый вираж, я его подрезал и зашёл в хвост. Две коротких из БС, вношу поправку, залп из всего бортового. Есть! У машины отлетает хвост. Перевожу машину в набор, осматриваюсь и замечаю ещё пару, которая решила выйти из боя. Немцы выполняют ножницы, сбивая прицеливание. Нас двенадцать, их пятеро. Успеваю атаковать ведущего, но рядом проходят трассы ведомого, кручу влево. По ведущему я попал. Немец-ведомый не ожидал левого виража и рыскнул вправо, затем начал исправлять ошибку и попал под прицел Елисеева, моего ведомого. Теперь уже немец вынужден уходить от трассы.

— Ваня! Возьми его! — я завершил вираж и снова атаковал ведущего. Он, видимо, ранен, потому что отклоняется вяло. Атакую снизу вверх. БСки распарывают ему брюхо, появился огонь. Иван бьёт по ведомому слишком длинными очередями. Делаю ему замечание, но победителей не судят! "Мессер" взрывается! Три немца всё-таки ушли! На пикировании нам их не догнать. Собираю группу, и начинаем "качать маятник". Время патрулирования подходит к концу. От Кронштадта появляется наша смена. Обменялись позывными, идем домой! Веду все 12 машин домой. Давно ли из таких вылетов возвращались единицы! Сели в Кронштадте.

После приземления нас вызвали в Ленинград, в штаб флота. Катер шёл

до порта к 10 причалу Ленпорта. По дороге зашли в Рамбов. Там в кают-компанию зашёл высокий, весь закутанный в камуфляж военный, с замотанной в чехол длинной винтовкой. Засунул винтовку между ног, и, откинувшись в кресле салона, склонил голову на грудь. Левая рука держала винтовку. Я обратил внимание на пальцы. Они были длинные, как у пианиста, и тонкие, как у девушки. Мы не ели с утра и получили всё сухим пайком. Разложили всё на столике в кают-компании. Каждый достал, что имел. Я подошёл к военному в камуфляжном костюме и попытался тронуть его за плечо. Рука ещё не коснулась его, когда я услышал глухой простуженный голос:

— Матросик, отвянь! В глаз дам!

— Иди поешь, пехота!

— Не хочу, дай поспать! — он повернул голову, и на меня уставились два пронзительно голубых, с огромными ресницами, чуть влажных, глаза, в которых плескалось море, безмерная усталость и полное равнодушие. Я понял, что с нами в салоне сидит девушка-снайпер.

— Я понимаю, что вы устали, но кусок в глотку не полезет, если рядом кто-то голодный.

— Через полтора часа ты будешь иметь совсем другое мнение, лейтенант. Я еду хоронить своих родителей. Они умерли от голода, — резко прозвучал голос неизвестной девушки. — А я ничем не могла им помочь.

Я впервые услышал о том, что в городе люди уже умирают от голода. Глядя на её грязные локти и колени, я понимал, что она только что с позиции на Ораниенбаумском пятакке. У войны оказалось и женское лицо. Я ещё раз пригласил её к столу.

— Мы взлетели четыре часа назад, и приглашаем тебя к нашему столу. Бой над Новым Петергофом видела?

— Видела! Сколько наших погибло?

— Все вернулись на базу.

Её глаза вспыхнули и широко раскрылись. — Не ври! Такого быть не может! Каждый день видим: улетают трое, возвращается один.

— Взлетело двенадцать, и ты видишь здесь двенадцать. Пять сбитых немцев. Мужики! Нам не верят! Бой видели, но считают, что нас немцы пощипали!

— Мы — 13-й авиаполк! Немцам просто не повезло с нами столкнуться, матрос. Иди к столу!

Девушка встала, перехватила свою винтовку.

— Главстаршина Бахметьева, 6-я бригада морской пехоты, командир

группы снайперов КБФ.

Ребята притихли и удивлённо посмотрели на бойца. Она была чуть ли не на голову выше меня. Кроме снайперской винтовки в чехле, у неё не было никаких вещей. Лицо грязное, и только в районе правого глаза грязь была вытерта чем-то. Глаза вспыхнули и потухли. Ребята уступили ей место у стола.

— Присаживайтесь, угощайтесь.

Михаил достал ещё маленькую кружку, продул её, поставил на стол и плеснул "наркомовской" водки.

— За пять сбитых получили!

Девушка взяла кружку, посмотрела на всех:

— Бейте их, ребята. Бейте! — хлебнула налитое и вдруг, заплакала.

— Она едет хоронить родителей.

— Капитан 1 ранга Бахметьев, писатель, вам не родственник?

Девушка мотнула головой, но сказать ничего не смогла. Ещё пуще заплакала.

— Это мой отец. Был, — слышалось сквозь слёзы.

Её звали Людмила, доброволец, на фронте с июля месяца. 50 убитых немцев. Мы, по сравнению с ней, щенки. Она – воин. Не отпустили её одну. Заехали на площадь Декабристов, выслушали всё от начальства, попросили у них машину и поехали на площадь Репина на квартиру Людмилы. Она опоздала на сутки. Её родителей уже похоронили на Серафимовском кладбище. Проехали туда и постояли немного у свежей братской могилы. Вернулись обратно почти в пять часов. Быстро темнело, мы шли на катере в Кронштадт. В районе Нового Петергофа нас попытались обстрелять немцы. Людмила выскочила на борт катера и разрядила обойму в сторону берега.

— Карать их надо, Павел, карать! — Я понял, что завтра её уже не будет. Забрал у неё увольнительную, пообещал морякам с катера буханку хлеба и тушёнку, чтоб подождали, добежал до комендатуры, продлил увольнительную Людмилы. Мы увезли её к себе в полк. В 6.30 услышал, что она встала в землянке. Встряхнула коптилку из 20-мм гильзы, осмотрелась. После этого присела на край моей койки и долго смотрела на меня. Я открыл глаза и посмотрел на неё.

— Спи! Ещё рано!

— У нас скоро подъём.

— Я не умру. Буду писать, какая у тебя полевая почта? У меня нет родителей, но есть ты. Я пойду?

— Подожди, я тебя провожу. У тебя нет пропуска по Кронштадту.

Мы зашли в столовую, я отдал лишний талон, и мы, молча, позавтракали. Пили какао с молоком и заедали булочкой с маслом. Булочка в рот не лезла.

— Ешь, Паша, ты должен их бить. Так как вчера, и ещё лучше! — Она достала карандаш и написала свою полевую почту. Оторвала, и по памяти записала мою почту.

— Как твоя фамилия, Павел?

— Титов Павел Петрович.

— Пошли, скоро катер на Рамбов, опоздаем.

Мы долго целовались у причала, пока катер не дал три продолжительных. Людмила перепрыгнула с причала через леера, как заправский морской пехотинец. Она и была им. Её подхватили вместе с винтовкой и отдали ей честь. Снайперов на пятачке все знали в лицо. Господи, какая же она красивая!

Нас оставили прикрывать Кронштадт. Четыре вылета на барражирование каждый день. Жжем топливо, почти без цели, демонстрируя, что мы на страже. Через месяц объявили об освобождении Тихвина. Приехала Людмила. У неё увольнительная на два дня. Я вписал её фамилию и полевую почту в свою лётную книжку месяц назад. Она раскрутила гильзу, которая висит у неё на груди: там моя фамилия и моя полевая почта.

— Я хочу стать твоей женой, — это было первое, что я услышал у причала на Морзаводе. Мы пошли в город, и нашли ЗАГС недалеко от Центральной площади. По дороге Люда рассказывала, что с ней что-то произошло, что тот день не выходит из памяти. — Самое противное: я стала бояться смерти. Раньше я выходила на позицию, и мне было всё равно: вернусь – не вернусь. Сейчас я долго и упорно маскируюсь, бью один раз, и срочно меняю позицию. Боюсь умереть и потерять тебя. И попробуй только умереть сам! Я тебе этого не прощу!

Мы расписались в городском ЗАГСе Кронштадта, пришли в полк, и объявили об этом. Нас поздравил капитан Охтеня и комиссар полка Захаров. От выпивки мы отказались и ушли в мою землянку. Люда, зачем-то, убралась в землянке, растопила буржуйку, вычистила свою СВТ, вышла на улицу и вымыла руки. Затем вернулась и усадила меня на мою постель.

— Мне постоянно казалось, что это был сон! Не знаю почему. Но ты мне снился каждую ночь, — я поцеловал её золотую прядку волос.

— Не делай этого, я стесняюсь. Господи! Какая я дура! Ты же – мой муж!

Она сняла маскировочный костюм, ватник, гимнастёрку, осталась в хлопчатобумажной майке, в сапогах и в брюках. Я встал и закрыл на засов дверь в землянку. Буржуйка ещё не раскалилась, и в землянке было довольно прохладно. Руки Людмилы покрылись мелкими пупырышками. Ей было холодно. Я накрыл её шерстяным верблюжьим одеялом. Она легла рядом и задрожала ещё больше.

— Меня колотит, как в первый раз на позиции! — попыталась улыбнуться Люда. Я промолчал, но поцеловал её.

— Ещё, пожалуйста! Я так соскучилась по тебе!

— Ты получила мои письма?

— Да! Я их получала каждый день! Одно потерялось. У нас убили почтальона. Расскажи мне, что было в этом письме!

— Только то, что я тебя люблю, и, как ты и просила, продолжаю бить фашистов.

— Потуши свет, пожалуйста. Мне очень нравятся отсветы из печи.

Я задул коптилку и снял гимнастерку.

— Только не торопись. Мне немного страшно. Понимаю, что ты мой муж, что я люблю тебя. Но всё равно страшно.

— Я тебя люблю, маленькая моя!

— Я выше тебя на 8-10 сантиметров! — она уложила голову мне на грудь и сжала своими ладошками мои руки.

— И что? Это тебе мешает?

— Нисколечки! Но мне интересно, насколько это мешает тебе? — она завопилась с брюками, сбросила сапоги и забралась полностью под одеяло.

— У меня есть один большой секрет: я всё это делаю в первый раз в жизни. Но, мне всё это очень нравится. Я тебя люблю, Павел! — она повернулась лицом ко мне, и наши губы слились в долгом поцелуе. Больше слов не было. Только то, что нас уже не разлучить.

К сожалению, это были грёзы! Реально, через день Люда ушла на катере в Рамбов, в свою бригаду, и, наверное, в тот же день пошла на нейтралку. Мы летали на штурмовку, вялые и вязкие бои с истребителями немцев, морозы, битва под Москвой. Всё это прошло мимо нас, не задев смертельными шипами.

На Новый Год Людмила сказала, что у нас есть маленькие проблемы: у неё не пошли месячные. А я не знал, где живут мои родители! Я пошёл к майору Охтеню с рапортом о переводе Люды в наш полк. Командир был пьян, и нёс околесицу, но рапорт подписал. Люда надулась на меня, хотя я сделал всё то, что было нужно. Но ночью я был вознаграждён полностью:

— Господи, как я соскучилась! — прошептала Людмила мне на ухо!

Рано утром меня выдернул из койки сигнал тревоги. Форсируя не полностью прогретые двигатели, полк уходил в бой. Моя пара пристроилась последней. Затем был долгий и муторный бой с 54 эскадрой. Немцы подтягивали резервы, мы — тоже, но мы знали, что это всё — отвлекающий манёвр. Требовался решительный удар. Но сил на него ни у кого не было.

Потом начались неприятности. У меня было больше всех сбитых на всем Ленинградском фронте: 14, из них 9 истребителей. Пришлось выступать на фронтовой конференции. Я "не узнал" комиссара 5-го иап (откуда я мог его знать? Я его в глаза не видел!!!). Плюс, автором письма какой-то девицы, которое я нашёл у себя в кармане после первого боя, оказалась его дочь. Два раза какие-то письма приходили, я их рвал, не читая. Изобразить почерк Титова я не мог. Отношения совершенно не известны. На фига мне это нужно? Я "пошёл в отказ": ничего не помню, контузия: взрыв пушечного снаряда за бронеспинкой, в двух сантиметрах от головы. Никому ничего не говорил, так как боялся, что спишут по здоровью. Но выкрутиться не удалось. Видимо, у комиссара было прикрытие. Нас арестовали, и меня, и Людмилу. Посадили в ПС-84 и повезли на Большую землю. У Жихарёво мы были атакованы "мессерами". Несколько очередей пробило корпус. Были убиты два сержанта НКВД, техник самолёта, мы вошли в пикирование. Я вполз в кабину. Оба пилота убиты, самолёт падает. Удалось освободить место командира и сесть за штурвал. Тяну штурвал на себя, самолёт слушается. Выровнялся у самой земли. "Мессера" не отстают. Людмила села на место стрелка и двумя короткими очередями отправила обоих "мессеров" на землю. Снайпер, всё-таки. Но, бензобаки пробиты, левый двигатель заклинило, стабилизатор, практически, представляет из себя мочалку. До линии Волховского фронта 15 километров. А высота 400 метров. Ползу, чуть ли не деревья цепляю. Перевалил за Лаврово, тут уже наши, и сел на брюхо сразу за линией фронта. Попался на глаза командующему 4-й армией генералу Мерецкову. Кто-то из убитых вёз ему пакет. Доложил, что арестованный лейтенант Титов посадил подбитый транспортник, и готов следовать к месту ареста.

— У тебя с головой, лейтенант, как, всё в порядке?

— Вроде да!

— Ты из какого полка?

— 13-й иап КБФ.

— Если бы эти бумаги попали немцам, была бы полная задница! Возвращаешься домой. Следствие по тебе будет закрыто. Я распоряжусь,

чтобы тебе дали У-2. Гаврилов! Что там у тебя по лейтенанту?

— Измена Родине. Не помнит никого из своего старого полка. Похоже на амнезию. Вроде бы контузия, но записей в медицинской книжке об этом нет.

— Лейтенант! Контузия была?

— Да, товарищ генерал, но я её скрыл. Списать могли.

Мерецков подошёл ко мне, посмотрел в глаза:

— Воюй, лейтенант! А это кто?

— Моя жена.

— Её за что?

— Не знаю, товарищ генерал. Она была снайпером 6 БрМП в Рамбове. Сейчас – оружейница 13-го иап.

— Это теперь не 13-й иап, а 4-й гвардейский иап, товарищ гвардии лейтенант и гвардии главный старшина. Ещё раз спасибо, гвардейцы, что посадили самолёт.

Возвращение не было триумфальным. Мое место уже занято, моя землянка тоже. Охтеня сняли с должности, он последнее время много пил и перестал летать. Новый командир – из моего старого 5-го полка. Он меня помнит, я его не знаю. Возвращать меня на должность командира 4-й эскадрильи он отказался. Самолёт мне не вернули. Я стал "безлошадным". Это совсем плохо. Самолётов нет, а болтающихся без дела лётчиков много. Жить нам стало негде. Люда поселилась в землянке оружейниц и крутила ручку машинки, набивая пулемётные ленты. Я бросил вещмешок в землянку 2 эскадрильи, меня направили туда рядовым лётчиком, и пошёл в штаб бригады. Романенко и комиссар Иванов выслушали меня, я показал сопроводительное письмо особого отдела 4-й армии, рассказал о том, что случилось после прилёта обратно, и что у меня отобрали самолёт. Романенко снял трубку и приказал Михайлову прибыть в штаб бригады. Разговор у них шёл на повышенных тонах.

— Я этого разгильдяя знаю с 40-го года! У него вечно что-нибудь не так, как у людей! То заблудится, то напьётся, то драку устроит, то самолёт ломает!

— Он у меня в полку с августа 41-го. Я его командиром 13-й эскадрильи поставил, и не за красивые глаза. У него больше всех сбитых на всем Ленинградском фронте, и самые маленькие потери: с сентября эскадрилья потеряла только одного человека и два самолёта. Ты что ж творишь? Не успел полк принять, а уже раздербанил лучшую эскадрилью полка?

— Но он же под следствием был! Как я могу ему доверять?

— Ты вот это читал? — Романенко сунул ему в лицо постановление Особого отдела об остановке следствия. — Мало ли что на фронте может произойти. Не помнит он ничего, что было до 21 июля 41 года. Отца с матерью не помнит, но летает и бьёт фашистов. Не знаю как тебе, а мне этого достаточно.

Тут в штаб вошла в полном составе моя бывшая эскадрилья. Стоят, прислушиваются к разговору. Романенко повернулся к ним:

— А вы чего сюда припёрлись?

— Из-за командира! — сказал Макеев. — Командир вернулся, а его во вторую перевели. Просим вернуть нам командира. Несправедливо это!

— Слышишь, Борис Иванович, что люди говорят?

Крупное лицо Михайлова было красным, глаза упрямо смотрели куда-то в сторону, кулаки сжимались и разжимались. Он вступил в должность три дня назад, ещё не был гвардейцем. Все знали, что у него один сбитый с потерей собственного самолёта.

— Что молчишь, подполковник? — продолжил Романенко. — Сказать нечего? Не с того ты начал! Радоваться должен, что такой человек в полк вернулся! Верни ему и должность, и самолёт. Это мой приказ. А ты, Павел Петрович, зла на командира не держи, и оденься по форме. Звание старший лейтенант тебе присвоили перед самым арестом, но не объявляли из-за этого. Всё, товарищи командиры, концерт окончен! Все в полк!

Вышли из штаба бригады, Михайлов сел в "эмку" и уехал, не сказав ни слова. И никого с собой не взял. Не вежливо. Меня обступили мои друзья.

— Всё в порядке, командир! Главное, мы снова вместе.

Примораживало, я был в тонкой шинелишке, с чужого плеча, как назло ни одной машины в сторону Толбухина. Пока шли, слегка подморозил пальцы на ногах. По приходу ребята пошли выселять нового начальника связи из моей землянки, а я пошёл получать лётное обмундирование. Начальник вещевого службы расщедрился и выдал мне английский комбинезон с подогревом, новые отличные собачьи унты, новый шлемофон, отличной выделки куртку и, хитро подмигнув, новенький полшубок.

— Людочке отдайте! Как раз по ней, длинный. Специально для неё доставал. Пусть ко мне сегодня заскочит, распишется, мы тут ей ещё кое-что приготовили. Но, это — лично вручим.

Все в полку знали причину перевода Людмилы в полк, что она в интересном положении, поэтому очень берегли её. Семьи почти у всех

находились в эвакуации, поэтому она стала всеобщей любимицей.

Краснофлотец помог донести всё до землянки. Я сходил во вторую, забрал вещмешок, когда вернулся, в землянке сидел командир полка. На столе стояла бутылка водки и два стакана. Я достал из вещмешка банку тушёнки и хлеб.

— Я извиниться пришёл, Титов. Ты у меня в эскадрилье был, в пятом полку. Я не знал, что ты так изменился. Правда ничего не помнишь?

— Правда, даже как маму зовут, где родился, что было до контузии.

— Круто! — Он разлил водку в два стакана. Чокнулись, выпили, закусили. — А это даже хорошо, что так случилось, Павел! Жизнь с чистого листа, и ты её хорошо начал. В пятом полку ты был не на очень хорошем счету. Ладно, кто старое помянет... Завтра перелетаете на Сескар. Там немцы и финны зачастили посылать разведку. Что-то готовят.

— Там же на складах нет ничего для ЛаГГов, там же всё время "ишаки" стояли.

— Хорошо, что напомнил! Перебросим на "дугласе". Впрочем, отправлю 3-ю, Голубева. А ты здесь посидишь.

— Здесь делать нечего, товарищ командир. А вот в Борисовой Гриве много работы. Вот туда я бы с удовольствием перелетел. Мы там базировались осенью.

— Там со снегоукладчиком проблема. Но надо подумать. Здесь, действительно, тихо очень. Поговорю с Романенко. — На том и расстались, крепко пожав друг другу руки.

Немцы из-за сильных морозов резко снизили свою активность, но довольно регулярно бомбили и обстреливали "Дорогу Жизни". Но действовали малыми группами, видимо, трудно было запускать двигатели. Бригада и полк потеряли много самолётов и много лётчиков, особенно в июле 41-го. Единственное пополнение в 9 человек нашей эскадрильи и 13 самолётов. Старенькие "ишачки", составляющие основную часть бригады выработали полностью свой ресурс. "Мотыли" постоянно что-то ремонтировали, днём и ночью, но техника всё равно выходила из строя. В феврале погиб Тихоня, Тихон Забойкин. Срезало мотор на малой высоте. Поэтому Романенко принял решение перевести мою эскадрилью на Выстав. Наконец, появилась настоящая работа. За это время я успел выбить "РУС-2" — "радиоуправляемый самолет", один из первых советских локопоров, — и посадил за него Людмилу. Мы стали контролировать всю "Дорогу Жизни". Начали встречать немцев и финнов задолго до того, как они могли приблизиться к "Дороге". Эффективность работы эскадрильи

резко возросла. Я до переноса, почитывал про "попаданцев", все они обязательно попадали к Сталину или Берии, и страшно развивали страну, налево и направо раздавая указания вождю народов. Мне выпала другая судьба, я просто делал то, что хорошо умел делать: в прошлой жизни я – генерал-лейтенант ВВС СССР, четыре войны за плечами, больше 40 000 часов налёта, лётчик-снайпер, то, что последнее время занимался компьютерами, так это потому, что присягать козлу Борьке отказался. За три месяца боёв над Ладогой эскадрилья сбила 50 самолётов противника, потеряв три машины и двух человек. В апреле меня вызвали в Ленинград, и я стал ГСС. Но, и наши ЛаГГи выработали свой ресурс и нуждались в ремонте. Мы перелетели в Кронштадт и начали менять двигатели, нам повезло и, вместо М-105, нам устанавливали М-105ФП, с небольшой переделкой моторамы. А вместо ШВАК, ставили новую ВЯ. Собирались снять БС, но я настоял, чтобы оставили. С такими самолётами уже можно воевать! Но и немцы не дремали. За зиму мы основательно подвыбили 109Е, и они пересели на "фридрихов". Они, по-прежнему, диктовали нам оборонительную тактику, но мы, применяя эшелонирование по высоте, и пользуясь локатором, успевали создавать численное превосходство. По весне интенсивность боёв ещё упала, так как немцы забрали всю авиацию на юг, оставив под Ленинградом совсем незначительные силы. Нас опять перебросили на правый берег к "Невскому пятачку". Основной задачей стала штурмовка. Немцы закопались и создали мощную укреплённую оборону на левом берегу. Эффективность такого применения истребителей была равна нулю или что-то вроде этого. Но, приказ есть приказ, я запросил в ВВС флота РС-132, и мы стали летать увешанные ими, как ёлки. Как только подсохло, Волховский фронт начал попытки прорыва блокады. Я запросил на флоте пальмовое масло. Удивительно, но нашлось 20 тонн прокисшего прогорклого масла, с запрещением использования в качестве пищевого продукта. И довольно большое количество подвесных баков от старых Р-5: здоровенных, на 250 литров. Смешав бензин с этим маслом, я подвесил эти баки под крылья. В носовую часть вогнал ампулу КС. Получилась напалмовая бомба. Выливной прибор, конечно, лучше, но делать его долго и мучительно. Взлетели вдвоём, с Иваном. Заходим над Синявино. Полого пикирую и с высоты 300 метров по очереди сбрасываю баки. Иван сзади визуально контролирует полёт баков и результат. Я разворачиваюсь и вижу два довольно больших очага пламени в первой линии траншей. В наушниках раздался удивлённый голос корректировщика 4 армии:

— Чем это вы их? А повторить?

— Пока нечем, завтра прилетим.

Когда сели, на аэродроме было полно начальства.

— Чем бомбили? — показывают они на дымы.

— Сгущённым бензином, — и показываю им напалм. Самохин тронул пальцем напалм, я не успел его остановить. Бензин прилип к пальцу, его попытка снять или стряхнуть не удалась.

— Только бензином оттирается, товарищ генерал-майор. А у немцев все укрепления деревянные. И торфяник, он столько дыму даёт, что мама не горюй. И ещё, товарищ генерал, у химиков должны быть выливные приборы. С высоты 50-100 метров его можно лить горящим.

Флот готовился к десанту в Ивановском, и такая вещь была крайне необходима. Сразу подключились флотские и армейские химики, работа завертелась. Выливные приборы ставили на По-2, "ночники" устраивали прожарки немцам каждую ночь. В итоге, на фронте По-2 начали называть "вошебойками". Начавшиеся массовые торфяные пожары подняли такой дым, что немцы были вынуждены уйти из Мги и Синявино, от угарного газа не спасали никакие противогазы. В июле 4-я и 54-я армии перешли в наступление, деблокировали 2-ю ударную армию и сняли полную блокаду Ленинграда. Немцы закрепились левом берегу реки Тосно, а у Ленинграда появилась полноценная связь с Большой Землёй. Удивительно, но меня не забыли в суматохе событий. Эскадрилью преобразовали обратно в 13-ю гвардейскую отдельную истребительную эскадрилью ВВС КБФ. Мы охраняли от налётов железнодорожный мост через Неву. В июле мы получили новенькие Р-39. Мне, через звание, бросили майора и наградили второй звездой Героя. Я стал вторым дважды Героем в Союзе за время войны, месяц назад такое звание, посмертно, получил тоже морской лётчик подполковник Сафонов.

"Аэрокобра" всем понравилась. В первую очередь, мощностью вооружения, отличной радиостанцией, довольно большой высотой, отличным обзором. В августе на земле начались тяжёлые бои, немцы стремились вернуть утерянные позиции, притащили большое количество авиации, и попытались сбросить нас с неба. Но это не 41-й год! Ни "фридрих", ни "фоккер" с "коброй" рядом не стояли. Можно драться, в массовой свалке мы сильнее. А 37-мм пушка разваливает любой бомбер! "РУС-2" и хороший оператор всегда даст более выгодную позицию для атаки.

В августе у меня появился сын. Людмила жила в Ленинграде, на площади Репина. Ещё в марте она получила звание младшего лейтенанта,

вместе с удостоверением оператора-радиометриста. Поэтому за неё можно не волноваться. Она в декретном отпуске и вернётся в нашу эскадрилью. Во всяком случае, мне так обещали.

Кроме "кобр", пришли устаревшие "Харрикейны", их прозвали "зажигалками", а также довольно удачные Р-40 "Киттихаук", они могли нести торпеды и применялись как торпедоносцы. Но разгром каравана РQ-17 поставил жирный крест на надеждах пополнять авиацию за счёт союзников. Поэтому 4-гиап по-прежнему был на 75 % вооружён И-16. Но начали приходить двигатели со складского хранения, машины ожили. Немцы завязли в боях на Тосно. Их позиции были досягаемы для флотской артиллерии. Поставки стали с Большой Земли позволили увеличить выпуск тяжелых и средних танков, заработали на полную мощность Обуховский и Ижорский заводы. В конце августа немцы выдохлись и прекратили атаки, но заработала их тяжёлая артиллерия, привезённая из-под Севастополя. А на юге гремела Сталинградская битва.

Я собрал эскадрилью и пригласил бывшего военкома Лукьянова, недавно переведённого от нас в 3-й гиап комиссаром полка. Я поднял вопрос о том, что судьба войны решается сейчас под Сталинградом, и что я хочу просить командование откомандировать нас на Сталинградский фронт. Но перед этим хочу узнать мнение личного состава.

— Командир, нашел, о чём спрашивать! Куда ты, туда и мы.

Лукьянов оформил обращение лётчиков, с ним мы поехали к Самохину. Он прочёл обращение.

— Вас же заберут, совсем!

— Если оформить это как командировку, то нет.

Самохин позвонил Трибуцу, тот связался со Ставкой, в 8-й армии Хрюкина был огромный некомплект, в его адрес направили даже 434-й полк РГК на новейших Як-7б. У меня переспросили: есть ли у нас подвесные баки и дали добро на перелёт в поселок Сталино.

Первым отгрузили РУС-2, и половина технического состава уехала вместе с запчастями, напалмовыми бомбами, выливными приборами. Созвонились со всеми аэродромами по маршруту и заказали Б-100. Связались с Хрюкиным, сделали заявку на бронебойные снаряды 37-мм, Б-100, патроны для "браунингов" двух калибров. Всё это было в Баку, обещали доставить в Сталинград. Успел заскочить домой, оставил кучу сэкономленных пайков, сгущёнки, сухарей. Поцеловал Людмилу и Серёжку. Больше времени не было. Заехал в штаб ВВС, получил карты на всех, выслушал о себе кучу "приятного" и пожелания, послал всех "к

чёрту", но никто не обиделся. Поздно ночью вернулся, а утром мы вылетели, сели в Костроме, дозаправились и пообедали, взлетели и сели в Сталино, на левом берегу Волги. 434-й полк улетел на переформировку в Саратов. Они потеряли много машин и лётчиков. РУС-2 уже прибыл и был развёрнут. Сходу сцепился с Хрюкиным по поводу использования эскадрильи. 4 сентября – первый вылет. Я приказал снарядить пушки по системе: 3 БЗ, 1 ОФ, 1 ТС. Подвесить 250-килограммовую напалмовую бомбу. Задача: ознакомиться с районом, найти колонны противника и уничтожить. Пулемёты не использовать, беречь для воздушного боя. За полчаса до рассвета взлетаем. Хрюкин к такому не привык, у него нет истребителей-ночников. Идём этажеркой, в три яруса: внизу восьмёрка, затем четверка, и моя четверка на самом верху. Я заметил пыль, поднимающуюся в районе Гумрака: либо взлетают самолёты, либо движется колонна. Немцы рвались к тракторному заводу и мосту через Волгу с севера, от Рынка. Направил эскадрилью туда. Колонна танков и мотопехоты. Первое и второе звено растягиваются, и штурмуют колонну. Вниз летит напалм, по бронетехнике бьют 37-мм пушки. Первое звено занимает место третьего, третье идёт вниз и продолжает штурмовку. Прятаться здесь негде, степь, второе звено меняет четвёртое, и мы спускаемся для штурмовки. В этот момент из Гумрака начинают взлетать "мессеры". Первое звено немедленно их атакует. Немецкие зенитчики стрелять не могут, так как на старте полный гешвадер "мессеров", а мы проходим вдоль полосы и посыпая их огнём из 6 пулемётов. Запоздалые трассы "эрликонов" мало кого волнуют. Все 16 машин возвратились в Сталино. Уточняю у Хрюкина положение в посёлке Рынок. Пока машины заправляют и переснаряжают, съедаем стартовый завтрак и разбираем вылет. Немцы нас называют "канадцами" и требуют немедленно нас сбить. Но в Гумраке у них нет ни одной целой машины. Взлетаем и плотно обрабатываем Рынок напалмом, затем работаем по отдельным танкам 14 танковой дивизии немцев. Части 66 и 62 армии переходят в атаку и соединяются. Третий вылет: нас сопровождают Як-1. Наша цель – Карповка. Яки идут по старинке: на одной высоте с нами. Поворачиваю обратно. Сел и ещё раз поругался с Хрюкиным, вызвал командира полка Яков и высказал всё, что я о нём думаю. На попытку Хрюкина обвинить меня в трусости, я расстегнул комбинезон и ткнул двумя пальцами в две звезды.

— Я людей и машины терять не хочу и не буду!

— Извините, товарищ дважды Герой Советского Союза. Я не это имел в виду.

Я набросал схему нашего прикрытия. Пока техники дозаправляли самолёты, договорились с командиром полка: кто что делает и о сигналах, и о том, что в воздухе команду я. Взлетаем, Хрюкин добавил полк Пе-2. Они ударили первыми, затем мы ударили напалмом. Оператор выдал, что от Калача идёт большое количество самолётов противника. "Пешки" развернулись и пошли назад, а мы начали набирать высоту. Идём с превышением 1000 метров. Навстречу прут 7 девяток и около двадцати истребителей.

— Двадцатый! Бомбёры – наши, твои – истребители!

— Вас понял, четвёртый! У меня двадцать минут по топливу!

— Понял! Коса, коса, я четвертый!

— Слушаю, четвёртый.

— Есть возможность нарастить силы через 15 минут? Вопрос!

— Сделаем!

— Двадцатый! Спокойно работай и отходи! Первый, вали ведущего первой! Второй, третий! Правого и левого, соответственно. Я работаю по четвёртой.

— Первый понял!

— Второй понял!

— Третий понял!

— Всея тринадцатой! Пропустить вперёд двадцадку!

Уменьшаем обороты, Яки проскакивают вперёд. Их много, больше двадцати. И мы выше немцев. Немцы, форсируя моторы, начинают тянуться к Якам.

— Двадцатый! Атакуй!

— Выполняю!

В эфире сплошной гвалт, крики, команды, ругань. Проходим над бомбёрами. В первой волне – "Юнкеры-88".

— Тринадцатая! Атака! — и сваливаюсь налево вниз. Переключаю оружие на одну гашетку. Юнкерс в прицеле, залп, иммельман. Повторяю атаку, но ведущего уже нет. Залп, и снова ухожу на боевой разворот.

— Первый, второй, третий, Сбор!

— Сбор, командир!

— Берём следующие девятки! Я добиваю оставшихся! Внимательнее за хвостами!

— Поняли. Работаем!

С восточной стороны появились точки, видимо – смена. Ниже нас дикая свалка 40 истребителей. Я разделил 4-е звено, и мы выбиваем оставшихся бомбёров в первых девятках. 4-ая девятка сбросила бомбы и с

пикированием развернулась назад, иду к третьей, Витя Парамонов атакует второе.

— Четвёртый, "мессер" сзади!

— Вижу! Иван, оттянись!

Внимательно слежу за "мессером", но успеваю дать очередь по "юнкерсу". Он взрывается. Падают ещё два соседних, девятка сбрасывает бомбы. Опускаю нос и даю форсаж. "Мессер" не отстаёт, но скорость сближения резко упала. Косая петля на форсаже, в верхней точке выключаю форсаж, смотрю назад. "Мессер" потянул за мной, Иван у него сзади. Он чуть подстроился и дал короткую из всех стволов. У "месса" отвалились крылья.

— Ваня! С походом!

— Спасибо, командир!

— Идём к первой!

— Понял, прикрываю.

Заставив первую девятку отбомбиться по собственным войскам, даю команду "сбор". Не очень довольные ребята трёх первых звеньев вяло откликнулись.

— Тринадцатая! У нас 4 минуты по топливу. Поторапливайтесь! Отходим!

— Отходим, командир!

Бой с истребителями внизу продолжается. Есть ещё немного патронов, но топлива маловато. Докладываю "Косе", прошу подкрепления.

— Через 15 минут будет в районе. Четвёртый, вам отход!

— Выполняю!

Массированный налёт на Сталинград мы сорвали. На месте сбора выяснилось, что не всё так замечательно. Двух самолётов нет, ушли раньше, получив повреждения. За одним из оставшихся тянется серебристая полоса: утечка топлива. Сбросили ход, чтобы он мог дойти. Копьёв сел сходу и застрял на полосе. Но поле широкое, он нам не мешает. Одна "кобра" стоит, её маскируют, но второй "кобры" нет! Кто-то не вернулся! Вылез из машины, иду на КП. Не вернулся младший лейтенант Киреев. Ведомый второй пары 2-го звена. Он у нас с сентября 41-го. Довольно опытный лётчик. Что-то не так! Спустя два часа Особый отдел Сталинградского фронта объявил о задержании немецкого шпиона на неизвестном самолёте и в неизвестной форме, имевшего документы на имя Деодора Киреева. Гора с плеч! Хрюкин сменил тон, пообедал вместе с нами, пообщался с лётчиками, потом пригласил ещё нескольких

командиров полков своей армии и провёл тактические занятия по эшелонированному построению при сопровождении и барражировании. Наш опыт быстро передавался в полки. Процентом 60 самолётов 8-й армии было радиофицировано. Но, не на всех стояли передатчики. Полностью радиофицированные машины имели командиры звеньев и некоторые ведущие пар. Хорошо, хоть построение шло от пары. До ужина выполнили ещё два вылета полным составом. Выливными приборами мы снабдили эскадрилью ночного полка У-2. Пальмовое масло из Ирака и автомобильный бензин из Баку подвезли довольно быстро. Изготовление напалмовых бомб Сталинградский фронт освоил мгновенно. Протекающий жидкий огонь в развалинах быстро делал своё дело. Донской и Сталинградский фронт соединились и оттеснили немцев от железной дороги. Мост через Волгу взрывать не стали, через него шло горючее и боеприпасы с Кавказа и из Средней Азии. Попытка немцев атаковать нас, сняв армию Гота с кавказского направления, не удалась. Мы перехватывали колонны танков у Котельникова, последней станции выгрузки. Отлично работала фронтовая разведка, давая время прибытия эшелонов. Днём работали мы, ночью – По-2. Немцы пробивались к Волге между Сталинградом и Красноармейском. Продержались больше двух недель, но откатились к Абганерово. Мы выработали ресурс двигателей, у нас двое раненых, три машины не ремонтнопригодны. Получили добро на перелёт на переформирование, в Ленинград. Наше место опять занял 434 полк, которым стал командовать Саша Семёнов, вместо раненого Клещёва. Перед вылетом домой навестили в госпитале Иван Ивановича.

— Павел! Оставь локатор!

— Иван Иванович, не могу! Не списать будет! Попросите Василия, вам мигом сделают!

— Что у тебя с потерями?

— Безвозвратных нет. Двое раненых, один из них тяжело.

— Удачненько, удачненько. Не хочешь ко мне комэском перейти?

— Нет, буду формировать 13-й гвардейский истребительный авиационный полк ВВС КБФ. Приказ уже получен.

— Нравится тебе число 13!

— На том и стоим! Оно врагам несчастье приносит, — улыбнулся я.

— Будешь где-нибудь рядом, залетай! Всегда буду рад видеть!

Он погиб, спустя два или три месяца, на посадке в сложных метеословиях.

По прилёту в Кронштадт все машины поставили на смену двигателей,

начали поступать новые "аэрокобры Р-39N". К сожалению, с более слабым двигателем, чем "К", которые у нас были, но нам сказали, что нам ещё повезло, потому, что в другие полки идёт "Ку" серия, это вообще "ку-ку": склонна к плоскому штопору, вручную приходится усиливать балку хвостового оперения и укладывать под пушку дополнительный вес. Кроме того, часть из машин вооружена не 37-мм пушкой, а 20-мм "Испано-Суиза", капризной и маломощной. Но в первой эскадрилье остались машины серии "К", недостающие три заменены самолётами той же серии.

Людмила вышла из декрета, и Серёжка переселился к нам в землянку. К ноябрьским обещали построить нормальный дом. Но в землянке было безопаснее.

Почти полтора месяца шло формирование полка. Мне всё это смертельно надоело: сплошные бумажки, заявки, дерготня, никакой боевой работы, люди тоже расслабились, несколько раз устраивали пьянки. В ноябре началась операция "Уран". Немцы были окружены под Сталинградом. Под Ленинградом затишье, но, появился генерал Самохин и поставил задачу произвести разведку и фотографирование позиций немцев в районе Гатчины. Один из самолётов первой эскадрильи оборудовали фотоаппаратом, и с раннего утра до позднего вечера 1-я эскадрилья выполняла аэрофотосъёмки для командования Ленинградского фронта. А я "гонял" вторую и третью эскадрильи и добивался слётанности, овладения новой для большинства лётчиков тактики. Было довольно много молодых сержантов, без боевого опыта. Но немцы значительно ослабили авиацию на нашем фронте. Основные силы немцев опять были под Сталинградом. В конце ноября пришёл приказ сформировать из лётчиков-ночников сводный полк КБФ и перебросить его под Сталинград. Полк стал именоваться 14-м гвардейским. 10 декабря перебазирование было завершено. Хрюкин поставил нам задачу: сорвать ночные полёты транспортников к окружённым немцам. Немцы, зажатые в степи между Доном и двумя железными дорогами, отчаянно сопротивлялись. Днём наша авиация имела абсолютное господство в воздухе, поэтому, длинные ночи использовались немцами для снабжения их войск. Мы подвесили дополнительные топливные баки, сбрасывать которые запрещалось, поэтому по инструкции, не зарядили крайние малокалиберные "браунинги". Основная нагрузка ложилась на операторов РЛС. Наведение было очень сложным: Ю-52, основной транспортник немцев, имел очень небольшую скорость, но достаточно высокую живучесть. Их аэродром находился в станции Морозовской, откуда немцы и летали в Сталинград. Мы собирались перехватывать их в 20 км от Морозовской, ещё за линией фронта. Такие

полёты очень выматывают лётчика. Малейшая ошибка или изменение погоды, и есть шанс не вернуться. В первый вылет пошёл сам. До линии фронта всё было хорошо, и даже какая-то видимость. Потом повалил снег. За линией фронта, слоистая облачность. В первый день всё сложилось удачно: Людмила дала курс, я вышел с принижением на 200 метров, немец шёл с включёнными навигационными огнями. Атаковал его снизу, он сразу вспыхнул, видимо перевозил бензин. Но успел сообщить об атаке. Люда дала курсовой на новую цель. Этот шёл без огней, это был не Ю-52, таких машин я не видел. Я вышел на него сверху. Его скорость дала Людмила: чуть больше 200 км/час.

Пять двигателей выбрасывали небольшие язычки пламени, сзади на довольно длинных тросах летело два двуххвостых пузатых планера Go-242. Сообщил об увиденном, мне сказали, что это Хейнкель-111Z "Цвиллинг".

— Бей в средний двигатель! Там бензобаки рядом!

Очень слепит пушка! И носовые "браунинги". Атака получается очень короткой, потом довольно долго приходишь в себя и промаргиваешься. Очень тяжело вслепую управлять. Решил сверху больше не атаковать. Сообщил об этом "Косе", приказал передать всем. По спине течет струйка пота. Я увидел землю очень поздно, чуть не врезался. Люда дала курсовой на "Близнеца", но я его и так вижу, он горит, а планеров уже нет! Отцепились. Одного обнаружил прямо по курсу и снизу обстрелял его. Горит! Опять промаргиваюсь, пошёл на "близнеца". Снизу у Хейнкеля-111-го пулемёт. Значит у этого – два. Решил близко не подходить, стрелять одиночными из пушки. Навелся на пламя, чуть влево. Одновременно закрывая глаза, выстрел! Вот бы трассер! Нет! Но на борту "хейнкеля" сильный взрыв! Попал осколочно-фугасным. Ещё выстрел! Мимо! Навожусь, скорость небольшая, угловой скорости совсем нет, даю очередь из всего бортового. Ни хрена не видно. Перед глазами круги удлинённой формы. Левый глаз замечает падение горящего объекта и взрыв на земле. Всё, хватит экспериментов, иду домой. Но по дороге дают курсовой на ещё одну цель. Такая же каракатица. На этот раз бью из крыльевых по одному, а потом – по второму планеру. Оба загораются: бензин. Опустил нос, чуть снизился, поймал в прицел "Цвиллинг", тот пытается скользить, огрызается огнём. Включил фары, и дал несколько очередей. Горит! Выключил всё, сделал поярче свет в кабине. Наконец-то вижу приборы. Уменьшаю яркость, постепенно восстановилось ночное зрение. Запрашиваю Людмилу, что с "Хейнкелем"?

— С экранов исчез! Курс домой 35 градусов! Давай, Пашенька.

В воздухе ещё даю приказание полностью зарядить крыльевые

пулемёты трассирующими и бронебойно-зажигательными, все четыре, и стараться использовать только их. Атаковать только снизу! Несмотря на отданные распоряжения, два самолёта не вернулись на аэродром. Связь с ними прервалась после атаки. Злой и недовольный самим собой, весь день конструировал из жести шторки с приводом от гашетки. Потом вместе с инженером полка Герасимовым монтировал их на своей "кобре". Получилось несколько громоздко. Герасимов доделал дополнительно аварийный сброс устройства. В 7 часов испытали со стрельбой в темное время. Вроде бы работает. На середину фонаря поставили штатную шторку из черного материала. Взлетел, но испытать на противнике не удалось. Опять пошёл сильный снег, пришлось возвращаться. Ещё раз вылетел уже после 4-х утра. В воздухе две цели, но идут в облаках. Ползу за ними. Наконец, один из них пошёл на снижение и выскочил из-под облаков. "Дорнье". Тоже морские лётчики. Атакую! Не горит! Пошёл на второй заход, а он шмыг в облака и на обратный курс! Второй тоже развернулся. Пришлось передавать их Макееву. У меня кончалось топливо. Макеев одного сбил, а тот, которого я атаковал, сел на брюхо в расположении наших войск. У него вытекло топливо. Но мне его не засчитали, так как по нему якобы стреляла зенитная артиллерия. На этот раз оружие не слепило, но корректировать стрельбу по трассе, а это обычный приём у лётчиков, было невозможно. Но, на безрыбье... В результате, ночные перевозки немцев были сорваны. Только в облачную погоду они могли выбрасывать на парашютах небольшое количество продовольствия и боеприпасов, большая часть которого не попадала к немцам. Немцы сдались 25 декабря. Меня наградили полководческим орденом "Александра Невского". 30 декабря пришёл приказ прибыть в Гумрак, и лететь в Москву для награждения. Хотел взять с собой Людмилу, но мне отказали. В самолёте полно генералов, пристроился на чехлах и уснул. В Москве поселили в гостинице "Метрополь", по 4 человека в номере. Нам, привыкшим к нарам и землянкам, условия показались просто райскими. 31 числа, в 17 часов, нас повезли в Кремль. В шесть вечера началась долгая процедура награждения, длившаяся без малого 4 часа. Хмурое настроение меня не покидало до конца процедуры. Ордена вручал Шверник. В Президиуме был Сталин, Шапошников, Молотов, Ворошилов, Микоян, Каганович и Хрущёв. Получив орден, повернулся в зал: "Служу трудовому народу!" и пошёл на место. Сталин оживлённо переговаривался с Молотовым. Небольшого роста, с мешками под глазами, уставший, но улыбающийся. На лице Хрущёва застыло восторженное выражение. Ест глазами начальство. Сегодня его триумф. Смотрю на него и вспоминаю, что произойдёт через

10 лет. А сейчас они в одной упряжке. Хрущёв через стол что-то отвечает Сталину. Потом завертел головой и замахал кому-то рукой. К столу подошёл Хрюкин. Наклонился к Хрущёву, слушает. Потом повернулся в зал и кого-то начал искать глазами. Наши взгляды пересеклись. Он повернулся столу, ещё раз наклонился к Хрущёву, взял какую-то бумажку и пошёл в зал. Через минут 15 награждение закончилось, нас пригласили перейти в другой зал, где нас ожидали накрытые столы. На выходе меня перехватил Хрюкин.

— Постой! С тобой познакомиться хотят.

Идут Сталин, Молотов и Хрущёв. Маленький Хрущёв, он мне едва до подбородка достаёт, что-то рассказывает, перемежая рассказ матерком. Остановились напротив меня.

— Майор Титов, командир 14-го гвардейского истребительного полка ВВС КБФ.

— Здравствуйте, товарищ Титов.

— Здравия желаю, товарищ Верховный Главнокомандующий.

Сталин с интересом рассматривал награды у меня на груди.

— За что? — показал он на первую звезду.

— За прикрытие "Дороги Жизни" зимой 41–42 года, 4 гвардейский авиаполк, вторая — за деблокаду Ленинграда летом 42-го года, 13-я гвардейская отдельная авиаэскадрилья.

— А за Сталинград?

— Орден "Александра Невского", только что вручили.

Сталин удивлённо посмотрел на Хрюкина и Хрущёва.

— Насколько я помню, по докладам Василия и Клещёва... — начал Сталин.

— Их эскадрилья была прикомандирована к нашему фронту, товарищ Сталин, — залепетал Хрущёв. — Мы посылали представления, но где они, и что с ними произошло, мы не в курсе.

— За действия на Сталинградском фронте ни один человек, ни в 13-й отдельной эскадрилье, ни в 14-й гвардейском полку, ни одной награды не получил. Кроме этого ордена.

Сталин изменился в лице, повернулся к Хрущёву и Хрюкину:

— Вы почему государство и партию нашу позорите? Как теперь этим людям в глаза смотреть?

На банкете ко мне подошёл адмирал Кузнецов.

— Здравия желаю, товарищ нарком!

— Сидите-сидите, майор, — и попросил подвинуться моих соседей справа. — Как успехи?

— Двоих потеряли. Не успели подготовиться в Ленинграде, и погода была совсем паршивая. Всё срочно, всё бегом. Как обычно.

— Нас с вами на завтра товарищ Сталин вызывает. В чём дело знаете, Павел Петрович?

Я пересказал, что случилось на выходе из Георгиевского зала. Николай Герасимович заулыбался.

— Ну, ради такого и заходить не стыдно. Завтра в 16.00 за вами заедут в гостиницу, майор. Просьбы или пожелания какие-нибудь есть?

— Направьте полк в Туапсе, — адмирал внимательно посмотрел на меня.

— Думаете, там будет жарко? — я чуть прикрыл глаза и утверждающе кивнул головой. — Хорошо, майор, бросим вас на усиление. Ну, не буду больше мешать вашим соседям, — он встал, извинился перед ближайшими моими соседями и пошёл вдоль столов. Через полчаса наступал новый 43 год. На столах появилось шампанское и высокие фужеры.

За мной заехали в четыре и повезли в штаб ВМФ. Там к нам подсел адмирал Кузнецов, и мы поехали в Кремль. Кузнецов был сама любезность, но командующего авиацией флота с собой не взял. Закономерность. Авиаторы в ВМФ не в почёте. Всесильный нарком их забивает одной левой. Хотя на долю авиации приходится большая часть побед. Да бог с ним. Он решил воспользоваться моментом. В приёмной довольно долго ждали. Потом нас пригласили. Сталин был не один, с ним был его сын Василий. Мы с ним коротко встречались под Сталинградом в первой командировке. Тогда он был капитаном, сейчас полковник. Изображает радостную встречу однополчан. Потом, повернувшись к отцу, радостно говорит:

— Да, это он, я тебе о нём рассказывал! Они сменили наш полк и действовали эскадрильей за весь наш полк. И не теряли людей. Майор — зверь, а не лётчик! И ребята у него в эскадрилье, как один! Летающая смерть фашистам. Благодаря им удержали мост, Мамаев курган и завод, разбили танковую группу Гота.

— А вот с начальством у майора не получается, Василий. Я вчера узнал, что кроме майора, за Сталинград никто из лётчиков ничего не получил. Почему, майор?

— Товарищ Верховный Главнокомандующий! Я был командиром эскадрильи, а во второй раз — командиром полка. Вот отчёт, представленный командующему армией Хрюкину, вот все представления.

— Так, посмотрим! — Василий тоже из-за плеча рассматривает

бумаги.

— Отец, смотри: более 80 танков, больше 300 автомашин, 110 орудий. Сбито 57 самолётов противника. А во второй раз – 41, и все ночью.

— Может быть, дело в вас лично, майор? Расскажите о себе!

— Здесь есть загвоздка, товарищ Верховный. Ругался я с Хрюкиным из-за того, что людей не бережёт и тактику использует устаревшую. Один раз он меня в трусости обвинил. А меня ещё год назад арестовывали, потому, что не помню я ничего, что было до 21 июля 41 года.

— В чём особенность вашей тактики? — спросил Сталин.

— В построении эшелонами по высоте, использовании радиосвязи и радиолокации на уровне отдельной эскадрильи или полка. "Мессершмитт" превосходит в скорости на пикировании практически все наши самолёты, поэтому их надо встречать на подготовленных позициях, заставляя терять скорость и уходить на горизонталь. В этом случае, наши самолёты имеют больший вес огневого залпа и большую горизонтальную манёвренность. У "месса" шансов не остаётся, только выйти из боя на пикировании. Но на "кобрах" мы их и тут догоняем.

— Вы скрываете эту тактику от остальных?

— Нет. Мы учим всех этим действиям.

— У вас лично, майор, сколько сбитых?

— 32 лично, и 18 в группе. Есть ещё незасчитанные.

— Ого! — присвистнул Василий.

— Просьбы? Пожелания? Замечания есть?

— Недостаточно быстро передаём опыт в войска, товарищ Верховный. И очень мало радиолокаторов в войсках. Замечаний много, товарищ Верховный. Воевать можно гораздо лучше. А пожелание я уже высказывал наркому Кузнецову: до конца февраля перебазировать полк на Кубань. — Сталин вопросительно посмотрел на меня.

— Ростов мы не взяли, товарищ Верховный, война затягивается. Немцу нужна нефть. Плацдарм у него на Кубани. Основная мясорубка будет там, на юге. И нужен ударный самолёт, способный догнать "мессера" на пикировании: И-185 с пушками ВЯ-23. Хотя бы эскадрилью в мой полк.

— А почему не Яки? — удивлённо спросил Василий Сталин.

— Горят они! У Клещёва летчики не хуже моих были, товарищ полковник. И против бомбардировщиков у Яков вооружение слабовато. А бомбёров будет много. Так что: "кобры" и И-185.

— Мне кажется, Николай Герасимович, что майор засиделся на должности командира полка.

— Меньше полугода командует!

— Три месяца, товарищ адмирал.

— Пожелания мы ваши удовлетворим, майор Титов. Я оставлю у себя ваши бумаги. Мы рассмотрим их на заседании ставки. Можете идти!

Я вытянулся, развернулся и вышел в приёмную. Кузнецов остался. Ждал его ещё минут тридцать. Он вышел из приёмной, неторопливо надел фуражку и шинель, махнул мне головой. Мы вышли.

— Рисковый ты мужик, гвардии полковник! Так с Хозяином не разговаривают! Но ты ему понравился! Он подписал представление к званиям Героев Советского Союза всего лётного состава 13-й гвардейской отдельной авиаэскадрильи. Это у тебя третья Звезда Героя! И представления по 14-му полку все подписаны.

— Схлопотать пулю на боевом вылете несколько проще, товарищ адмирал, чем в кабинете Верховного.

Полк получил приказ передислоцироваться под Туапсе в посёлок Агой. Нас доукомплектовали до 4-эскадрильного состава за счёт лётчиков Черноморского флота: придали нам 10 отдельную авиаэскадрилью. Из Новосибирска пришли первые шестнадцать И-185-71, вторая партия ещё в пути, но, как сказал приехавший с первой партией машин инженер Янгель, в ней самолёты другой модификации И-185-82фн. Получается полная неразбериха со снабжением. Каждая эскадрилья имеет разные самолёты. В первой Р-39К, во второй – Р-39N, в третьей – И-185-71, а в четвертой – 82фн. Аэродром маленький, в расщелине между гор, но хорошо оборудованный: много зениток, стационарный радиопривод с моря, подземные капониры на сто самолётов. Но заход на посадку сложный: две горы – две дыры. В "десятке" пока ЛаГГи, но все лётчики довоенные, летавшие на И-16. Янгель говорит, что "ишак" и "185-й" очень похожи по управлению. Вечером он поделился и известиями о том, что они уже и перестали надеяться на то, что самолёт пойдёт в серию. На все запросы им отвечали, что лётчики предпочитают "Яки". Так что, машины у нас практически "бригадирской сборки", что он захватил с собой хороших механиков, которые быстро подгонят самолёты под лётчиков, и обучат механиков. Для их завода и КБ это очень важный и очень своевременный заказ. "Нас бы расформировали. Шли активные разговоры о том, что завод переведут на выпуск Ла-5 или Як-7б". Неделя ушла на подготовку машин и лётчиков. В это время Макеев и я вели разведку крымских аэродромов противника на Р-39к с подвесными баками. Ведомыми брали с собой командиров звеньев. Вторая эскадрилья дежурила на аэродроме и несла патрулирование района. Третья и четвёртая учили матчасть. На третий день

по прилёту к нам прилетел генерал Ермаченков, командующий ВВС ЧФ. Хотя мы ему и не подчинялись, но находились на его снабжении, да и забрали у него целую эскадрилью. Понятно, что он не был слишком доволен нашим присутствием, но, всё равно надо налаживать взаимодействие. Затем прибыл вице-адмирал Октябрьский, командующий ЧФ, и ознакомил нас с планами командования: 4 февраля предстояло прикрывать морской и воздушный десант в Новороссийск совместно с силами флота и ВВС Закавказского фронта. Операция "Горы" должна была начаться через 4 дня. Операция "Море" была привязана к успеху первой операции. К первой операции нас обещали не привлекать, в связи с не укомплектованностью полка, но, козе понятно, что всем этим обещаниям начальства грош цена: мы – ударная сила ВВС ЧФ. Самая новая техника у нас. Кто ж нам даст возможность спокойно изучить район БД и освоить технику. Как "верный сын партии", я, несомненно, "изучал" великое произведение величайшего писателя современности Генерального секретаря ЦК КПСС дорогого Леонида Ильича. И прекрасно помню, насколько неудачным было планирование и осуществление этих двух операций. С тех пор ничегошеньки не изменилось: нас и сейчас расположили в "самом удачном месте"! Мы "всего" в 100 км от места будущих боёв! Следовательно, мы будем вынуждены выходить из боя раньше немцев. А аэродром в Геленджике занят, как вы думаете кем? Конечно, самой боевой частью! Транспортниками и противолодочниками! Двумя эскадрильями много не навоюешь! Поэтому я с ходу атаковал Октябрьского и Ермаченкова на тему "великолепно" выбранного места дислокации.

— Что вы, что вы, полковник! Мы имеем прямые указания Командующего не задействовать вас в операции "Горы", дать вашему полку время и возможность освоить район, установить локаторы, разместить охрану, и ПВО возле них.

— "Вашими бы устами, да мёд пить!" Ладно, посмотрим, — но, сразу после отлёта начальства, я начал гонять всех на облёт района. Кроме 10-ки. На их ЛаГГах это – небезопасно. Однако поезд со второй партией самолётов где-то застрял. Они ещё не прибыли в Тбилиси. Оттуда их должны были перегнать заводские лётчики.

Первой в бой вступила вторая эскадрилья 12 января. Две восьмёрки отражали атаку на наш аэродром двух девяток "Ю-87" под прикрытием. Поднятая восьмерка первой эскадрильи успела к "шапочному разбору", когда "Юнкерсы", побросав бомбы куда попало, начали отход. "Мессерам"

досталось хорошо, но бомбёры потеряли только четыре самолёта. РЛС на Индюке не работала, его только-только освободили от немцев. Немцы шли от Краснодара, куда начали наступать наши войска. У немцев в Карасуйке большой аэродром. Больше двухсот самолётов. Пока не выжжем это "гнездо" птенцов Геринга, спокойно нам не жить. Связался с Науменко. Его аэродромы ближе всего в Краснодару. Пообещал ему, что прижму хвост немцам ещё до рассвета, а на его аэродромах, восточнее, рассвет наступает на 10–15 минут раньше. Гарантирую, что ни одна падла не взлетит. Подвешиваем осветительные бомбы, бетонобойные и осколочные кассетники: в Карасуйке полоса бетонная. У третьей сегодня первый вылет. Я вылетаю ведущим третьей эскадрильи. С вечера проводим тренировку, всё в порядке, порядок никто не нарушил. Ещё раз уточнили вопросы с Науменко. Лёг спать, спал тревожно, налёт на новой технике у третьей – минимальный. В пять утра подъём, завтрак, постановка задачи. Первыми в сторону моря уходят "кобры", затем взлетаем мы. В воздухе 48 машин. Выясняется, что путевая скорость "185-х" выше, чем у "кобр". Сделали небольшой вираж. Подходим в Краснодару, первая пара сбрасывает осветительные бомбы на парашютах на высоте 1.5 км. Все остальные выше, нам свет бомб не мешает, колонна второй эскадрильи обрабатывает ВПП. Полк, разбившись на звенья, работает по позициям МЗА в Карасуйке. Кто-то успел подавить КЗА в Краснодаре. Томительно тянутся секунды. На востоке вылез красный кончик восходящего светила. В этот момент видим плотный строй "пешек" и орду Ил-2!: воздушная армия Науменко прибыла всего с двухминутной задержкой! Обмениваемся позывными с "Горой". Он где-то тут. Бросаем ещё осветительные. Начинают работать "пешки" генерала Полбина! Наши И-185 подчищают их работу. Аэродром весь в огне и в дыму. Мы начинаем отход по топливу.

— Четвёртый! Я – Гора. Отличная работа! Благодарю за блокировку! Отходите! Мои истребители на подходе!

По воспоминаниям помню, что погода резко испортилась именно 4 февраля. До этого было всё в полном порядке: мороз, глубокий антициклон и полное безветрие. Одна из самых холодных зим в истории. Так как даты взаимосвязаны, значит если ускорить операцию "Гора", то переместится дата "Моря". Всё просто, но что для этого требуется? Надо давить узлы сопротивления. И ещё! Сразу после начала "Моря", авиация встала из-за распутицы. С расквашенных аэродромов было просто не взлететь. Весна здесь ранняя. В первую очередь удалось решить эту задачу. На фронт прибыл лйт-маршал Митчелл с целью познакомиться с ходом боевых действий. В разговоре удалось попросить доставить перфорированные

полосы. Благодушно настроенный маршал, после обильного возлияния в Агойе и очень плотного обеда, сказал адъютанту, чтобы тот записал эту пустяковину в план. Перфорацию мы получили ещё в январе. Вторая задача решалась сложнее. "Коммунизм – не за горами!" Но мы-то за горами! А бои идут по ту сторону хребта на равнине. Пришлось адъютанта полка отправить в штаб 18-й армии, для получения точных и своевременных данных о противнике. Записывать вылеты как тренировочные в составе эскадрилий и полка, и наносить штурмовые удары по узлам сопротивления. Флотская авиация, действительно, не была задействована в операции "Горы". Основная задача сводилась к ведению воздушной разведки над Крымом и Таманью. Эскадрилья Макеева успешно работала в этом направлении. Двадцатого, наконец, поступила техника в 4-ю эскадрилью. Янгель, уезжая, обещал подкинуть "россыпью" технику на восполнение потерь. Сплюнули через левое плечо. Хороший мужик! И дело своё туго знает. Оставляет перегонщиков в Тбилиси. Связываюсь с Ермаченковым, задаю вопрос о передислокации в Геленджик. Требуется ведь и позицию РЛС поменять!

— Вопрос о сроках начала ещё не решён, товарищ полковник. Ждите!

— Мне требуется за два дня до начала переместить "РУС-2"! 18-я уже в Славянской! Что, так сложно поднять противолодочников? Нет чужих лодок в Чёрном море, товарищ генерал. А меня беспокоит погода! Антициклон вот-вот разрушится и будет нам на орехи!

— Что вы сказали про антициклон?

— Устойчивость антициклонов кратна 2-м неделям, товарищ генерал. Сами посчитайте, разрушение этого циклона начнётся Д-1.

— Чёрт возьми! А вы правы, Павел Петрович. Будьте на связи!

О, зашевелился! Я вызвал инженера и командира БАО, надо проверить готовность к перебазированию. А БАОшников сгонять в Дивногорскую и в Пядь, я там площадки видел. Чтобы хоть чуть-чуть полк рассредоточить.

Через сутки получили приказ выдвигать РЛС к Геленджику. Сам съездил, осмотрел вырытый блиндаж и как замаскировали антенны. 26 января перелетели в Геленджик. Шли над морем на малой высоте небольшими группами. Сразу рассредотачиваем и маскируем самолёты. Полк базируется на трех площадках. К вечеру приехала инспекционная группа из штаба флота. Дату начала "Моря" официально перенесли на 30 января! Сработало! И новолуние! Макеев, с подвесным баком, пошёл в последнюю разведку: в круговую, через Туапсе и Краснодар. Привёз хорошие снимки мест высадки. Отправили всё в штаб флота. Вечером 29-го построил полк и зачитал приказ о начале операции "Море", остановился на

задачах полка. Затем выступил замполит Аксёнов. Настроение у всех боевое. Немного волнуясь за 4 эскадрилью. Там состав неоднородный. Есть очень сильные лётчики, но есть и откровенно слабые. Как они себя проявят в будущих сложных боях?

С наступлением темноты Геленджик превратился в растревоженный муравейник: как из-под земли все улицы оказались заполненными марширующими ротами и батареями. К нам на ВПП прибыли ещё 16 DC-3. А неподалёку в бухте шла погрузка 83-й и 255-й бригад морской пехоты, 165-й стрелковой бригады, отдельного пулемётного батальона, 563-го танкового батальона, 29-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка. Батальон отдельного фронтового авиадесантного полка возле КП нашего полка проверял крепление парашютов. Было очень холодно, я беспокоился, как бы не появилась морозная дымка. Обошлось. По мере погрузки из бухты выскакивали тихоходные суда и корабли с десантом. Они уходили под берегом к входу в Цемесскую бухту, под три горки: Вера, Надежда, Любовь. Мимо проскользнули ещё корабли из Туапсе. Море было тихое, как лужа, только блинчики льда со скрипом ломались друг об друга.

Ровно в час ночи тишину разорвала мощная артиллерийская канонада: Черноморский флот начал обрабатывать позиции немцев в порту в районе волнолома, а вторая группа кораблей расстреливала в упор огневые точки у Мысхако. У нас в воздух поднялись все транспортники. Один из "дугласов" не смог набрать скорость и упал в воду. К месту крушения подскочил катер. Связался со штабом операции, спросил: нужна ли подсветка после окончания артподготовки?

— Запросим после окончания высадки. Будьте на связи и в готовности.

— У меня готовы две эскадрильи с бомбами. А "кобры" могут бросать осветительные.

— Ждите!

Тренькает телефон: "Десант просит подсветить район порта и поработать по огневым за молотом!"

— Миша! Зелёную!

Четыре самолёта первой, по очереди, срываются с места, затем взлетает два звена третьей. В воздухе ставлю дополнительную задачу Макееву и Лихолету. Теперь всё зависит от мастерства лётчиков. Напоминаю, что вправо не ходить, отворачивать в сторону Крыма.

Макеев мастерски повесил "люстру" на высоте 700 метров и ушёл на второй заход. Его ребята пошли за ним, а восьмерка Лихолета,

растянувшись колонной, по очереди наносит бомбо-пушечные удары по вспышкам выстрелов. Вывод из пикирования на высоте "люстры". Всё это сотни раз отработано, но тем не менее, ночная штурмовка для нервов лётчика это что-то!

— Десант пошёл вперед, атаку прекратил! — слышался голос Карпоноса.

Опять зазвонил телефон, из штаба сообщили, что десант просит перенести огонь на двести метров вперёд.

— Так и будем играть в испорченный телефон! Дайте волну десанта, и им мой позывной: "Четвёртый"!

Настраиваем ещё одну станцию на волну десанта. Установили связь с полковником Гордеевым. Пошла работа по квадратам. До рассвета сделали 20 самолето-вылетов. Десант захватил порт Новороссийск и закрепился. Отвлекающий десант у Мысхако тоже закрепился. А воздушному десанту у Абрау-Дюрсо приходилось туго. И мы мало чем могли ему помочь ночью. Обнаружили довольно большую проблему: наш локатор не видит Крымскую и самолёты оттуда, следующие на малой высоте. Только начиная с полутора тысяч метров. Всё попадает в теневой сектор. Надо менять место, но некуда! Сообщил Ермаченкову. Вот что значит запоздалое развёртывание! Утром восьмёрка "кобр" второй эскадрильи ушла прикрывать корабли флота. Приказали! Зачем впустую жечь топливо и моторесурс, если от нас до них меньше 6 км. Ведь у них есть локаторы кругового обзора. Но с Октябрьским не поспоришь. Он сейчас сидит на одном из этих "корыт", которые и в тихую погоду так и не смогли подавить огонь немцев, и прикрываем мы его задницу! "Всё, Павел! — говорю сам себе. — Не надо заводитьсь!" Сел за стол возле рации. Вдруг слышу: меня зовут снаружи. "Товарищ гвардии полковник! Смотрите!" Выскакиваю из домика: мимо нас идёт вторая волна десанта. Днём!!!!!! А немецкая артиллерия на восточном берегу бухты у Цементного завода не подавлена! В этот момент меня дёргают за рукав: "Большая группа самолётов со стороны Крыма, товарищ полковник!" Бегу обратно к рации. Людмила сообщает курсовой и скорость групповой цели, они направляются к кораблям. А у двух звеньев второй эскадрильи через восемь минут отход по топливу! Твою мать! "Боевая тревога! Всем к запуску!" Бегу к самолёту. Подключился к станции, принял доклады. На колене разложил планшет, ставлю задачу всем, даю команду второй идти на посадку и срочно заправляться. "Коса" дала дистанцию. "От винта!" — запускаюсь. Прогреваясь на ходу, выруливаю на старт, сзади пристраиваются остальные. Михаил Иванович дал зелёную. Полный газ, форсаж, взлетаем!

Набираем высоту, делаем небольшой круг над кораблями, собирая всех. Погода – миллион на миллион! Ложимся на курс 285, вышел на связь Ермаченков, я попросил отправить катера к месту вероятного боя.

— Четвёртый, вас понял.

Выше и чуть впереди идёт Макеев двумя восьмёрками, затем два звена Володина, а ниже всех идут четыре восьмёрки 3 и 4 эскадрилий. Имеем превышение над немцами в 700 метров. На траверзе пролива Макеев атакует в лоб восьмёрку "фридрихов". Как сейчас не хватает ещё двух звеньев "кобр"! Меня тоже пытается атаковать в лоб "мессершмитт". Куда ты лезешь, глупышка, на три пушки в лоб! Получи! Он разваливается в воздухе! Его ведомый смекнул, что дело не чисто и нырнул вниз. Голос Людмилы: "Четвертый, сзади справа восьмерка самолётов курсом на вас, дистанция 16".

— Четвертый, я – "тринадцатый", идем к вам на подмогу.

— Тринадцатый, на чём?

— "Кобры"!

— У нас "кобры" и И-185.

— Не видел!

— У нас воздушник, на "ишака" похожи, но длиннее. Аккуратнее! У немцев в группе "фоккеров" не видно. Третья! Все вниз. Атака!

С полупереворотом, от солнца, сверху падаем на девятку "хейнкелей". Стрелки лупят в белый свет, как в копеечку. Им солнце мешает. Ведущий нарываясь на мою очередь, иммельман и прибавляю газ! Некисло давит! Манёвренность, как у "ишака". Чуть скосил на солнце, затем в правый вираж и повторяю атаку. Строи рассыпались, но пары четко держатся. Оглядываюсь: "мессера" сыпанулись вниз и там образовалась свалка. Можно работать не спеша! Дал команду сбор первому звену.

— Тридцать один! Строй правый пеленг, атакуем!

Разбираем каждый свой "хейнкель", атака! Взрывы внутри девятки, вниз полетели бомбы, уходят с пикированием.

— Берём следующую, в лоб!

Разворот со снижением, идём в лоб следующей девятке. Атака! Три из девяти подбиты. Ну и мощь у наших "мордатых"! Делаем горку, разворачиваемся. Ребята отлично держат строй. Зайти в хвост мы не успели, девятка развалилась и сбросила бомбы. Ох, и рыбы наглушила немчура!

— Четвёртый! Ниже, у самой воды девятка целей! — раздался чистый женский голос в шлемофоне.

- Не вижу! Дай курсовой.
- Курсовой не могу, от вас курс тридцать градусов!
- Тридцать один! Делай как я!
- Пикирую, обороты совсем сбросил.
- Курсовой!
- Вправо, двадцать, ниже 1000.
- Цель вижу! Торпедоносцы! Следить за скоростью!

Делаю "полочку", сбрасываю скорость, выпускаю закрылок, опускаю нос машины вниз, продолжаю снижение под меньшим углом. "Хейнкели" идут колонной. По сути, они практически беззащитны. Поэтому нам приходится постоянно следить за собственными хвостами. Они, наверняка, уже кричат о помощи! Даю Васильеву команду держаться выше, оттянуться и следить за нашими хвостами. Немцы прижались к самой воде. Последний делает глупость, и следует строго в кильватер следующему. Не входя в зону действия его пулемётов, даю короткую. Он просел и чиркнул по воде. Обхожу фонтан воды. Второй начал огрызаться из трех пулемётов на таком расстоянии, что он не мог не то что попасть, но просто прицелиться ему было невозможно. Трусят стрелки! Они явно не имеют опыта полётов на такой высоте и над водой! Наберут на флот железнодорожников! Короткая! Левый двигатель немца выбросил пламя. "Хейнкель" сбросил торпеды и полез наверх.

- Васёк! Держи его! Он твой!
- Понял, четвёртый! Сзади чисто!

После того, как был сбит третий, и с огромным фонтаном брызг отметил ещё одну победу, ведущий сбросил торпеды и рванул к берегу, за ним повторили манёвр остальные. Дал команду преследовать, а сам начал набирать высоту. Снарядов оставалось совсем чуть-чуть. Попытка создать строй у немцев не удалась. Оторвавшись от воды, они сами себя превратили в мишени! Ну не могут сухопутные лётчики летать над морем!

- Запросил "Осу", будет ли подмога, топливо уже подходило к возврату.
- Четвёртый. Всем отход через пять минут.

Я вижу, что со стороны Геленджика подходит восьмёрка "кобр", явно наших, из второй. А ниже, видны точки набирающие высоту. Наша смена. "Тринадцатый" собирает своих, им лететь дальше. "Мессера" тоже отходят, и только две девятки Ю-87, из хвостовых, деловито направляются навстречу с Нептуном! Уж кто-кто, а Аксёнов, наш "комиссар" и лётчик от бога, ведущий нашу восьмерку, их просто так не отпустит! В кабине жарко, несмотря на мороз на улице, что летом будет! Правда, и я в меховой куртке и в комбинезоне, а под ним бежевый водолазный свитер. Оглядываюсь, все

в строю, не дымят. Интересно, как у остальных? Сажусь с ходу, хлопнул по руке Толика: "Всё отлично! Заправляй, заряжай!", бегу на КП. Смотрю за посадкой и считаю машины. Давненько я не видел такого количества немцев! Последний раз под Ленинградом в сентябре 41-го. Видимо, мы своим десантом им здорово на... хвост наступили. Или они решили покончить с нашим флотом именно сегодня. Принимаю обстановку от оператора, это уже не Людмила, а Таня Захарова. Мы специально держим на связи женщин, чтобы голос сильно отличался. Таня до войны работала диктором на ленинградском радио.

— Командир, есть потери! Не сели Иванов, Райзман и Никифоров.

— Который Иванов?

— Лёшка, из второй.

Райзман и Никифоров — они из четвертой, черноморцы. Не успели ребята освоить новую технику!

— "Оса", я — "четвёртый"! Что слышно от "ноль первого"? У меня есть "одиннадцатые".

— Доклада пока не было, немцев ловят.

— Я не про немцев, а про своих.

— Много "одиннадцатых"?

— Трое.

— Были какие-то, но фамилий не сообщали.

— Что так?

— Они не с нами связь держат. Сейчас запрошу.

Чёрт знает что, а не связь!

— "Коса", доложите обстановку!

— На возврате 8 машин, один отстаёт. В нашем секторе чисто!

— Командир, иди пообедай! — вставляет начштаба. — Я подежурю.

Пошёл в столовую. По дороге меня перехватила Людмила. Покружил её, она приехала Серёжку покормить, как будто без неё не покормят. Так бы и сказала, что соскучилась и растревожилась. В столовой ко мне подсел Лихолет по поводу переселения третьей эскадрильи поближе к аэродрому. Дескать, дома освободились от десанта.

— Петр, что ты ко мне с этим пристаёшь? Командира БАО не знаешь?

— Ну, ты бы ему дал команду! Тебя он послушает, а меня посылает.

— Куда?

— К коменданту, а когда я пойду?

— Так что, мне сходить, что ли? Нашёл время, когда этим заниматься! Вечером всё и решишь. Немцы вот-вот дозаправятся и снова полезут.

- Это вряд ли, Петрович! Мы их очень качественно проредили!
- Не говори гоп, Петя!
- Вошёл Михаил Иванович.
- А кто на КП?
- Макеев. Везут Никифорова и Райзмана, а Иванова уже увезли в госпиталь. Рулём высоты ударило. Калинин двигатель заporол, стружка в масле. Сели все.
- Доложился?
- Да. Октябрьский передал благодарность от флота.
- Лучше бы он не забирал пол-эскадрильи на бессмысленное дежурство. Ладно, кушай! Я на КП.

Макеев доложил по итогам: одиннадцать сбитых плюс три спорных: то ли наши, то ли соседи из 16-го полка. Володин: 7 сбитых, одна потеря, и Аксёнов сбил 12 Ю-87, Лихолет со мной: 17 и 13, из них 15 "хейнкелей", Одинцов – 18 "юнкерсов", шесть из них Ю-88, две потери. 60 бомбардировщиков! И 18 истребителей! Неплохой урожай. Петя, наверное, прав! Второго вылета у немцев не будет!

- Снимаю трубку, звоню Ермаченкову. Докладываю общие результаты.
- Флотские насчитали больше: ещё шестнадцать машин прибавь!
 - Так там же ещё 16-й гиап работал, и ещё кто-то подходил.
 - Как хочешь! Всё равно, отлично сработано. А главное: не пропустили немцев к кораблям!
 - Мои удивляются, почему так мало "мессеров" было?
 - Не дошли они! Их Науменко у Крымской перехватил. Там рубка была страшная! Подвело немцев планирование! Бомбардировщики у них в Крыму, они их после Карасуйки попрятали, а эскадру держали в Крымской. Вы ударили кулаком по морде, а Науменко под дых! Хорошо получилось!
 - На грани фола, конечно, но получилось! Как бы командующему объяснить, что не стоит наш полк на барражировании использовать, Василий Васильевич? От нас до кораблей меньше пяти минут. А тот сектор, который мы не просматриваем, "Красный Кавказ" может видеть.
 - Сегодня не обещаю, но завтра поговорю об этом. Он отдыхает сейчас.
 - Что у Гордеева и Куникова? Поддержка ночью нужна?
 - Пока тихо, но держи дежурные звенья.
 - Люди быстро вымотаются, товарищ генерал. Ночные полёты не шутка.
 - Сам говорил, что через три-четыре дня будем отдыхать по погоде.

- Да какой это отдых! Сиди и жди, когда раздует, чуть что и на взлёт.
- Хорошо, подумаем. Потери большие?
- Три машины, один человек. Нужен летчик-ночник, на "кобру".
- Нет таких, но из Грузии, из Сухума, пяток ночников брошу. Обучай.

Вечером собрались в кают-компании на ужин и на разбор полётов. Были, правда, не все: первая и третья ополовинены: два звена спит, два звена дежурят. Адъютанта посадили писать протокол, он стенографией увлекается. Во вступительном слове похвалил ребят, и предложил высказываться по тактике и технике. И третьей и четвёртой очень понравились И-185. Особенное восхищение вызвали пушки ВЯ и количество боезапаса.

— Впервые почувствовал, что снарядов много! Вроде и короткую дал: 3–5 патронов! Сводимость классно настроена. В цель попадает 8-12 снарядов! — заливался Лихолет. — А их 250 на ствол!

— Да, а уж как жахнет! Особенно ОФ! "Юнкерс" только крылышки складывает! — вторят ему Бериев и Аксёнов. Их звенья атаковали, в основном, пикировщиков. Они, действительно, попадания даже двух снарядов не выдерживали, ломались. У моего звена результат похуже, но мы, в основном, по "хейнкелям" работали. Они много крепче, и защищены 5 пулемётами и пушкой. Сзади к ним соваться труднѐхонько, а спереди — кто кого перестреляет. У них более устойчивая платформа, хотя, слишком много зависит от штурмана. 88-е тоже не долго сопротивляются попаданиям. У "кобры" снаряд мощнее, но больно их мало и темп стрельбы низкий. Остальное надо "перчить". И вертикаль держит хуже. Раздались голоса, что всему полку надо переходить на "И". Пришлось вставить веское слово:

— Нам сегодня повезло, что 4-я воздушная армия сумела задержать немецкие истребители. А первая и половина второй эскадрильи сумели связать боем прикрытие. Плюс, мы знали высоту немцев и шли выше. Завтра немцы перебросят с запада локаторы и полезут на высоту. Сейчас они расслабились и знают, что двигатели у нас не высотные, выше 3–3,5 наши обычно не ходят. Сегодня немца подвела самоуверенность и шаблон. Завтра он может отказаться от шаблона и атаковать нас сверху. "Кобра" высоту держит, "мордатик" — нет. Так что, нам ещё долго назад вверх оглядываться, без кобр. Но мне тоже "мордастенький" понравился! Особенно, как он меня в кресло вдавил на иммельмане! Ну, вроде всё разобрали! Калинину сегодня не наливать! Из-за него "маслопупы" сейчас пупок рвут! За температурой надо следить! Ну и что, что стоит автомат

регулировки! Нефиг так долго форсажить! Командующий флотом объявил всем благодарность за то, что не подпустили немцев к кораблям. За Победу! И в тряпки! Кого увижу после отбоя добавляющих, не взыщите! Всё, спать! Завтра будет трудный день! Первая и третья! Может быть ночной подъём, если будет много работы. Отдыхайте, товарищи.

— Пашенька, вставай! Начальство приехало! — раздался голос Людмилы. С трудом разлепляю глаза, потянулся и сбрасываю ноги на ледяной земляной пол. Действует безотказно! Мгновенно просыпаешься. Натягиваю гимнастёрку, набрасываю куртку, наматываю портянки и натягиваю унты. Ещё совсем темно, кому это не спится? Захожу в штаб: Савельев, Михаил Иванович, стоит по стойке "смирно", и одними глазами показывает на меня. Перед ним, спиной ко мне, стоит кто-то в кожаном реглане и кожаной фуражке. Росточка небольшого, из-под фуражки торчат курчавые волосы. Судя по всему, чем-то недоволен, но он ко мне не поворачивается, продолжая обзывать бедного Иваныча последними словами.

— В чём дело, Михаил Иванович?

— Вот, приехал генерал-лейтенант Мехлис, требует поднять и построить полк. Я — отказываюсь.

— Разрешите поинтересоваться, товарищ генерал, для каких целей? Лётный состав отдыхает после полётов. Моё непосредственное начальство мне ничего не передавало ни о вас, ни о вашем визите. Я, извините, даже не знаю: кто вы, и с какой целью сюда прибыли!

Мехлис резко развернулся ко мне побелевшим от злости лицом: "Вы не знаете члена военного совета фронта?"

— Нет, товарищ генерал, я подчиняюсь наркому Военно-морского флота, и нахожусь в оперативном подчинении командующего Черноморским флотом вице-адмирала Октябрьского. Разрешите узнать цель вашего визита! И цель построения полка в это время! Я — командир 14-го гвардейского истребительного полка Краснознамённого Балтийского флота гвардии полковник Титов.

До Мехлиса дошло, что он находится на территории чужого монастыря. Но он не сдавался! Он откозырял и представился:

— Генерал-лейтенант Мехлис, член военного совета фронта.

— Извините, товарищ генерал-лейтенант, но какого фронта? У наших соседей, Закавказского фронта, нет такого члена военного совета! Разрешите ваши документы?

— Северо-Кавказского фронта, полковник! — мы изумлённо

переглянулись с Савельевым.

— Здесь нет такого!

Мехлис выругался, сел на стул и вдруг захохотал!

— Вы правы, полковник! Этот фронт только формируется, через некоторое время он будет вместо Закавказского. Меня уполномочил Верховный Совет СССР вручить правительственные награды личному составу полка.

— И вы нас извините, товарищ генерал, но, сами понимаете, входит незнакомый человек. Ничего не объясняя, требует поднять полк. Теперь понятно! А почему ночью? Это же торжественное мероприятие!

— Я посмотрел, что у вас есть прожектора, чтобы осветить место построения, поэтому решил не терять два часа. Мне ещё возвращаться в Грозный.

— А о каких наградах идёт речь, товарищ генерал.

— Я ещё не смотрел... — он помахал рукой своему адъютанту. Тот передал пакет. Мехлис вскрыл его, достал бумаги, и его глаза округлились! — Шестнадцать Героев Советского Союза! И орден Красного Знамени самому полку? Будем ждать утра, товарищи!

— Михаил Иванович! Распорядись насчёт чайку! Может быть, покушать хотите, товарищ генерал?

— Нет, чай. Георгий! — сказал он, обращаясь к адъютанту. — Пошли кого-нибудь посмотреть дом культуры, если занят, то освободить его!

— Там госпиталь, товарищ генерал!

— Тогда отставить, будем вручать здесь.

Гнев Мехлиса прошёл, и он с интересом слушал историю полка, ознакомился с отчётами и документами. Я попросил разрешения, и вышел переодеться, и отдать распоряжение о построении. Полк поднялся по расписанию, лётчики позавтракали, а с рассветом все выстроились на лётном поле. Внесли знамя полка. Зачитав Указ Президиума Верховного Совета, Мехлис прикрепил орден Красного Знамени к знамени полка. У полка появилось наименование: Сталинградский. Затем началось вручение орденов и медалей. Из-за холода, и весьма специфического обмундирования, награждённым просто передавалась сама награда, и документы на неё. Всё равно, получилось очень торжественно. Затянулось это до обеда! Наград было много! Некоторых вызывали по несколько раз. В заключение, дежурное звено 4 эскадрильи взмыло в воздух, и дало салют из 12 пушек. После построения, лётный состав и все награждённые пошли в кают-компанию, где Мехлис, ещё раз, поздравил всех, и поблагодарил за службу Родине.

— Вы же первый трижды Герой, полковник? — сказал он уже за столом.

— Не знаю, наверное.

— Я пришлю сюда своего человека, хорошего писателя и журналиста, Юру Жукова. Он должен написать о делах вашего полка! А почему никто не пьёт, кроме меня и моих людей?

— В полёт не выпустят! Команда на вылет может последовать в любую минуту.

Мехлис попрощался с людьми и уехал, а мы долго ещё вспоминали первые минуты его приезда.

Немцы, после потери порта, перегруппировывались, десант медленно, но продвигался вперёд, развивая успех. Горные стрелки начали выжимать немцев с восточного берега. Остатки парашютно-десантного полка ЧФ каждую ночь просачивались к своим. В Озерейку и на Мысхако. Но практически поодиночке. Мало их осталось. Совсем мало. Местность там гористая, покрыта буковым редколесьем, очень сильно пересечённая. Десант сделал своё дело, ослабил давление немцев на плацдарм, и очень дорого заплатил за это. Под прикрытием дымовых завес, в порту выгружалась тяжёлая техника, но до успеха операции было ещё далеко. Мы стояли на прикрытии флотской группировки. Работы было немного. Активность немецкой авиации резко упала. Но немцы начали охотиться за нашими "ночниками" По-2. А мы, соответственно, на них. У нас получалось лучше! Немцы использовали наземные посты наблюдения и связи, а мы — локатор. 4 февраля начался сильный шторм. На несколько дней пришлось прекратить всякое движение в Цемесской бухте. Высота волн была до 6 метров. У нас в Геленджике волны доставали до перфорации ВПП. Неудивительно, что "в прошлой войне" сорвалась высадка. Сейчас, из-за шторма, десант был вынужден ослабить давление на противника, экономя боеприпасы. Мы не летали по погоде. Приводили технику в порядок, пополняли склады. Корабли снялись с рейда, и отошли штормовать мористее. А на земле полным ходом шли бои местного значения. После двух успешно проведённых общеполковых операций отношение к нашему полку изменилось.

Приехавший Ермаченков сообщил, что немцы сменили командование авиацией в группе армий "А".

— А на погоду у тебя нюх, Петрович! Как считаешь, что будут делать немцы?

— Перебросят сюда один или два флота. "Тузов" Рихтгофена и ещё кого-нибудь. Так что, чуть подстихнет, начну разведку Крыма. Они постараются повторить атаку на флот и выбомбить десант. А у нас всего два аэродрома: здесь и в Туапсе.

— Так ещё ведь Науменко!

— А у него, вообще, один: Карасуйка.

— Там ещё полоса не восстановлена.

— Так, товарищ генерал, что мы сидим? Надо ехать к соседям и договариваться. Судя по темпам действий горных стрелков 1329 полка, скоро мы сможем затащить РЛС на Надежду. Только трактора будут нужны. Тогда вся Тамань будет у нас как на ладони. Там надо будет делать центральный узел связи. Сейчас у нас получается ни то, ни сё. Каждый работает на себя и со своего места, а надо действовать кулаком: выбивать немцев с аэродромов, вытеснять их как можно дальше, чтобы бить их на отходах. И "свободную охоту" организовать, и над обоими морями, и над Крымом, и над Таманью. Вон же, Карасуйку дёрнули, немцы Краснодар сразу сдали.

Ермаченков задумался, глядя в пол.

— Ехать придётся вкруговую, надо бы ещё и бронетранспортёр взять с охраной. И иконостас свой одень. Одевайся, поехали.

— А как погода в Краснодаре?

— Не знаю, запроси! А зачем тебе погода?

— "Мордатых" у Науменко не знают. Надо показать, а то посбивают.

— Ты что, собрался в такую погоду взлетать? Нет! Запрещаю, категорически! Горы закрыты облачностью, значит пойдёшь вкруговую, а там территория, занятая противником. А трижды Герой у нас один. Мне мужское достоинство открутят из-за этого. Одевайся, едем на машине.

— Есть!

— Из операторов кого-нибудь возьми. И силуэты И-185.

Подъехала охрана на немецком "ганомате", мы на новеньком "виллисе" тронулись через Туапсе в Краснодар, в штаб 4 ВА. Дорога шла через заснеженные перевалы, по местам недавних боёв. Кое-где виднелись надписи: "Разминировано". Местами стояли посты, и движение было односторонним. Ехали довольно долго. Краснодар довольно сильно пострадал при бомбардировках. Много домов выгорело позже, когда немецкие зондеркоманды жгли всё, что могло укрыть людей в такие морозы. Штаб Науменко располагался в Карасуйке, в полусгоревшем и повреждённом доме. Рядом с домом — позиции немецкой малокалиберной

зенитной батареи. Мы её штурмовали в январе. Приятно посмотреть на перевёрнутые и повреждённые орудия. В первую очередь, я пошёл смотреть полосу, но меня остановили, сапёры ещё не закончили работу. Множество неразорвавшихся осколочных бомб. В момент штурмовки было очень холодно и многие бомбы не разорвались, зарылись в снег и сорвали работу немцев. Капитан-сапер сказал, что работы ещё на неделю, если не больше. Только после этого можно начинать ремонт полосы, но с дальней стороны работы по восстановлению бетона уже начаты, но их сильно держат морозы. 16-й гиап базировался на расчищенном от снега поле, в полукилометре от ВПП Карасуйки. Расспросив капитана, я повернул к штабу армии. Ермаченков уже был у Науменко, поэтому я сел возле адъютанта и стал ждать. Минут через двадцать нас с Людмилой пригласили пройти к командующему.

— Гвардии полковник Титов, командир 14-го Краснознаменного Сталинградского гиап КБФ.

— Гвардии лейтенант Титова-Бахметьева, командир взвода радиолокационной разведки и наведения 14-го гиап КБФ.

— Здравствуйте, полковник, здравствуйте, лейтенант. Присаживайтесь. Мне уже изложили суть ваших предложений, полковник. Хотелось бы услышать детали и потребное количество техники.

— Товарищ генерал! С высоты 816,3 наша РЛС захватит вот такой вот район, — я очертил на карте полукруг 150 км. В этом секторе мы надёжно можем обнаруживать металлические самолёты. Крупные самолёты могут быть засечены дальше, до двухсот километров: то есть до Ейска и Ялты.

Требуется три блиндажа, рота или батальон охраны, МЗА три батареи, и дивизион КЗА с позициями вокруг РЛС. Дорога на высоту 816,3 предположительно заминирована. Требуются три-четыре командные 192-е станции, радисты. И 6 толковых командиров наведения. Вот тут мы с инженерами прикинули схему, неплохо было бы дать заказ промышленности и снабдить такими схемами все наши самолёты. Но, это дело будущего. Наши полковые самолёты 1 и 2 эскадрильи такой прибор имеют. На третью эскадрилью приборы устанавливаются, а на 4-ю — вот-вот придут. Прибор позволяет определить на локаторе, какой самолет наш, а какой нет. Для того, чтобы втащить РЛС на высоту 816,3 требуются трактора или танки. Вот приблизительная схема размещения центрального пункта системы управления ПВО района. Точнее пока не можем, так как под высотой ещё идут бои.

— Такая система, как вы выразились, уже где-нибудь работала?

— Да, в Сталинграде. Поэтому наш полк и носит наименование

Сталинградский. Сюда нас направил лично товарищ Сталин, который в курсе наших разработок. Сейчас схема выглядит вот так! — я передал Науменко листок с изображением существующей ПВО флота в районе Цемесской бухты. — Но, товарищ генерал, как видите, мы охватываем только морской участок, а вот этот угол наблюдает крейсер "Красный Кавказ", что значительно ухудшает наведение на цель. Если мы объединим наши усилия, то и мои, и ваши лётчики, смогут использовать эту систему.

— Резонно, резонно, товарищ полковник. А я даже удивился, увидев такого молодого полковника, да ещё и с таким "иконостасом".

После обсуждения идеи с КП, вернулись к вопросу о наших И-185. Я передал силуэты машин и попросил Науменко распространить это в армии. Науменко заинтересовался машинами, и пообещал приехать, и привезти командиров полков: и для распространения опыта, и для знакомства с новой техникой.

Договорились о том, что проведём что-то вроде конференции по обмену опытом. Показатели нашего полка достаточно сильно выделялись на общем фоне.

Дальше командующий насел на Людмилу, его интересовало, чем отличаются на радаре наши и немецкие самолёты.

— Бомбардировщики, практически, ничем, "кобры" — тоже, они металлические, но автоответчик даёт двойную отметку на экране. Истребители — они отличаются: у наших отметка слабая, немного размытая из-за дерева и перкаля, а у немцев — яркая, они металлические. А так — ничем. Операторы у нас опытные, для неопытного все отметки одинаковые.

— А как же вы решаете сопровождение цели, экран у вас маленький, я же видел в Москве такой.

— Расчёты выполняются на планшете, он — большой. У оператора есть помощник, штурман. Получив пеленг, дистанцию и высоту цели, он наносит её на планшет и отмечает время. Через три минуты передаются вторые координаты, отсюда получаем курс и скорость цели, и сообщаем их тем, кто находится в воздухе, давая курсовой угол на цель.

— А если целей много?

— Тогда тяжело, и мы разбиваемся на сектора.

— А в воздушном бою, вы можете подсказать лётчику, например, что его атакуют?

— Мы можем видеть только то, что цели пересекаются. Мы воздушный бой не ведём, его ведут сами лётчики. Мы помогаем искать цели, занять удобную для атаки высоту и курс. Когда целей немного, и мы ведём "своих", то да, можем подсказать, с какой стороны опасность, или о

приближающихся новых целях. Заменить визуальное наблюдение полностью мы не можем. Маловато информации.

— Надо всё это посмотреть в реальных условиях. Погода наладится, загляну к вам в Геленджик.

— Товарищ генерал! — обратился я к Науменко. — После шторма, скорее всего, потеплеет и весна начнётся. Снега в этом году много, а аэродромов с бетонным покрытием у нас два: Карасу и Туапсе. У немцев, по данным авиаразведки, таких аэродромов шесть. Мои площадки имеют покрытие из металлических полос, все три, в Геленджике, Дивногорской и Пяди. А остальные аэродромы раскиснут. Одним полком такой районище не прикрыть. Полоса в Карасуйке ещё неделю будет закрыта.

— А что за металлическая полоса? — Я показал фотографию. — Где достали? Как на земле держится?

— Союзники прислали в январе. Сбоку, вот видите, у неё фигурные крючки, в одну и в другую сторону, ими полосы соединяются между собой, получается настил. При смене аэродрома разбирается и перевозится на новое место.

— Здорово придумано! А мы с катками и сетками мучаемся! Дутики рвём! А быстро вам их привезли?

— Когда Митчелл был? 15 января мы его попросили прислать. Две недели. За сутки БАО смонтировал.

— Надо срочно заказывать и промышленность напрячь, чтобы выпускали массово.

— А когда планируете отремонтировать полосу здесь? Про сроки разминирования я знаю. Это для взаимодействия надо.

— Опять-таки по погоде. На таком морозе бетон не застывает. Полковник, а сколько бортов дополнительно могут вместить три ваши площадки?

— Ещё два полка, максимум. Но, не бомбардировщиков. Полосы коротковаты.

— Бомбёры будут сидеть здесь, в Карасуйке.

— Товарищ генерал, я тут посмотрел на Карасуйку, и у меня мысль появилась: что если вооруженцев попросить немного переделать взрыватели к двух, пяти, 10 и 25-килограммовым бомбам, чтобы они не взрывались при ударе о землю, а взводились и настораживались на вибрацию и дополнительные удары или нажатие, как мины противопехотные. Укладываем в контейнеры и, с малой высоты, засеваем немецкие аэродромы в Крыму, Крымской и Новороссийске. Спецминёров можно флотских привлечь. Таким образом, можно здорово

тормознуть работу немецкой авиации весной. Летом это не так критично, можно просто поменять площадку, а по весне это было бы очень кстати. Сравнялись бы по площадкам.

— Сейчас Иванищева позову. Савелич! Покличь Иванищева сюда! — Через несколько минут вошёл полковник Иванищев, инженер-вооруженец 4 армии и мы продолжили обсуждать проблему минирования с воздуха.

— Удар будет сильным, из-за скорости, прыгать будет, всё равно взорвётся. Она должна взводиться не от удара, а от чего-то ещё, — возразил мне Иванищев.

— А если замедлитель поставить, механический? А скорость можно при помощи вертушки сбросить, — я нарисовал раскрывающиеся стабилизаторы, которые будут раскручивать бомбу как кленовое семечко. — А взвод на остановку вращения и удар.

— Да, так можно сделать. Николай Федорович, и с вертушкой-предохранителем можно похимичить, подумаем. Найдём решение.

В знак того, что он не напрасно потерял время, командующий пригласил Ермаченкова и нас двоих пообедать, хотя по времени это больше походило на ужин. Выехали обратно почти затемно. Я ехал довольный: разговор получился заинтересованный, явно, что Науменко приедет, всё посмотрит, и сам начнёт городить всё такое же. Ну и АВД-42 побыстрее в войска попадёт. Так как местность здесь пересечённая, много мостов, ущелий, оврагов, то подобное минирование будет затруднять передвижение резервов противника. Создавать пробки на дорогах, а мы по ним и будем работать. Сделают в одной армии, начнётся повальное совершенствование системы ПВО района боевых действий. Без этого, как летали по старинке, так и будут летать. Главное, идею подбросить, а там уж наш народ такой: коли дело нужное и своевременное – в лепёшку разобьются, но достанут, пробьют, сделают.

Неделя непогоды кончилась, так же неожиданно, как и началась. Резко потеплело, начал сходить снег. Ручьи и речки переполнились, в горах частые лавины. Десант удержался на позициях, но на левом фланге пришлось оставить несколько кварталов города. Зато на правом начались бои за цемзавод. Восточнее немцев прижали к разрушенному тоннелю, взята станица Неберджаевская, начались бои за Грушевую. Как только закончился шторм, корабли ЧФ вернулись на рейд, и продолжили артиллерийскую поддержку десанта. Десант получил подкрепления, боеприпасы, а затем последовала ночная высадка на причал Цемзавода. Торпедные катера и тральщики флота выбросили пополненный батальон

морской пехоты Цезаря Куникова, героев Мысхако. На вспомогательном плацдарме их заменили части 18 армии генерала Леселидзе. В ночном бою успех сопутствовал героям. Они перерезали дорогу Новороссийск-Геленджик. Части 1 горнострелковой дивизии немцев оказались окружены в районе Кабардинки. Науменко перебросил к нам полк Ил-2 и полк Як-1. И добавил зенитной артиллерии. На аэродромах стало невыносимо тесно, особенно в Пади. Но, остальные аэродромы раскисли, и на эти три полка легла вся нагрузка по сопровождению штурмовиков и ПВО района. Я сам, практически не летал, на земле работы было выше крыши. Прибыли обещанные "ночники" из Гудауты: шесть человек во главе с майором К. Разговор с майором кончился тем, что я его отправил обратно. Меньше, чем на командование эскадрильей он не соглашался.

— Я зам. командира полка уже 5 лет!

— На чём летали, товарищ майор?

— На "И-16".

— Сколько у вас сбитых?

— Наш полк участия в боевых действиях не принимал!

— У нас очень специфичный полк и очень специфичные задания.

После ввода в строй, пойдёте ведомым во вторую эскадрилью к лейтенанту Смирнову. Освойтесь, покажете, что способны руководить, будет вам повышение. Лейтенант Смирнов очень опытный ведущий, на фронте с июля 41-го. Три ордена и 11 сбитых.

— Вы не имеете право меня так оскорблять! Я на командных должностях уже 15 лет! — горячая кавказская кровь взыграла!

— Товарищ майор! Я начал войну рядовым летчиком, ведомым. Лейтенантом. В июле 41-го. Командирами в этом полку назначаются только те люди, в которых я уверен. Бывший командир 10 отдельной эскадрильи ЧФ, несмотря на большое количество боевых вылетов, начал воевать в нашем полку ведомым. Сейчас он заместитель командира 4 эскадрильи. Вас что-то не устраивает? Давайте ваше командировочное, вам его отметят, и возвращайтесь к своим обязанностям в своём полку. Вакантных командных должностей в полку нет, — я обвел глазами строй остальных пяти лётчиков. — Кто-нибудь ещё не доволен переводом в гвардейский Сталинградский полк?

— Никак нет, товарищ гвардии полковник!

— Вопросы есть?

— Когда приступим к тренировкам?

— Немедленно. Поступаете в распоряжение штурмана полка капитана Игнатьева. Он вас расселит и назначит время занятий. Валерий Саввич!

Принимай пополнение! И подберите со Смирновым из них одного, кто полностью сможет заменить Лешку Иванова. До свидания, товарищи!

Науменко прилетел на второй день полётов, несколько часов сидел на НП у Людмилы. Смотрел, слушал, потом переместился на наш КП. Пробыл у нас целый день. В тот день задача была очень сложной: полк работал в "теневом" секторе. И только несколько раз за день посылались восьмёрки на перехват разведчиков и охотников немцев в нашем секторе. Основные данные шли с крейсера "Красный Кавказ". Данные отражались на планшете, по планшету принималось решение. Вечером, ближе к концу дня, генерал подошёл ко мне:

— Полковник, вас отвлечь можно?

— Минуточку! Михал Иванович, подмени! Вот макеевская, вот звено Михайлова. Вот цель, вот немцы. Слушаю, товарищ генерал!

— Здорово у вас тут всё устроено, Пал Петрович! Потери за сегодня у вас есть?

— Нет, товарищ генерал. Только технические. Два самолёта повреждены зенитками. Тринадцать немцев сбито. Но сегодня активность немцев низкая. Над Крымом низкая облачность. А вот над Крымской, по моему, сегодня было жарко. Но мы не сопровождали ваших. Только штурмовиков, которые работали по Цемесской бухте.

— Как только 816,3 будет свободна, людей и технику я дам. Будем строить. Хорошее и нужное дело! Полк мне ваш понравился! К себе бы вас забрать! Пойдёшь ко мне? Дивизию дам! — заулыбался Николай Федорович.

Я тоже улыбнулся и покачал головой.

— Не я принимаю такие решения, товарищ генерал. Но полк никому не отдам. Я с августа 41-го в нём.

— Понимаю тебя, Пал Петрович. Ну, спасибо! Полечу!

— Так поели бы, товарищ генерал.

— Я уже. Сопровождения не надо. Свои проводят.

Дождались! Просто слов нет! Ивана подбили! На выходе из атаки он был атакован двумя "мессершмиттами", которые дали по нему очередь и ушли наверх. Ваня Елисеев был моим ведомым с августа 41-го. Опытнейший лётчик. Он дотянул до полосы, и сел на брюхо. Скользнул по полосе и повредил ещё два самолёта. Ранен. Пробито правое лёгкое. Хрипит, идут красные пузыри.

— Паша... чёрные "мессы"... не "фридрихи"... у одного... чёрт на

метле... второго бык... — он потерял сознание.

— Люда, как же так?

— Там такая свалка, эти двое подошли и не атаковали, держались выше, потом всё смешалось, мы их потеряли.

Ваня, Ванечка! У-у-у, уроды!

Ночью ковырялся в своём "мордатике" и "кобре", у меня две машины. Снял зеркала с "кобры" Ивана, поставил на "И", сходил, взял расширительный бачок и поставил его в гаргрот. Подвел и отвёл топливо. На идиотские вопросы посылал всех. Толик крутился рядом, но его я посылать не стал. На его многочисленные вопросы, я ему сказал: "Толик! Я знаю, что я делаю!" Взял жилет, обрезал ворот, прикрутил два шланга и подключил к кислородной системе через два клапана. Одел на шею, нажал на впуск, шею сдавило, нажал на выпуск, воротник сдулся. Опасно, конечно, если сознание потеряю, но делать нечего. В 08.00, после завтрака, я, "на глазах у публики": всего полка и командования двух полков 4 армии, выполнил обратный пилотаж с "ручным управлением противоперегрузочным костюмом". За исполнение этого пилотажа, на чемпионатах мира, я дважды становился чемпионом мира. Ну что, JG-52, охотнички хреновы, потягаемся?

— Паша, ты куда собрался? — спросила Люда.

— Ты почему здесь, а не на НП? Твоя задача дать мне 200 метров между машинами. Понятно?

— Я поняла, Павел.

— Толик! Подвесь птб и заправь машину полностью.

— Товарищ полковник...

— Ты не слышал команду?

— Есть!

— Вылетаю на разведку, один. Лейтенант Титова! Следить за моим хвостом. Они должны клюнуть на одиночную цель. Эскадрилье Макеева быть в готовности к взлёту. К запуску!

Сел, пристегнулся, проверил ошейник. Мотор чихнул, винт слился в прозрачный круг.

— Коса, я – четвертый! Как слышите, приём.

— Я - коса, вас слышу хорошо.

— Я - четвертый, добро на взлёт.

— Четверный, взлетайте.

Набрал 3.5, скорость держу 430, изображаю "Ишака", по силуэту похоже, "Ишак" чуть короче. Прошёл над Анапой, там немецкий НП, иду

на Тамань. Энергично маневрирую, выполняя противозенитный манёвр. Пошёл на Тамань, прошёл станцию Кавказ. Зенитки бьют, но в небе никого. Довернул на Заветное, там у немцев аэродром подскока. На аэродроме пусто. Довернул на Феодосию. Прошёл примерно половину расстояния.

— Есть две цели, четвертый! Взлетели из Новониколаевки. Производят набор высоты.

— Понял, "коса"! Внимательнее! Рассчитай время отворота на дистанции 1000. Надо продержаться их на этой дистанции до траверза Кизил-Таша или Тамани.

— Поняла!

Спустя 17 минут:

— Четвёртый! Вам курс 180 с прежней скоростью.

— Выполняю!

— Четвертый, через 4 минуты – курс 135, скорость 480.

— Вас понял!

Мы начали затягивать охотников на нашу территорию.

— "Коса", курс 135. Скорость 480.

— Они догоняют, выше 1000.

— Пока не вижу.

— Четвёртый, через две минуты курс 92, скорость 520.

— "Коса", вас понял! Следи за дистанцией! — сбросил птб.

— "Коса", курс 92. Скорость 520.

— Паша, они приближаются!

— Обнаружил, наблюдаю. Дистанция, вопрос?

— Примерно семьсот.

— "Коса"! Это черные "мессы"! Дистанция!

— Четыреста, выше тысяча.

— Наблюдаю.

Чуть прибавил скорость. Рановато для атаки. "Мессеры" начали снижаться.

— Четвертый, они пошли вниз!

— Понял! Следи за дистанцией!

Мессеры разогнались, а я потихоньку прибавляю обороты.

— "Коса", других нет? Вопрос!

— Четвёртый, чисто!

Ещё прибавил оборотов и полез наверх, сбивая глиссаду. Мессы выравниваются.

— Четвертый! Превышение ноль, скорость целей 670!

— Понял, сближаемся!

— Точки слились!

Начинаю отсчёт, ещё, ещё, ещё, переворот! Слежу за "мессерами": тоже перевернулись и выбросили дымки из моторов: винты облегчили! Пошли вниз, пытаюсь срезать круг! Даю ручку от себя и нажимаю на кислородный клапан. Шею сдавил надувной воротник, и я пошёл вверх, а они пошли вниз! Ну что, козлы вонючие! Теперь потягаемся! Я выше и сзади, охотнички! В 1943 такие маневры невозможны! Но, не для меня! С переворотом на форсаже сажусь на хвост "мессам". В прицеле "Черт на метле". Очередь! Корми рыб, самка собаки! Чуть сбрасываю скорость и повисаю в 60 метрах от ведущего. Он влево! Молодец! Вот тебе впритирку! Он вправо, теперь впритирку справа, и вниз не ходить.

— Коса! Их канал связи! Срочно!

— 17-тый!

— Уйду со связи! Эй, Ochse, Kursrichtung 85, Geschwindigkeit 500, und hЖr zu, Kalb, ohne Witze, sonst wirst Rind und ich mache aus dich einen Steik. (Эй, Бычок, курс 85, скорость 500, и не дергайся, телёнок, иначе говядиной станешь, а я начну из тебя отбивную делать.)

Он, молча, попытался уйти на вертикаль, я не отставал, но прижимал его сверху короткими очередями. Потом мне надоело, и я воткнул ему три снаряда в левую законцовку.

— Эй, Кальб! Курс 85, высота 3000, скорость 500. Последний раз повторяю!

— Кальб понял! Выполняю! — "мессер", практически потерявший ход выровнялся, лег на курс 85 градусов, я пристроился за ним.

Он пытался поболтать и отвлечь меня, чтобы вывернуться. Но я его оборвал тремя снарядами над фонарём. Я переключился на свой канал, и попросил настроиться на 17 канал и переводчика.

— Веду бычка на верёвочке, сажать буду дома. Васильева срочно в штаб, у меня немецкого не хватает! Его позывной Кальб: Телёнок. Сажайте! Я сзади его придержу.

Он даже вырваться особо не пытался. На подходе к Геленджику попытался уйти на вираж, но получил снаряды в правое крыло.

— Брось, Кальб, не дёргайся! Я тебя держу.

— Яволь, их фольге.

Он выпустил шасси и пошёл на посадку. Я немного волновался: не изобразит ли немец капитана Гастелло? Нет, сел и выключил двигатель. Открыл фонарь и выбросил пистолет, как мне потом рассказывали. Отстегнулся и вылез из кабины на крыло. Поднял руки. "Их капитулире!" Опустил руки, прыгнул на землю и опять их поднял. Его прыжок с крыла я

уже видел сам. Зарулил на стоянку, снял воротник, пересел в Виллис. Догнал конвоирующих немца бойцов, притормозил возле них, я приказал вести его в штаб. Когда его привели, я пил холодный чай. Немец сходу представился:

— Оберстлейтенант люфтваффе Дитер Храбак, командир ягтгруппе 52. Бывший, видимо. — Васильев перевёл: Командир 52 истребительной дивизии полковник Дитрих Храбак.

— Гвардии полковник Титов, командир гвардейского Сталинградского истребительного полка.

— Вы тоже были под Сталинградом, полковник Титов? Меня там сбила "Аэрокобра" в сентябре.

"Ваня его и сбил, а теперь он сбил Ваню!" – подумал я.

— Да, наш полк был под Сталинградом, на "кобрах".

— Насколько я понимаю, это вы меня "сажали"? Как вы выполнили "обратный иммельман"? Это же невозможно выполнить!

— Но вы это видели?

— Видел!

— Я после войны вам расскажу, как это делается. Вы вчера выполняли вылеты?

— Да, два.

— Над Цемесской бухтой были?

— Да, сбил одну "кобру".

— Не сбили, могу её показать. Но обстреляли. Почему вдруг командир дивизии летает на охоту?

— Из-за больших потерь на земле и в воздухе наблюдается некоторое падение боевого духа. Особенно, с появлением у вас "ночных" истребителей и штурмовиков. Командование люфтваффе обеспокоено этими потерями. Рейхсмаршал приказал лично поднять воинский дух в частях. Лучшего лекарства, чем победы, не придумать.

Я заулыбался.

— Бой есть бой, господин гвардии полковник. Несмотря на вашу молодость, вам проиграть совсем не стыдно. Несмотря на то, что у меня сто пять побед. Но сегодня я был телёнком, которого вы привели на верёвочке. Такому уровню пилотажа можно только позавидовать.

— Сто четыре. Старший лейтенант Елисеев вернулся на базу.

— Не буду спорить, господин гвардии полковник. Сто четыре.

Злость куда-то ушла, Ваню уже увезли, не показать ему, что я отомстил за него. Он уже в Кисловодске. Немец держался хорошо. Он сдался сильнейшему, и, в собственных глазах, выглядел рыцарем. Я приказал

увести его, снял трубку и позвонил Ермаченкову.

— Василий Васильевич! У меня подарок: посадили командира 52 дивизии немцев у себя на аэродроме. На новом "Мессере": "109G-6".

— Выезжаю к вам! Науменко позвони!

Позвонил Науменко. Всё-таки, первый за всю войну пленный командир авиадивизии. Вышел на поле, весь полк, не занятый на полётах собрался возле "мессера". Пошёл к ребятам. "Ох, зря я это сделал!" Они качать меня задумали. Насилу отбил. Но погон на куртке мне оторвали, стервцы. Хорошо, что не уронили! "Мессер" новый: три пушки и два синхронных пулемёта. Носовая 30 мм и две крыльевых 20мм в гондолах. Гермокабина и убирающийся костыль. Иные обводы крыльев и более толстые стойки шасси. Необычная окраска: черные и серые неправильной формы пятна. Нет привычной желтой краски на капоте. Только желтая "D" за кабиной. На носу герб, с прыгающим быком. Стабилизатор украшен полосками, означающие сбитых. На обоих законцовках большие дыры от моих снарядов.

— Петрович, про бой расскажи! Как ты такую зверюгу схомутал?

— Заставил ошибиться в расчётах, они вниз пошли, а я наверх, перевернулся, зашёл в хвост, сбил ведомого. На вертикали И-185 превосходит "Месса", в скорости пикирования – тоже. На "отрицаловке" нас моторы не глохнут. Деваться ему было некуда. Вот и привёл. В общем, мужики, один на один или один на два для нас на "мордатых" уже не страшно. Но они изменяют тактику: сейчас начнут ловить на выходе, как Ивана зацепили. В прямую схватку они больше не полезут. Будут бить из-за угла. Так что, внимательнее следим за хвостами в верхней задней полусфере. И подстраховываем друг друга при атаках. Всем собраться в тактическом классе.

Во время занятий по тактике подъехала куча начальства.

— Товарищи офицеры! Товарищ вице-адмирал! 14-й гвардейский Краснознаменный Сталинградский полк проводит занятия по тактике. Командир полка гвардии полковник Титов.

— Вольно, товарищи офицеры. Садитесь. Полковник! Тема занятий? — спросил командующий флотом.

— Выход из-под атаки из задней верхней полусферы. Взаимодействие в бою с участием свободных охотников противника.

— Хорошо, полковник. Кто-нибудь может вас заменить?

— Так точно! Зам по лётной подготовке Хабаров. — Я показал Хабарову место в конспекте, на котором остановился.

— Тогда пойдёмте, покажете вашего пленника.

Октябрьский, Новиков, Тюленев и Ермаченков устроили перекрёстный допрос Храбаку. Затем полковника увезли в Туапсе. И все переключились на меня.

— Ты зачем сам, в одиночку, полез к немцам? В плен захотел? Не мог кого-нибудь послать?

— Не мог! Дайте самолёт, который ходит выше "месса", pošлю другого. А пока, мы только начали отрабатывать выход из-под атаки охотников. На высотах от земли до 5.5 тысяч, наши машины имеют решающее преимущество, а выше – оно теряется, так как падает мощность двигателей. А уйти из-под атаки, движущегося на скорости 670 км/час, "мессера" очень тяжело. Надо заставить его ошибиться в твоих намерениях. Я – заставил, результат – вон на стоянке стоит, а 52 эскадра осталась без командира и одного "асса". Буду готовить специальный отряд "егерей": охотников выбивать! А по поводу меня: как летал, так и буду летать. Нечего из меня птичку в золочёной клетке делать. Я – лётчик и командир, моё дело сбивать немцев и учить мой полк. А не быть вешалкой для орден.

— Ладно, ладно, Петрович, уgomонись! Ишь, как разошёлся!

— Операция "охота" была подготовлена. На аэродроме была дежурная эскадрилья Макеева. Если бы немцы вылетели бы большей группой, их бы встретила она, я бы повел "охотников" по другому маршруту и вывел бы их на Макеева. А бой с парой "мессеров" на этой высоте мне вполне по силам.

— Тем не менее, товарищ Титов, не следовало так рисковать лично, — я понял, что лучше заткнуться, и не дразнить гусей, иначе последует отстранение от полётов, поэтому перевёл разговор в другую плоскость.

— Товарищ генерал-лейтенант! — обратился я к Науменко. — У нас с вами был разговор на тему фронтовой конференции, а воз и ныне там. Немцы меняют тактику, что и показало ранение старшего лейтенанта Елисеева, и что подтвердил полковник Храбак, а в частях об этом узнают на собственной шкуре.

— Я не забыл о разговоре. За нами едут командиры полков и лучшие лётчики армии. Клуб освободили от эвакогоспиталя. Так что вечером сегодня проведём.

— Можно начать сразу у нас в тактическом классе, думаю, поместимся, а к вечеру переместимся в клуб, чтобы дать возможность и вашим лётчикам выступить, и поделиться опытом! — заулыбался я, стараясь сбить возникшее недовольство Науменко.

В комнату, буквально на цыпочках, зашёл Савелич, адъютант

командующего армией, и что-то шепнул Науменко на ухо.

— Мои начали подъезжать, так что, полковник, встречай гостей.

Четыре командующих встали и начали надевать шинели, куртки и полушубки. Местом встречи стал "мессершмитт" Храбака. Я волновался: предстояла встреча с моим учителем по тактике: будущим маршалом авиации, капитаном Покрышкиным. Вон он идет: командир 2 эскадрильи 16 гиап. Рядом с ним Фадеев, Речкалов, Клубов, весь цвет нашей авиации. Большая делегация! Сходу летит вопрос Покрышкина:

— Товарищ гвардии полковник! А что это за пилотаж вы сегодня утром показывали?

— Потом, Александр Иванович. Не сейчас!

— Почему не сейчас? — послышался голос Науменко. — Капитан Покрышкин, вы о чём спрашиваете?

— Ребята из 66-го полка только что рассказали, что утром полковник Титов выполнил все фигуры высшего пилотажа в перевернутом положении, как бы в обратном направлении.

— Это правда, полковник? ваши самолёты могут выполнить такой пилотаж?

— Эти – нет, вон тот может, — и я показал рукой на свой самолёт. — Остальные нет, и без специального оборудования это невозможно. Поэтому я и сказал, что об этом позже.

— А откуда у вас такое оборудование? — опять Науменко.

— Сам сделал. Но, пока это оборудование в единственном экземпляре и нуждается в заводской доработке. Но, обратный пилотаж возможен. Вот доказательство этому, — я показал на "Мессер".

— Покажите!

— Только вам и капитану Покрышкину.

— Ну, хорошо, пошли! Капитан! За мной.

Открыл кабину, сел, одел ошейник.

— Когда даю ручку от себя, нажимаю вот эту кнопку, из кислородной системы поступает кислород в воротник под давлением 220 мм/р. ст, и пережимает сонные артерии, как при замере давления. Закончив манёвр, нажимаю вот на эту кнопку, давление сбрасывается. Красная слепота не наступает. Надо делать автомат, потому, что есть риск потерять сознание. Поэтому и не хочу показывать это всем. И вас, Александр Иванович, прошу не применять, и не экспериментировать с этим изобретением.

Николай Федорович погрозил пальцем Покрышкину.

— Смотри у меня, капитан! Ну, удивил ты меня, Петрович, ещё раз!

Так ты Храбака на чём поймал?

— На обратном иммельмане. Показал им переворот, они начали его исполнять вниз, как положено, а я вверх ушёл. Ну, а дальше дело техники.

— Ну, ты даёшь! Не отпускают тебя ко мне! Эх, мне бы такого командира!

— Вон стоит. — Покрышкин покраснел, но, видимо, ему было приятно, что его знают.

— Этот? Да он самый хулиган в армии! Вечно за ним сплошные неприятности тянутся.

— Товарищ генерал-лейтенант, знали бы вы мою характеристику, из некоторых полков, пока не получил свою, самостоятельную часть. Разрешите, Александр Иванович? — я вылез из кабины. — А вот тут стоит дополнительный расходный бак топлива, специально для отрицательных фигур. Поэтому двигатель на них не глохнет. Всё это надо отдавать в ЦАГИ и в институт авиационной медицины. Нужен заводской противоперегрузочный костюм.

Конференция завершилась глубоко за полночь. После окончания, ко мне подошёл Покрышкин. Половину конференции, посвящённую тактике ВВС на участке общевойскового фронта, он просидел, постоянно заглядывая к себе в толстую тетрадь. Во второй половине конференции, он активно писал в этой тетради, лицо было заинтересованное, и он внимательно следил за выступлениями. Сейчас он подошёл ко мне, держа в руках эту самую тетрадь.

— Товарищ гвардии полковник! Разрешите обратиться!

— Конечно, Александр Иванович!

— Саша, меня все так называют. Извините, я не знаю вашего имени-отчества, товарищ полковник.

— Павел или Паша. Или Петрович, если это важно.

— Да нет, не важно. Вот мои записи, я их вёл с 22 июня 41-го. Это мои мысли о тактике ВВС. Они, почему-то, полностью совпадают с тем, что я сегодня услышал в начале дня. Даже названия построений и фигур полностью совпадают. Такое впечатление, что вы читали эту тетрадь, а я её никому, никогда, не показывал.

— Напрасно, Александр Иванович. Это бы спасло бы жизнь очень многих, которых с нами нет.

— Но вы же применяли те же тактические приёмы, что и я рекомендовал бы применять, причём, ещё с 41-го года! Кроме локатора, о котором я узнал только сегодня.

— Вот что, товарищ капитан, давайте сюда вашу тетрадь, и мы её опубликуем, как Наставление по тактике Истребительной Авиации СССР, под вашим именем.

— А как же вы, товарищ полковник?

— Всё нормально, Саша. Мне моего креста хватит. Ты, свой, понесёшь самостоятельно. Действуй, "сотка"! Ты на абсолютно правильном пути!

— Науменко приказал принять 16 полк вместо Исаева. Исаева он забирает к себе инструктором.

— Поздравляю, Александр Иванович. Я "сделал" эскадрилью героев, ваша задача – "сделать полк героев".

— Я постараюсь, Пал Петрович.

Фон у конференции был отменный! Их привезли с раскисших аэродромов, а наш полк и два полка 4-й армии с наших аэродромов продолжали интенсивно работать. Лихолет рассказывал о бомбометании с кабрирования на "живом" примере последнего вылета под Крымскую. Уж больно много там зениток у аэродрома. Лётчики и командиры полков побывали на НП, с интересом рассматривали планшет, наложенный на склеенную двухкилометровку. Посмотреть и потрогать вживую, да ещё и в момент реального боевого дня – это отличные запоминающиеся примеры, а не нудное сидение в зале в томительном ожидании перекура. Естественно, в конце дня в Доме Культуры возникли многочисленные "Почему?" к работе собственных командиров, ведь на их "почему так?" они получали живой и заинтересованный ответ моих однополчан. Дзусов, например, очень точно определил, что у нас инженерно-техническая служба устроена по-другому, нежели у него в дивизии. Всем понравились наши "кобры" серии "К" и, манёвренность и вооружение И-185.

Один момент я упустил: не заметил я скромного небольшого плотного человека в форме старшего политрука. Погоны в армии только ввели, и многие ещё ходили в форме старого образца, в том числе и у нас. В петлицах были "крылышки". Он ничем не выделялся среди других лётчиков. Впрочем, это, наверное, ничего бы не изменило. Спустя две недели, я проснулся оттого, что почувствовал, что на меня кто-то пристально смотрит. Люда была на КП, на Надежде. Я ночью летал и руководил полётами, поэтому спал у себя на квартире. Открываю глаза: Мехлис. Потянулся, потер глаза, поднялся.

— Здравствуйте, товарищ генерал! Чем обязан?

— Здравствуйте, товарищ полковник. Да вот, хотелось бы узнать: кто вы такой, полковник Титов. Читайте! — он передал мне политдонесение

старшего политрука Жукова Ю. А... В нем было множество подчёркнутых красным карандашом выражений, типа: "речь и грамотность не соответствуют полученному образованию: 7 классов, аэроклуб, Качинская авиашкола", "легко использует американизмы, сложносочинённые предложения", "уровень инженерных знаний многократно превосходит уровень даже инженера", и тому подобное. Хороший у Мехлиса "писатель".

— Это ещё не всё, товарищ полковник! — и он достал из командирской сумки ещё несколько листов бумаги: Акт графологической экспертизы писем настоящего Титова и моих собственноручных показаний, сделанный в начале 42 года, с резюме: "Написано разными людьми. Ни одного совпадения". — Так что, нам с вами предстоит путешествие в Москву. Необходимо кое-что выяснить, товарищ Титов.

"Хорошо, что не гражданин", — подумал я. Но вслух сказал:

— Извините, товарищ Мехлис, а чем вызвано такое внимание с вашей стороны к скромному командиру полка? Что вас лично во мне не устраивает? Дело, документы из которого вы предъявляете, давно закрыто. Я нахожусь здесь по личному приказанию Верховного, и выполняю ответственнойшее задание. А вы, своими действиями, ставите под угрозу его выполнение. Почему такая срочность? В деле сказано, что я получил сильнейшую контузию.

— С ваших слов, полковник. Я и хочу удостовериться, что это так.

— Я не могу сейчас оставить полк, товарищ генерал. Моим здоровьем займётся чуть позже: в конце мая – начале июня, после выполнения этого задания Ставки.

— А если вы перелетите к немцам?

— Вы ничего более смешного придумать не могли? Делать такой подарок противнику я не собираюсь. Мне проще от вас отбиться.

Мехлис внимательно следил за мной.

— У вас очень крепкие нервы, полковник. И вы абсолютно уверены в своей правоте. Ну что ж, несмотря на то, что вы так и не ответили мне на вопрос, будем считать, что проверку мы проведём после выполнения задания. А почему вы не в партии, товарищ Титов?

— Из-за ареста. Подавал заявление в декабре 41-го. Кстати, Верховный знает о том, что я был под арестом.

— Я это выяснял у него. Он мне сказал то же самое, что и вы. И запретил мне что-либо предпринимать против вас сейчас. Мне просто хотелось увидеть вашу реакцию. После проведения этой операции, вам предстоит большое повышение. Это решение товарища Сталина. Кстати, почему вы его называете Верховным, а не товарищем Сталиным?

— Я - человек военный. Для меня он – Верховный Главнокомандующий. В первую очередь. А уж потом – товарищ.

— Разделяете эти понятия?

— Да! С товарищем – можно поспорить, с Верховным – только ответить "есть", и выполнять приказание.

— Товарищ Жуков прав: не соответствует вы образованию и воспитанию комсомольца Титова. Ну что ж, товарищ гвардии полковник Титов, извините, что разбудил!

— Да ничего, всё равно пора вставать! — в этот момент зазвонил будильник. — Завтракать пойдёте, товарищ генерал?

— Пойду!

Он ещё несколько часов находился в полку, всё осматривал, разговаривал с людьми, рассматривал какие-то бумаги. Очень долго разговаривал с Аксёновым. За обедом мы ещё раз пересеклись.

— У вас просто образцовый полк, полковник. И комиссар ваш мне понравился.

— Он всем нравится! Замечательный мужик и лётчик. И настоящий "комиссар". Вы тут абсолютно правы, товарищ Мехлис.

— Он сказал, что даст вам рекомендацию в партию.

После обеда Мехлис уехал. Аксёнов подошёл ко мне поговорить, но мне было некогда, он немного постоял, но потом дали команду второй эскадрилье на вылет, и он побежал к самолёту. Разговор в тот день так и не состоялся. Но, тянуть с этим разговором не стоило, и с партийностью тоже надо было решать вопрос. Судя по всему, мне недолго осталось оставаться в полку. Надо готовить Макеева на полк. Он больше всего подходит. Хотя на моё место явно нацелился подполковник Хабаров.

Через несколько дней в полку появился тот самый старший политрук. На этот раз он представился. Несмотря на его словоохотливость, разговор по душам у нас не состоялся. Между нами навсегда легло то самое политдонесение. Вечером я ему прямо об этом и сказал:

— Юрий Александрович, вы напрасно стараетесь меня "разговорить". Не получится. Если реально хотите написать книгу о нашей авиации, езжайте под Краснодар в 16-й полк, к Покрышкину. Там вам будет много проще это сделать. И люди там замечательные. А начальнику вашему, Мехлису, я найду, что сказать, почему я не хочу вашего присутствия в полку. Подойдите к начштаба и отметьте командировку. Я вас не задерживаю.

Может быть, и зря я так с ним. Ему ведь по должности положено

"стучать". Но, не люблю я "дятлов". А вот Людмилку... надо бы предупредить. И о том, что может состояться в случае удачного стечения обстоятельств, и о последствиях, если обстоятельства сложатся не в мою пользу. Серёжку жалко. Но, от судьбы не уйдёшь. Люда очень хотела этого ребенка, и души в нём не чаёт. Прорвутся! Да и я – не лыком шит. Вот только сведения у меня смертельные. И для меня, и для многих. Ладно, "где наша не пропадала!" "Дальше Кушки не пошлют!" Зацепиться у них не за что! Людмилке сообщил только о визите Мехлиса и о возникших у него сомнениях, не вдаваясь в подробности. О том, что после Кубани что-то произойдёт, а вот хорошее или плохое – я не знаю. И чтобы она берегла Серёжку. Ответ меня просто потряс: "Ему сестрёнки будет не хватать, Машеньки." "Люда, меня может не стать." "Тебя каждый день может не стать. Я устала этого бояться. У нас всё будет хорошо. И, даже, если тебя не станет, у меня будут твои дети. Они завершат то, что не успел сделать ты. Я приложу к этому все усилия. Люблю тебя, и твоей смертью это не ограничится."

Геринга мы поддели очень здорово! В середине марта было отмечено наращивание сил немецкой авиации в Крыму. Прибыло, по меньшей мере, две полнокровных дивизии, шла поставка топлива и боеприпасов. Англичане поставили Науменко перфорацию, и он укрепил аэродромы. Кроме того, ему были поставлены локаторы РУС-2 и более совершенные "Редуты". Мы обучили операторов и штурманов наведения. В войска прибыли настраиваемые химические взрыватели АВД, 15 позиций, задержка до 8 суток, поставленные на неизвлекаемость, с двумя ловушками. Реагирующие на три действия: вибрацию, давление и время. И ротационные бомбы: после сброса на малой высоте, раскрывались плоские стабилизаторы и раскручивали контейнер бомбы. По достижении высоты сто метров, контейнер раскрывался, и из него вылетали заложенные туда мелкие осколочные бомбы и мины-лягушки, рассеиваясь по площади. Наши две эскадрильи И-185, каждую ночь, занимались "посевной". Особое внимание уделялось дорогам, мостам и аэродромам. Днём этим же занимались "пешки" четвёртой и второй Воздушной армии. Наш фронт получил подкрепления. В Крыму подсохло чуть быстрее, и немцы первыми начали атаку на десант и флот у Новороссийска. Первый, самый массовый налёт немцев мы отражали совместно со 2 и 4 армиями. Черноморский Флот, насчитывавший 15 крупных вымпелов и около 150 мелких, за восемь часов до атаки снялся с якорей и начал отход в сторону Поти. Четыре разведчика Ю-86р были сбиты эскадрилей специально переброшенных из-

под Архангельска "спитфайров". Немцы в первую волну поставили более 580 самолётов всех марок. Всего немцы сосредоточили на этом участке фронта почти тысячу боевых самолётов. Третья и четвёртая эскадрильи только вернулись из налёта на аэродром в Красносельском. Удалось блокировать его работу на несколько часов. Самолёты спешно пополняли боезапас и заправлялись.

— Я - гора-2, наблюдаю массовый взлёт самолётов противника в Крыму. Оценить количество затрудняюсь. Много.

Противник шёл тремя колоннами к месту, где ещё недавно стояли корабли Черноморского флота. Сейчас там находился "дивизион плохой погоды": 12 СКР должны поставить дымовую завесу и изобразить зенитный огонь.

Из Крымской поднялись остатки немецкой истребительной эскадры, надеясь перехватить основные силы нашей авиации. На бой с ними была направлена 217 ИАД. Остальные дивизии вылетели через 15 минут и следовали район Новороссийска. Нам приказали встретить противника на траверзе Керченского пролива. Самое пекло. Мы вытащили на себя все истребители прикрытия и начали оттягивать их к Анапе, недавно освобождённой нашими войсками. Более ста истребителей немцев против семи восьмёрок наших. Даже не полный полк. Науменко и Савицкий поставили задачу максимально оттянуть их от бомбардировщиков. Требовалось продержаться 12–15 минут. Мы разыграли всё ещё за три дня до этого. Немцы "клюнули" на нас: "синих" ночников. Я на "кобре", с ведомым, находился на почти километр выше и чуть сзади первой эскадрильи, и руководил боем, кроме того, моя задачей была ликвидация "охотников". Бой начался на лобовых, затем кобры и "мордастые" начали вертикальный хоровод с "Фокке-Вульфами" основного прикрытия. Бой распался на отдельные свалки. В этот момент я увидел пару "мессеров": немного выше общего боя, и пошёл на них в атаку. Немцы бой приняли. Обменявшись безрезультатными очередями, каждый стал разыгрывать свои козыри. Ведущий немец заложил косую петлю, а мы с Костей пошли строго вверх с переворотом, не став сразу пытаться пристроиться к "мессерам". Оказались чуть выше и в немного более выгодном положении. Более тяжёлая "кобра" легче разгоняется на пикировании, чем Bf-109g-6. Это мы проверили на трофейном "мессере". Сверху, разогнавшись, идем в атаку из задней полусферы. Атакуем ведомого. Одна из трасс крыльевых пулемётов коснулась его. Он с переворотом уклонился вниз, оставив ведущего. Тот, видимо услышав ведомого, тоже перевернулся и пошёл вниз, надеясь оторваться на пикировании. Но у нас "Кобра "К", у него ничего не

получилось. Я ушёл круче него и оказался чуть ниже. На выравнивании немец выпустил щиток и чуточку вспух, в этот момент 4 трассы крупнокалиберных браунингов прошли его от хвоста до носа. Горит! Ведомого не видно, мы отошли немного и начали набор высоты, потерянной из-за манёвров. Три колонны девяток бомбардировщиков начали атаковать "Яки", "Ла" и "кобры" "сухопутчиков". Подняться нам не дали! На нас накатилась волна истребительного боя, пришлось уклоняться от атаки, затем атаковать самому, опять выходить из боя и подниматься выше. Костя зацепил какого-то немца на "фоккере". Наконец, прорвались на высоту 5500. Запросил гору-2 про своих, дали курс, подхожу ближе, опять над боем висит пара "мессеров", но мы выше! Атакуем из задней верхней полусферы! Я бью по ведущему, Костя по ведомому! Горят! В этот момент Дима Макеев дал 777, выходит из боя. Что-то случилось. Пытаюсь его найти в общей свалке. Вроде он, чуть спикировал. Он один, ведомого нет. Кобра повреждена, но не горит.

— Первый, я – Четвертый. Тебя вижу, прикрываю.

— Заклинило крыльевые. Основного БК нет.

— Где Виктор?

— Не знаю.

Ниже нас появляется ещё одна кобра.

— Первый, я – "ось", вижу тебя, на подходе!

Подождав минуту, начинаем набор высоты. Так и подмывает нырнуть в схватку, но нужно "держаться" высоту и не допустить работу охотников. Подходят основные силы Савицкого. Полк свою задачу выполнил. "Коса" даёт добро на сбор и отход полка. Дав команду сбор, контролирую отход: срываю атаки немцев, если они уцепились за нашими, но, у немцев отход по топливу, а у Савицкого много топлива и свежий боезапас. Чуть в стороне видим горящий СКР. Немцам удалось, всё-таки прорваться к рейду. Остатки боезапаса расходую на отходящий 88-й "Юнкерс". В общем, удачный бой. Посмотрим, как у остальных. Иду последним, так как задержался с "Юнкерсом". Пришлось покрутиться над базой.

Сел, Михаил Иванович докладывает: не вернулось 7 машин. Топливо у них ещё есть. Минуты через три села повреждённая "кобра". Затем вторая. Ещё одна машина вышла на связь и сообщила, что сидит в Анапе. Запросил ноль первого. Сведений нет. Ждём. Несмотря на три сбитых, никакой радости нет. Немцам удалось прорваться, их очень много. Надо менять тактику. То, что флота у Новороссийска нет, фрицы уже знают.

Касание! Машину встряхнуло, тормоз, накладки повизгивают.

Скорость 40, следую к месту стоянки. Зажимаю левый, разворачиваюсь. Толик машет руками: "Стоп!", нагибаясь, ныряет под крыло и вскакивает на него. Я поднимаю обе руки, они как свинцом налитые, и отбрасываю замки фонаря. Толик сдвигает фонарь назад. Наконец-то свежий воздух! В кабине около 50 градусов! Сил, расстегнуть парашют и привязные, просто нет. Пытаюсь потянуть руки к замку подвесной системы. Тщетно. Толик сдёргивает с меня шлемофон, раскрывает замки: "Как аппарат???" "Норма! БК пуст." Толик скользнул вдоль капота и откидывает замки. "Пал Петрович! Мешаешь! Вылезай!" "Сил нет!" Толик подаёт руку, с его помощью встаю и перешагиваю через направляющие фонаря. Весенний ветерок холодит мокрую гимнастёрку. "На торможении повизгивает правая стойка." "Сделаю! Воды?" Сел на краешек крыла и сбросил ноги: "Если не затруднит!" Толик выливает на меня ведро холодной воды. "Чёрт! В сапоги попало!" Отряхиваюсь, как собака. Живой! Надо идти в штаб. Сегодня это уже пятый вылет. "Толик! Сели все?" "Все!" Хлопнув "мордатого" по фюзеляжу, отошёл на несколько шагов от самолёта и сел в траву. Подошёл Костя и лётчики восьмёрки четвёртой эскадрильи. "Товарищ командир! Разрешите получить замечания!" Встряхнул головой и встал:

— Савраскин! Ещё раз опоздаешь с манёвром, спасти не буду! — он стоит красный, как рак. Из-за него пришлось "разворачиваться на пятке", и в течение одиннадцати минут вести бой с "охотниками". Он зевнул и отстал от группы. А немцы не ЛОХи, кого хочешь, могут обидеть сами. Так что покрутиться пришлось! Поэтому и стою, как выжатый лимон. — Тарасов! Докладывай!

— Товарищ полковник! Цель поражена! Прошли семью бортами. Савраскин, тоже, и бросал, и обстреливал. Чуть в стороне, но пожар, в его створе, я видел. Не злитесь на него!

— Я не злюсь. Устал очень. Немец непростой попался. Хоть и на "фоккере". Сбитые есть? Или только по земле отработали?

— Два "юнкерса" на посадке. И порядка пятнадцати на земле. Фотографии сделали.

— Молодцы! Айда в столовую, четвёртая!

Полк перевели на "другую работу": наша основная задача — срывать нормальную работу немецких аэродромов и охрана района от "охотников". Создано 16 пар "вольных стрелков". Благодаря тому, что у обеих армий сейчас собственные РЛС наведения, наш НП на Надежде стал работать только на нас. А третья и четвёртая эскадрильи, в основном, работают по аэродромам противника. Но, каждую восьмёрку обязательно прикрывает

пара "егерей". Их задача – "мессера"-охотники". Поначалу немцы не понимали, что мы открыли на них "охоту", и пытались сами атаковать "егерей". Но довольно быстро до них дошло, что на этих "кобрах" летают не самые простые лётчики, что подойти незаметно к ним невозможно, а в манёвренном бою они не уступают, а превосходят их. Что опыта боёв у них не меньше, есть неожиданные приёмы, а самолёты не хуже их "мессеров", а превосходят их и на горизонтали, и на вертикали. Поэтому сейчас обнаружив высоколетящую пару немецкие наблюдатели дают команду: "Ахтунг! Егер!" А на фронте всходила новая звезда: Покрышкин! Получив полк, он продолжил интенсивно летать, активно перестроил работу всего полка. За полтора месяца боёв он лично и в группе сбил 36 самолётов противника, большая часть из них были бомбардировщики. Его полк показывал лучшую результативность в армии. Наш полк, в основном, уничтожал бомбардировщики на земле, а в воздухе занимался только истребителями. У меня за этот же период 24 сбитых: один Юнкерс-88, 18 "мессеров"-охотников и пять "фоккеров". 3 и 4 эскадрильи, пользуясь тем, что у И-185 – самая большая скорость у земли: 650 км/час или 600 с бомбами, работали у самой земли. Мы направляли их вслед отходящим по топливу немцам. Они обгоняли их, и "обрабатывали" полосы аэродромов ротационными бомбами перед самой посадкой немцев. Истребитель – не штурмовик и не бомбардировщик. С пикирования он может работать точно, с горизонтального полёта – нет, но ротационные бомбы не требуют точного прицеливания. У них большая площадь накрытия. Поэтому самые большие потери немцы несли на земле! Из-за нас они вынуждены были постоянно держать в воздухе дежурное звено, а это и моторесурс, и бензин, и усталость лётчиков. В "ту войну", немцы держали высокую активность авиации в районе Голубой Линии 2 месяца. В этот раз они "сдулись" через месяц и пять дней. А затем начали вывозить свои войска в Крым. Полк опять перешёл на ночной образ жизни: топили всё, что могло перевозить войска. 5-го мая мы выполнили последний взлёт на Тамани. Курс – Ленинград! Летим домой на отдых и замену техники.

По прилёту меня направили в госпиталь Бурденко, в Москву. Там на рентгене была обнаружена пуля, убившая Титова. Входного отверстия не было. Николай Нилович с удивлением рассматривал рентген-снимок.

— Впервые в моей практике, полковник. С таким ранением не живут.

— А может быть, я – мёртвый? — сказал я, улыбаясь. И похлопал себя по щекам.

— Я боюсь, что не смогу её извлечь. А вам всё шуточки! Она вам не

мешает?

— Нет. Никогда её не ощущал. Очень сильно болела шея после боя 21 июля 41 года. Несколько дней.

— Каким образом она не оставила следов входа — мне не понятно. Удивительно, но факт! Кстати, это объясняет, почему у вас изменился почерк и походка: реакция повреждённого спинного мозга.

— Так ведь она застряла в кости?

— Хм, молодой человек! А импульс она передала куда? Вот утолщения от перелома шеи. Списывать вас надо!

— Николай Нилович! Только не это! Ведь два года летаю и всё в порядке!

— Пожалуй, вот с этой стороны её можно извлечь. Ну, что, согласны? Или списание.

— Режьте!

Пулю извлекли. Немецкая, из авиационного пулемёта. Прodelал в ней дырочку и повесил на шею. Можно сказать, что полностью легализировался. На грудь повесил красную полосу. Выписался из госпиталя и прибыл в кадры ВМФ. Прошусь домой, в полк. Но отправляют к Наркому.

— Товарищ адмирал! Гвардии полковник Титов прибыл по вашему приказанию!

— Прибыл! Молодец! Что с комиссией?

— Годен без ограничений, товарищ адмирал. Прошу разрешения убыть в полк.

— Нет. Садитесь. — Он снял трубку ВЧ и попросил соединить с товарищем ИвАновым.

— Товарищ Сталин! Вы просили сообщить, когда полковник Титов сможет приступить к дальнейшей службе. Он у меня в кабинете. — Он замолчал, слушая Сталина. — Есть, товарищ Сталин. Всё понял! До свидания, товарищ Сталин, — он повесил трубку.

— Вас вызывает товарищ Сталин к 22 часам сегодня. Вы где остановились?

— Нигде. Планировал сегодня вылететь в Ленинград.

Нарком вызвал небольшого толстенького капраза, и поручил ему разместить меня в Москве, и обеспечить мою доставку в Кремль, и обратно. Мы прошли в его кабинет, он позвонил куда-то и решил этот вопрос кардинально, поселив меня в гостинице "Москва" в номере с видом на Кремль. Пробивной товарищ. И никаких заморочек с транспортом. Пообедал в ресторане, вкусно! В голове пустота, никаких мыслей и

бешеная усталость. Лёг поспать, но не спится. Сосед-артиллерист предлагает выпить, но я не могу, предстоит поход в Кремль. Он обиделся и ушёл куда-то. Я тоже вышел прогуляться по Москве. На улицах патрули, несколько раз проверяли документы, но больше похоже, что просто хотели рассмотреть поближе трижды Героя. Вдруг голос: "Павел! Ты?" Оборачиваюсь: стоит незнакомый мне человек в ватнике. Один рукав засунут под ремень. Инвалид. Недоумённо смотрю на него.

— Не узнаёшь? Я – Коля Сизов! Мы с тобой в одном полку служили!

— Извини, не узнаю!

— Ты что, совсем загордился?

— Нет, после контузии ничего и никого не помню.

— Как так? Совсем ничего?

— Абсолютно!

— Меня сбили 21 июля под Кингисеппом. Я был левым ведомым у Карташевского, а ты – правым. Ты оторвался от нас и ушёл наверх к СБ. Нас тогда всех сбили. А ты, выходит, выжил?

— Меня тогда не сбили, я сбил 4 "мессера", и сел у бомбёров. Потом меня перевели в 13 полк. Так там и остался.

— И меня совсем не помнишь? Мы ж дружили!

— У меня снаряд в тот день за бронеспинкой разорвался, а сейчас ещё и пулю в шее нашли. А ты руку тогда потерял?

— Нет, это позже, уже у партизан. Я здесь в командировке. Пошли, выпьем за встречу!

— Не могу! К начальству иду.

— А что, начальство не поймёт, что ты старого друга встретил?

— Я в Кремль иду.

— Так это же в другой стороне?

— Ну, не прямо сейчас, чуть позже, а пока я гуляю.

— Ну, так... — я еле от него отбил. Чего меня, именно сегодня, все тянут напиться?

Вечером подошёл к Боровицким воротам. Сдал оружие, получил пропуск и прошёл приёмную Сталина. Несколько раз проверяли пропуск, сличая его со списком. В приёмной пробыл всего несколько минут. Вошёл, доложил.

— Проходите, товарищ Титов. Садитесь. Как себя чувствуете после операции?

— Нормально, товарищ Сталин.

— Мы решили вас направить в Липецкую высшую лётно-тактическую

школу воздушного боя!

"Опять в Липецк! Когда ж я от него избавлюсь!" – пронеслось в голове.

— Учиться, товарищ Сталин?

— Нет, товарищ Титов. Командовать и преподавать. Готовить кадры для наших ВВС.

— А у меня есть возможность отказаться от этого назначения?

— Почему, товарищ Титов? У нас остро не хватает высококвалифицированных лётчиков. Их требуется учить.

— Гораздо острее, товарищ Сталин, стоит вопрос об уровне квалификации старшего командного состава ВВС, чем о подготовке отдельных лётчиков. А высокая аварийность в сухопутных ВВС, да и в ВВС некоторых флотов, связана с низким качеством сборки самолётов и в отсутствии военной приёмки на заводах. Основные потери у нас не в боях, а в катастрофах, аварийных ситуациях.

Сталин встал, я тоже поднялся.

— Сидите, товарищ Титов. Продолжайте, я вас внимательно слушаю.

— Вот возьмём, к примеру, мой полк. Сейчас машины выработали свой ресурс, и полк убыл на переформирование. В течение полутора-двух месяцев нам будут менять двигатели, пушки, колёса, некоторые машины будут заменены полностью. Фактически, полк в течение этого срока будет небоеспособен. За это время растеряются наработанные навыки, полк потребуется снова вводить в строй. А в это время, вместо опытных боевых лётчиков будут воевать пацаны из лётных училищ, которые едва научились за ручку держаться. Соответственно, наши потери возрастут. А немцы будут только рады, и будут докладывать о том, что они мастерски сбили огромное количество наших. А на Кубани наши даже заставили их закрасить эмблемы, которыми они всё время пользовались. Поэтому, необходимо по другому готовить смену машин в полках: полк должен иметь второй комплект самолётов к моменту окончания ресурсов основных машин. Неделя для отдыха, и снова в бой. Благодаря этому уменьшится и количество лётных происшествий, и количество потерь. Мне кажется, что именно здесь находятся наши резервы.

Сталин молчал и курил свою трубку. Я тоже замолчал.

— Мне доказывают, что это вовсе не так, товарищ Титов. Что лётчики не выдерживают нагрузок и им требуется отдых.

— Нет, товарищ Сталин. Дело в том, что техническая служба отстает, и не успевает подготовить новые машины. Мы сейчас будем ждать самолёты.

— Что требуется, для того, чтобы исправить положение?

— Увеличить на 25 % технический состав полков, возложить на инженера полка обязанность подготовки второго комплекта самолётов. Ввести военную приёмку на всех авиазаводах.

— Сколько вы потеряли людей в последней операции?

— Шесть человек, товарищ Сталин. Остальные вернулись или вернутся в строй в ближайшее время из-за ранений.

Сталин прошёл к столу и сел. Открыл какую-то папку и стал читать.

— Вы в партию вступили? — неожиданно задал он вопрос.

— Пока нет, я кандидат в члены ВКП(б).

— Поедете на Юго-Западный фронт, в 17-ю воздушную армию. Она недавно сформирована. Заместителем Командующего по истребительной авиации. Ваше предложение о введении военной приёмки будет нами рассмотрено. По второму вашему предложению... В Саратове, на Энгельской авиабазе, сейчас около трехсот И-185. Я знаю, что вы дали очень лестные отзывы об этом самолёте. В вашем полку все лётчики готовы пересесть на него?

— Да.

— Кто сейчас командует вашим полком?

— Подполковник Хабаров, но я бы хотел передать полк майору Макееву.

— Тогда так: 14 полк получает новые самолёты в Саратове, и будет включён в 17 воздушную армию. В порядке эксперимента, мы изменим штатное расписание так, как вы сказали, для истребительной авиации 17 ВА. До сих пор, все ваши предложения приносили успех. Посмотрим, что будет на этот раз. Насчёт Макеева? Поступайте так, как сочтёте нужным, товарищ генерал.

Я посмотрел на Сталина.

— Да-да! Приказ о присвоении вам звания генерал-лейтенанта, я только что подписал. Мы внимательно следили за тем, что и как вы делаете на Кубани. Были некоторые сомнения по вашему поводу, да вы о них знаете. Так как всё подтвердилось, то... Командуйте. Тем более, что у меня есть претензии к командованию 17 армии. — Он передал мне приказ, в котором рукой Сталина было зачеркнуто слово "майор" и написано "лейтенант". Второй раз я получаю это звание. В первый раз всё было значительно дольше и мучительнее. 17 Воздушная Армия? Не зря я вспоминал Кушку! Всё моё детство прошло на аэродромах этой армии. Мой отец, с кратковременными перерывами на учёбу в академии, работу в Чкаловском, "загранкомандировками", всегда служил в ней. Командовал эскадрильями,

полками, дивизиями, был замполётом армии, а, в конце службы, и.о. командующего. Да и сам я: "не мимо проходил". Тоже отметился. Был и командиром полка, и командиром дивизии, и последним командующим знаменитой воздушной армии.

Если вы думаете, что можно собрать толпу мужиков, назвать её "армией", и это будет армия, то вы глубоко ошибаетесь! 17-я воздушная имела три истребительные дивизии, три "ночных" бомбардировочных авиакорпуса: это которые на По-2: "Я думала, что вы – ас, а вы – У-двас!". Это про них! Одну штурмовую и одну бомбардировочную дивизии. Когда я приехал в Миллерово, где располагался штаб армии, принял доклад начальника штаба, сразу после него, ко мне зашёл Член Военного Совета Армии и рассказал, что творится на местах. Полтора года в тыловом округе разложат любую армию! Именно тогда я понял, почему Иосиф Виссарионович изменил приказ. На представлении Командующему, я понял, что "у нас есть проблема"! Генерал-лейтенант Судец воспринял моё назначение, как личное оскорбление. Он вёл третью войну в своей жизни, и первую авиационную. Я – пятую. Но, для него я был "молодым выскочкой", которого надо укоротить. Желательно: "отрубив хвост, по самую голову". Самое обидное заключалось в том, что тот же Судец, в своё время, рекомендовал меня на дивизию, дал рекомендацию в Академию Генштаба. Мы жили "душа в душу"! Лучший мой "командующий"! Но сейчас, армия представляла из себя небоеспособный сброд тыловиков. В полках 26 % летчиков имеют боевой опыт, остальные – сержанты ускоренного выпуска. Пьянство, есть дезертиры. Питание в полках просто никакое: всё разворовано. А через полмесяца немцы ударят встык 57-й армии и Воронежского фронта. Пришлось наводить порядок. Заслужил прозвище: "Цербер". Это такая трехглавая собака, охранявшая вход в царство Аида. Но, больше тридцати начальников тыла поехало в места не столь отдалённые: в штрафбаты. Хабаров и Макеев перебазировали полк почти мгновенно. Хабарова сделал командиром резервного полка. Он попытался обидеться, но я пообещал ему дивизию. Он – службист, в мирное время ему цены нет! А воевать будет Макеев! Полк мгновенно прозвали "придворным". Он, действительно, расположился в Миллерово.

Армия – это снабжение и планирование! В первую очередь, занялся этим, а Дима Макеев и Василий Хабаров занялись проверкой лётной подготовки в истребительных частях. Кстати, их восприняли в армии ещё хуже, чем меня! Они меня "обрадовали": потерь будет много! Сидят передо мною:

— Командир, что делать будем? "Ночники" с нами работали по Котельниково, остальные — "тыловики".

— Трясти. Всех трясти! Но, к 5 июля у нас должны быть дивизии.

— Легко сказать! — заметил Хабаров.

Единственный гвардейский полк, конечно, стал "эталоном". Все были задействованы на проверке трех дивизий. Они тасовали полки, создавали пары и звенья. Проверять их не приходилось. Все они "довоенного разлива", и прошли ад Ленинграда, Сталинграда и Кубани. Элита! Ночники-истребители. Дату начала я знал точно, поэтому действовал до последнего часа. В одном из полков неожиданно встретил отца. Он должен быть в другом полку! И летать на Яках! Он увидел, что я внимательно на него смотрю, вытянулся. В "той истории" через 6 дней его тяжело ранят в воздухе. Что будет сейчас? Воюй, сержант! И не забывай оглядываться!

Третьего приказал Макееву собрать полк и перебазироваться на правый фланг фронта в Вейделевку, куда я перебросил дополнительно два дивизиона КЗА. Против нас был наш "старый приятель" генерал-фельдмаршал авиации Вольфрам фон Рихтгофен, который расположил свой 4 флот в Харькове и Чугуеве более чем на 20 аэродромах. Повторять крымский опыт он не хотел. А придётся!

В ночь на 5 июля 14 полк до пяти утра "обработал" четыре самых крупных аэродрома противника по крымскому варианту: заминировав полосы и стоянки. Важно было сразу перехватить инициативу у немцев. Нас выручало то, что мы находились на левом фланге, чуть в стороне от мест основных боёв, поэтому могли постепенно вводить необстрелянные полки в бой. Нашим соседом справа была пятая ВА Горюнова: обстрелянная, прошедшая много километров фронтовых дорог от Одессы до Кавказа, и от Кавказа до Курска. Её штаб сейчас в Старом Осколе. Утром пятого июля мы наблюдали с НП армии, какой бой разгорелся на правом фланге. Днём 14 полк разбился на пары и перешёл к свободной охоте, помогая Горюнову. 306-я штурмовая дивизия нанесла несколько ударов по Чугуевскому узлу. Ближе к обеду позвонил Горюнов и попросил перебросить на правый фланг штурмовиков и истребителей. Ввели в бой 236-ю и 189-ю дивизию. Остальные продолжали работать над нашим фронтом. Здесь высокой интенсивности боёв пока не было. Отпросился у Судца на правый фланг, и улетел в Вейделевку. Отсюда до линии фронта всего 25 км. Немцы ударили на северо-восток, ввели крупные силы танков и самоходных орудий. В воздухе черно от самолётов с обеих сторон. Полковник Кудряшов, командир 236-й дивизии, единственная "боевая"

дивизия у нас на тот момент, доложил о значительных потерях при сопровождении штурмовиков. У немцев очень сильное ПВО в танковых дивизиях. А у него два полка Яков, и только один полк Ла-5. Ла-5 все пятибаковые, тяжёлые. Но, полки обстрелянные, воевали на Кавказе в 42-м. Выдержат! Связался с Макеевым. Он доволен! Немцев искать не надо, сами летят. Попросил его не расслабляться, а работать. Кудряшову перебросил от Аладинского полк И-185. Кудряшов, по старинке, использует шестёрки, вместо восьмёрок, сделал ему замечание. В этот момент доложили, что его шестёрка под командованием капитана Лавейкина, сбила 7 "хейнкелей". Потерь не имеет. Кудряшов расцвёл, но при мне передал приказ увеличить группы до двух восьмёрок в каждой. День стремился к закату, немцы продвинулись всего на четыре километра. Новые кумулятивные бомбы в тот день вывели из строя большое количество танков. 291-я шад разрушила 12 переправ через Северный Донец. Своевременный удар по аэродромам, перенесённый на ночь, а не на туманное утро, позволил в первый день боёв резко снизить интенсивность действий ВВС противника в полосе нашей армии. Мы совершили более 2000 самолето-вылетов, немцы на южном участке произвели меньше полутора тысяч самолето-вылетов. Небо осталось за нами! Сбитый немец, недавно переведённый с Западного фронта, удивлялся:

— Я не ожидал, что меня так быстро собьют, в первом же вылете. Похоже, что у вас сохранилось большое количество опытных лётчиков.

Он сообщил много интересного: например о том, что немцы сняли две ночных эскадрильи Me-110 в Югославии, и переправили их сюда. Партизаны Тито получают больше оружия. Немец назвал и аэродром, где будут базироваться "ночники". Интересно, как они на тихоходном 110-м будут ловить "мордастых", но вот для АДД — это серьёзная угроза. Передали сведения командованию АДД. Ответ пришёл немедленно: "По возможности нейтрализовать или уничтожить!" — подпись: генерал-полковник Голованов. Ночью занялись разведкой и продолжили минирование аэродромов противника. Три ночных авиакорпуса, ну и что, что на У-2, но их МНОГО! Немецкие "ночники" нашлись на правом берегу Ворсклы в районе Головчина. Прятались в лесопосадках. Немцы построили для них настоящие капониры, благо леса много. Сожгли напалмом.

Утром на Белгородском направлении у немцев смогло взлететь меньше половины 4 флота. На каждого немца приходилось 4–5 наших. Они попытались атаковать наши аэродромы ночных бомбардировщиков. Над Бурлуком состоялся большой и тяжёлый воздушный бой. Примерно такой

же, как вчера был над Покровкой! Вот только места базирования У-2 немцы определили не правильно. Основная масса У-2 базировалась в Валуйках, в четырёх больших лесных массивах, гораздо южнее. Это они высоту набирали над Бурлуком! Ловушка себя оправдала! Истребителей и бомбардировщиков 4 флота мы изрядно пощипали. Особенно досталось пикировщикам: основной ударной силе немцев. На отходе по топливу, мы нанесли тремя штурмовыми полками и 4 истребительными полками удары по аэродромам противника в Микояновке, Сокольниках, Померках, Основе, Рогани, Барвенково и Краматорской. Атаки были неожиданные и успешными, кроме Краматорской, где потеряли много самолётов. Немцы успели поднять крупные силы с соседних участков. Сорвав воздушную поддержку и уничтожив больше сотни самолётов противника, мы обеспечили успех 5 ВА и 7 гвардейской армии. Немцы завязли у станции Черкасской.

Ещё три дня и две ночи прошли в такой же напряжённой обстановке. В этот момент Жуков перебрасывает нам на наш участок части Резервного и Степного фронтов. Немцы, увлечённые прорывом обороны 7 гвардейской армии, пропустили подготовку к удару. Ночью 11-го июля, форсировав Северный Донец, 57 и 5 гвардейская армии ворвались в Белгород, подрезали основание прорыва Манштейна. Для трех "элитных" немецких танковых дивизий: "Адольф Гитлер", "Великая Германия" и "Мёртвая голова", отчётливо замаячил новый "Сталинград". В условиях завоевания нами полного господства в воздухе, что на Северном, что на Южном фланге, и многократного превосходства в силах и средствах, эсэсовцы были обречены. И они ослабили наступление, пытаясь укрепить фланги. Но штурмовики нашей 5 армии буквально ходили у них по головам. Через пять дней, ударил Воронежский фронт, форсировал Ворсклу, и начал подрезать Манштейна с его левого фланга. На Северном фланге начал наступление Центральный фронт. Манштейн начал массовый отход. Ночью мы обнаружили 12 отходящих колонн противника, и обрушили на них удары всех "ночников". Действуя во взаимодействии с АДД, мы наводили на колонны тяжелые бомбардировщики. Блокировали дороги минными постановками, подсвечивали противника напалмом. Наносили удары сами, и корректировали огонь. Ночь превратилась в день. Немцы не выдержали, и началось бегство, вместо организованного отхода.

Это была худшая ночь в моей жизни: не приспособлен У-2 к штурмовке маршевой колонны тяжелого танкового полка! Но, выпустить немцев из готового захлопнуться мешка, я не мог. А когда из выливного прибора льётся горящий напалм, самолёт виден как днём. Я комбинировал

удары: сначала наносился удар ротационными бомбами, а следом за ним шли "вошебойки", всё равно потери были большими. Лишь к 2 часам ночи удалось подавить зенитную артиллерию, но и огонь пехоты опасен для "рус-фанера". В ту ночь мы помирились с Командующим. Он стоял рядом, и практически не вмешивался в управление. Слышал всю ругань, болезненно морщился при докладах, слышал, как орёт Макеев, подгоняя своих ночников. Слышал благодарность Голованова за подсветку. С двух часов докладов о потерях стало меньше, затем на связь вышел Жуков и передал благодарность Ставки за действия ночников.

— Сколько "ночников" действовало, Владимир Александрович?

— Все три корпуса, и 14-й гвардейский полк КБФ.

— Пишите представление на звание "Гвардейских" всем участвовавшим полкам, дивизиям и корпусам. Не выпустили вы Манштейна из мешка.

Судец повернулся ко мне:

— Я было подумал, что ты решил всю армию угробить, ан видишь, как получилось! Умеешь ты воевать, Пал Петрович, — и протянул мне руку. Мы обменялись первым рукопожатием. До этого он меня просто игнорировал.

17 июля, после артподготовки, Юго-западный фронт начал наступление на Харьков. Пятая воздушная и АДД домолачивали окружённых эсэсовцев. А мы, усиленные 225-й шад и 284-й бад пятнадцатой ВА Наumenко, обрабатывали внешний радиус обороны Харькова. Рихтгофен полностью перевёл истребительную авиацию на "свободную охоту" и пытался, за счёт действий "охотников", оправдаться за провал "Цитадели". Вместо "Ю-87", он начал использовать ФВ-190 в качестве штурмовиков, по образцу и подобию нашего И-185. Но, две 100-килограммовки вместо десяти – это слабое утешение. А кассетных бомб у немцев ещё не было. Я сам летал мало, в основном занимался налаживанием управления и снабжения. Из госпиталя прибыл Иван Елисеев. Ввёл его в строй, но оставлять у себя жалко! Он – один из опытейших лётчиков. Вылетели с ним в первый смешанный авиакорпус генерала Аладинского.

— Владимир Иванович! Знакомьтесь: Герой Советского Союза капитан Елисеев, с августа 41 мой ведомый, 18 сбитых лично, 28 в группе. Прибыл после ранения и отдыха. Вывозной я сделал. В седьмой гвардейский возьмёшь?

— Здравствуйте, капитан! Конечно, возьму! Эскадрилью потянешь?

— Потянет, потянет! Водил он и восьмёрки, и эскадрильи. А мне ведомый нужен. Я тут у вас видел сержанта Н.. Как он?

— В седьмом полку, как и был. Вызвать? — он повернулся к телефону, позвонил на КП 7 гвардейского и приказал найти сержанта.

— С вещами!

— Передайте ему, что с вещами и документами, в распоряжение штаба армии.

Где-то через полчаса, пока мы чаи гоняли и разговаривали с Аладинским и его начштаба, вошёл отец, доложил.

— Иван! Передай ему свою машину. Займись пока им.

Ваня подошёл к сержанту и подал ему руку:

— Командир выбрал тебя своим ведомым. Заменишь меня. Пошли, расскажу тебе всё.

Сержант удивлённо посмотрел на меня:

— Разрешите идти, товарищ генерал?

— Идите! Знакомьтесь с машиной, — они с Иваном вышли.

— А почему именно его, Пал Петрович? Есть лётчики и получше! Вон, Островский, например.

— Взгляд понравился. И машину чувствует, ещё когда вывозной ему делал, то обратил внимание. И почерк похож на почерк Ивана. Чуть поднатаскаю, получится хороший ведомый. Так что у вас по увеличению штатов техсостава? Техники прибыли? — перевёл я разговор в другое русло.

Когда мы закончили и подошли к стоянке, Пётр лежал под крылом, положив голову на "дутик". Услышав наш разговор, поднялся и встал возле левого крыла. Я попрощался с Владимиром Ивановичем, затем подошёл к нему.

— Зовут меня Павел Петрович, позывной: "Четвёртый".

— Меня зовут Петя, Пётр Васильевич. Позывного нет, на моём самолёте был только приёмник.

— Будешь "Пятым". Первый, второй, третий — это позывные 14-го полка. Налёт у тебя какой?

— Самостоятельно — 25 часов, из них 8 часов на И-185. 7 боевых вылетов, три сбитых, все "лапотники". Но на таком, — он показал на самолёт Ивана "И-185н-71фн", — я не летал. Капитан Елисеев показал всё. Я на земле его опробовал.

— Справишься? Или...

— Справлюсь! Управление одинаковое, товарищ генерал.

— Ладно, по машинам. К запуску!

Разошлись по машинам. Вырулили на старт. Пётр немного резковато тормозит. Волнуется, наверное. Решил замечание не делать, только перед посадкой скажу.

— Я - "четвертый"! Прощу добро на взлёт!

— Четвертый! Вам взлёт!

Взлетели, "пятый" немного близковато идёт. В полках так учат.

— Пятый, оттянись и держи дистанцию 70-100 метров, выше 20.

— Вас понял!

Из Барвенково идём в Купянск. Фронт слева, установил связь с "Косой", там Люда дежурит.

— Четвёртый. Вас вижу. Эшелон 3 и 5. Вокруг вас чисто!

Через 10 минут Люда сказала:

— Четвертый! Пересекающимся курсом пара противника, выше 2, курсовой 10 часов. Дистанция 10.

— Понял. Пошёл наверх! Пятый, слева противник. Пошли наверх.

— Пятый понял.

Заняли высоту 5.5.

— Четвёртый. Противник ниже вас 500, дистанция 3 км, курсовой девять.

— Понял, разворачиваюсь! Пятый, курс 280!

Резко поворачиваю и замечаю две точки.

— Пятый, прикрой, атакую. После атаки разворот на солнце!

— Прикрываю! — "только бы не оторвался!"

Немцы заметили нас и начали перестраиваться для атаки. "Мессеры"-охотники. В лоб на них опасно: три пушки и два пулемёта. Даю ногу, иду со скольжением, обернулся: Петя на месте. Манёвр понял. Огонь открыли одновременно, трассы прошли мимо, косая петля на солнце, только бы не оторвался! У нас скорость больше, мы развернулись ещё до того, как немцы закончили манёвр, я подорвал машину разворотом на пятке, форсаж, атакую. Петя размазал манёвр, он так никогда не разворачивался, но, догоняет. Ведомый в прицеле, на борту небольшое красное сердце, пронзённое стрелой. "Маска! Да я тебя знаю!" Очередь, вторая. Горит! Тяну за ведущим. Тот остался один, поэтому перевалил машину и пытается спикировать. Скорости ему не хватает. Очередь! Немец дал ногу, скользит, я зацепил его одним снарядом, ухожу наверх, оборачиваюсь: Петя бьёт по немцу, и попадает! Но, скорость не сбрасывает, а уходит вверх за мной! "Споёмся!" В верхней точке переворачиваюсь, он опять размазал переворот! Надо учить! Но немец уже никакой! Он сбросил фонарь и выпрыгнул.

— Коса, я – Четвёртый! Противник уничтожен! Один мой, один – пятого! С походом, Петя! Сообщите наземникам: один выбросился с парашютом. Это – охотник! Ловить!

— Вам курс 38, эшелон 3, четвёртый. Домой, Пашенька!

Перед заходом на посадку напомнил Петру, что нос у наших машин тяжёлый, поэтому резко не тормозить. Можно скапотировать. Сели нормально, зарулили и вылезли из машин. Пётр, вместо уставного: разрешите получить замечания, сходу выпалил:

— Товарищ генерал! Я не успеваю за вами развернуться! Дважды отстал!

— Идём к машине, залезай, садись и пристегнись.

Он выполнил.

— Теперь кресло вперёд. Давай-давай! Отлично! Теперь спинку выше, ещё выше. Порядок! И поднимай сиденье! Да чуть привстань, иначе не пойдёт. Чуть ниже, смотри по прицелу. Притяни плечевые. Отлично! Левую руку положи на сектор газа. Попроси механика чуть его опустить. Вот на столько! — я пальцами показал. — И учти: разворот выполняется всеми точками управления: и ручкой, и педалями, и оборотами, и шагом винта. А ты вцепился в ручку двумя руками и хочешь выполнить его на ровном газу! — меня так и подмывало сказать ему: "Сам же меня этому учил!" — Надо использовать для разворота: и изменение оборотов, и гироскопический момент, и резкую работу педалями, и изменение шага. Но, разворот вправо резко отличается от разворота влево. Ладно, вылезай. Не ругаю, бой провёл отлично, и не забывал, что ты – ведомый! Так и действуй. А разворотами – займёмся! Кстати, с первым мессом-охотником!

— Да вы же его выложили, товарищ генерал.

— Действовал правильно: успеваешь добить и уйти: добивай и уходи за ведущим. Нет? Уходи за ведущим. Всё на сегодня. Вот твой механик: Аркадий Львович. Прошу любить и жаловать. Сидишь либо здесь у самолётов, либо в штабе возле адъютантов, если я там. Если меня в штабе нет, то возле самолётов. Я – в штаб.

— Понял, прикрываю! — улыбнулся Пётр и, подхватив свой вещевой мешок, двинулся к штабу армии.

В ходе боёв за Харьков наметился перелом: Манштейн предпринимал безуспешные попытки деблокировать элитные дивизии СС и перебросил много войск севернее Харькова, но Харьков взяла 57 армия и части 5 гв. танковой. Одновременно Воронежский фронт довольно быстро выдвинулся к Ахтырке. Там часть войск повернула на юго-восток, стремясь окружить

Манштейна. Генерал Кемпф, растерявший основной кулак танковых войск под ударами авиации, отходил к реке Псёл, затем по приказу Манштейна, изменил направление отхода, и пошёл на юг. Манштейн, поняв, что прорваться к Черкесской не удастся, начал отход на юг. В этот момент пришёл приказ срочно усилить авиагруппировку на южном фланге нашего фронта. Мы начали перебрасывать туда 1 смешанный авиакорпус и две штурмовые дивизии. Первого августа войска фронта прорвали оборону противника на фронте почти в сто километров и двинулись на Сталино. Части 1, 2, 3 гвардейских и 51-й армий прорвали фронт у Каменки, Ворошиловска и Артемовска. Началось освобождение Донбасса. Авиационного кулака у немцев здесь не было, отдельные истребительные полки немцев противопоставить ничего не могли уже обстрелянной армии. На завоевание господства в воздухе хватило нескольких часов. Потери немецкой авиации под Курском оказались слишком велики для неё. Восполнить уничтожение 1600 самолётов сразу не возможно. Воронежский фронт продолжал наступление на Полтаву, не давая возможности Манштейну сманеврировать. В этот момент Манштейн принял решение отходить за Днепр. Войска группы Кемпфа получили такой же приказ. На отходе гитлеровцы сжигали всё. Пытались угнать наших людей. Наша 17-я и 4-я ВА, теперь под командованием Вершинина, били по железнодорожным станциям и узлам. К середине сентября подходил к концу ресурс большинства наших самолётов, но мы успели сформировать новые ТЭЧ во всех истребительных полках армии. Задействовали лётчиков-перегонщиков, и сумели вовремя сосредоточить на запасных аэродромах вторые комплекты техники. Смена техники прошла достаточно организованно, без провала в активности истребительной авиации армии. После доклада в ставку, меня вызвали в Москву.

В Ставке, кроме Сталина, было два маршала авиации Новиков и Голованов.

— Ну что ж, товарищ Титов, — сказал Сталин, — наш с вами эксперимент прошёл успешно. По оценкам присутствующих здесь товарищей, отвечающих за работу нашей авиации, вам удалось сохранить боеспособность вверенных вам частей, и укомплектовать их новой техникой. Старая техника выведена на запасные площадки и ремонтируется. Сколько времени вам понадобится для этого?

— Согласно моим расчётам, около двух месяцев, т. е. за месяц до окончания ресурсов этого комплекта самолётов. Если не произойдёт больших потерь, т. к. пополнение идёт, в первую очередь, из второго комплекта.

— Товарищ Сталин, у меня есть вопрос к товарищу Титову.

— Пожалуйста, товарищ Новиков.

— По отчётам, во время Курской операции, самые большие потери в вашей армии понесли ночные бомбардировочные полки. Чем обусловлены эти потери?

— В количественном отношении, это, безусловно, так. Потеряно безвозвратно 137 машин, что составляет 9.4 % парка трех воздушных корпусов. Практически все они, 129 машин, потеряны в одну ночь: 17 июля. На местах боёв нами обнаружено около 200 единиц тяжёлой бронетехники, 800 автомашин, около 1000 артиллерийских орудий. Посчитать количество уничтоженных солдат и офицеров противника возможности не было. Несомненно, что кроме нас, там работала АДД, но, тем не менее, наш вклад в разгром трех дивизий СС тоже присутствует. Другой техники, способной выполнить эту работу у меня не было.

— А штурмовики?

— Из-за пламени, выбивающегося из выхлопных патрубков, использовать Ил-2 ночью – невозможно.

— А почему нельзя было подождать утра и атаковать? Ведь У-2 не приспособлен атаковать танки!

— Немцам требовалось отойти на 7 км и занять линию обороны, которую они занимали до 5 июля. До утра они бы успели это сделать. А так, они остались лежать там, где их застали наши самолёты.

— Товарищ Сталин, нас, последнее время, очень часто стали упрекать именем товарища Титова, что мы не бережём людей. Дескать, он людей бережёт, а мы – нет. Поэтому я и задал эти вопросы генерал-лейтенанту, — с довольным лицом сказал Новиков. — И услышал именно то, что ожидал услышать.

— Разрешите, товарищ Сталин? — спросил я.

— Пожалуйста, товарищ Титов.

— Товарищ маршал, я бы с большим удовольствием послал Ил-2 на эту работу, если бы по приказу Командующего ВВС РККА, им бы, в заводских условиях, удлиннили бы выхлопные патрубки, товарищ Маршал авиации.

— Только удлинить патрубки? И всё? — спросил Сталин.

— Так точно, товарищ Верховный!

Теперь бледный вид имел уже маршал Новиков.

— А почему вы об этом не сказали раньше?

— Я - истребитель, и командовал ночным истребительным полком. И был заместителем командующего армией по истребительной авиации. То,

что, в ходе операции, пришлось решать другую задачу, и привлекать к работе других "ночников", стало известно 16 июля. В условиях менее плотной ПВО, ночные бомбардировщики У-2 справлялись с подобной задачей. Это было под Сталинградом. Но, немцы тоже извлекают уроки из войны. И они насытили ПВО тяжёлых танковых дивизий зенитной артиллерией до предела. Для решения этой задачи, наши ВВС оказались не подготовленными. В итоге, один ночной полк истребителей-бомбардировщиков на пять фронтов. Задачу такого масштаба одним полком – не решить, товарищ Сталин. Сделали всё возможное.

— И нам помогли очень. Для АДД эта задача была бы не по силам. Мы работаем по площадям, с горизонтального полёта. Или по площадным объектам. "Ночники" Титова обеспечили подсветку целей, остановили их движение, дали возможность нанести точные удары, — вступил в разговор Голованов. — Так что, гибель большого количества лётчиков и самолётов, в некотором смысле слова, оправдана, товарищ Сталин и товарищ генерал-лейтенант.

— В целом, это большой успех нашей авиации: за первые 5 дней боёв мы захватили господство в воздухе, — решил напомнить о себе Новиков.

Сталин внимательно слушал наши "дебаты", затем встал и все замолчали. Немного походив по кабинету, он решительно повернулся к нам и сказал:

— Тем не менее, мы собрались здесь совсем по другому поводу. Товарищ Новиков, как вы считаете, есть необходимость вводить систему обслуживания самолётов по схеме, которую предложил товарищ Титов?

— Несомненно, товарищ Сталин. Показатели истребительной авиации 17 армии в настоящее время самые высокие в ВВС. Несмотря на то, что это были не самые лучшие полки и дивизии.

— Что касается АДД, то нам несколько преждевременно переходить на эту схему, в основном, из-за хронической нехватки самолётов в полках. Однако, элементы схемы мы уже начали использовать при подготовке новой техники. Только за единицу мы принимаем не полк, а эскадрилью, — ответил маршал Голованов.

— Товарищ Титов, что вы можете сказать по качеству новой техники, поступившей в вашу армию в последнее время?

— По истребителям Ла-5: стали легче, меньше отказов на 56 %. По И-185 – есть хронический недостаток: быстрый износ внешней шестерни редуктора, но наши инженеры нашли выход из положения – замена масла МС20 на американское SHELL90. Однако в зимний период с ним могут быть сложности. По Як-7б – положение не изменилось: самый большой

процент аварий. По "Кобре": серия "Q" склонна к плоскому штопору из-за задней центровки. Были аварии.

— А почему по Якам ничего не изменилось? Мы же ввели военную приёмку везде? — спросил Новиков.

— Не знаю, товарищ маршал. Могу сказать только одно: аварии случаются, в основном, в процессе эксплуатации, не на приёмке самолётов. Скорее всего, технологический или конструкционный брак планера. Или быстрое гниение из-за некачественной окраски. Но, в целом положение довольно резко улучшилось.

— Ну что ж, товарищи! На этом всё! Все свободны.

Мы попрощались с товарищем Сталиным, и вышли из кабинета. Каждый остался при своём мнении. Но в октябре в армию стали поступать Ил-2 с удлинёнными патрубками. Мы перевооружили по одному полку в каждой дивизии ночных бомбардировщиков, во всех гвардейских ночных корпусах. Больше и не требовалось. Далеко не все летчики могли свободно пересестись с У-2 на Ил-2, многие и не хотели такой пересадки. Одно дело водить ночью "кукурузник": всё тихонечно, на планировании; другое дело полностью закрытая кабина штурмовика, далеко разносящийся ночью рёв мотора, зенитки и близкая земля. Мы хоть и снабжали ночные самолёты автоматом вывода с Пе-2, но всё равно, ночная штурмовка по нервам ездит, как на танке! Пробовали применять приборы ночного видения, сделанные для танкистов. Но, пока без большого успеха. Чуть ли не сложнее стало ориентироваться. ЛОМО обещает к концу года дать ночной прицел. Там и посмотрим! В любом случае, появление ночного штурмовика даёт нам больше возможностей в боевой работе. Немецкие пленные отмечают, что ночь стала не менее опасна, чем день. У них появилась воздухобоязнь, как у наших в 41-м. 15 октября был освобождён Киев: мать городов русских. В этот день командующие 6-ти воздушных армий получили новые звания "генерал-полковник". С некоторым удивлением, обнаружил в приказе и свою фамилию. Я думал, что Сталин обиделся на меня, за то, что я полез в спор с Новиковым.

Почти сразу после возвращения из Москвы, в штаб армии прилетели инженеры из Перми, разбираться с редуктором М-71ФН. Мы показали им "приспособление": забитое деревянным чопом отверстие в блоке цилиндров и просверленную горловину с винтовой пробкой от двигателя "Мессершмитта". В этом случае редуктор смазывается американским SHELL, которое используют на двигателях "Аллисон" для смазки редуктора. Но, у американцев стоит подогрев для запуска в зимнее время.

А на М-71 этого нет, поэтому зимой масло замерзнет, и возникнут проблемы с запуском. Заодно, поговорил с ребятами о компрессоре для повышения высотности. Редуктор обещали переделать сразу, а эскиз компрессора передать группе разработчиков, такие работы ведутся, но пока без особого успеха.

Генерал-лейтенант Лавочкин прилетел сам, внимательнейшим образом ознакомился с документацией по всем авариям и катастрофам с его машинами. Поинтересовался, почему ни одной его машины мы не используем в ночных полках. Мы показали ему кабину "кобры" и ночного И-185, показали изменения, внесённые Янгелем по нашей просьбе, но, заметили ему, что у "Ла" хуже с манёвренностью, поэтому простым добавлением необходимых приборов не отделаться.

— Я спрашиваю об этом не для Ла-5: у него планер ЛаГГ-3. Я заканчиваю работу над цельнометаллическим истребителем Ла-7. Судя по работе вашего полка и вашей армии, истребитель должен быть всепогодным, и позволять летать ночью.

— Тогда, товарищ генерал, вам надо озаботиться и вот таким вот тренажёром, — я повёл его в "летно-тактический класс": большую палатку, где стоял один из наших тренажеров для слепого полёта.

— Откуда такое чудо?

— Инженер 14-го гиап Герасимов сделал по моей просьбе, ещё год назад. Сейчас в армии таких пять, а требуется иметь их в каждом полку.

— А где делали?

— В Ленинграде, на физприборе. Но, он не без недостатков. Требуется хорошая конструкторская доработка.

— Сделаем!

Лавочкин залез в тренажёр, при включённом свете даже удержал горизонт, но, стоило закрыть кабину, как он потерял ориентировку и беспорядочно закувыркался. Пришлось остановить принудительно.

— Ну и "карусель"! Никогда не думал, что это так сложно!

— Здесь лётчик нарабатывает необходимые навыки. Но, в полёте ещё сложнее. Здесь невозможно создать ускорения и реальные перегрузки. А это влияет на вестибуляр. Но, научившись здесь, гораздо легче научиться в воздухе. И аварийных случаев становится ощутимо меньше.

А из бюро Яковлева так никто и не приехал! Всесильного замнаркома мнение лётчиков о его самолётах не интересовало. "Лётчики предпочитают "Яки"! Других лёгких истребителей у нас не было, и для непосредственного сопровождения Ил-2, в основном, использовали их. В боях на малой высоте "Яки" имели преимущество, даже над

"Мессершмиттом" последних моделей, у которых они выигрывали по весу и удельной мощности. Но, какой ценой это достигалось: живучесть "Яка" была нулевой!

А вот Ильюшин, заинтересовавшись тем, что ему из полков пришли указания на переделку машины, тоже прилетел сам, вместе с ним, на новом одноместном штурмовике Ил-1, прилетел Владимир Коккинаки. Так сказать, показать "задел". В Киеве, на аэродроме "Южный", нам показали его в "работе". По сути, это бронированный пикирующий бомбардировщик-штурмовик: может нести тонну бомб, как Пе-2 с перегрузом, есть тормозные решётки, угол пикирования 60 градусов. Хорошая механизация крыла. Вот только попробовать нам его не дали! Но все наши замечания по Ил-2 были скрупулёзно записаны. Всё-таки, внимание! И передача опыта.

На этом моя служба в 17 Воздушной Армии неожиданно закончилась: пришёл приказ прибыть в Управление кадрами ВВС. Приказ был какой-то странный: должность моя оставалась вакантной, но дела требовалось передать Командующему армией. Ещё один приказ пришёл на передачу 14 гиап в распоряжение ВВС КБФ. Сдал дела. Владимир Александрович подписал акт передачи, и сказал:

— Ничего не понимаю! Только сработались, и на тебе! Что-то странное творится. Ты в Москве никому на хвост не наступал?

— Не без этого. Новикову и Яковлеву.

— Да им не хвост, а кое-что повыше отдавить надо! Может быть Сталину позвонить?

— А смысл? Всё по форме: приказ есть приказ. Требуется сначала выполнить, а потом оспаривать. Я ведомого пока заберу? Если что не так, то вернётся. А жена с полком в Ленинград полетит или поедет.

— Ну, как знаешь, Пал Петрович. Извини, что сначала не совсем нормально относился, напели мне в уши... Ну, ни пуха!

— К чёрту, Владимир Александрович. Ещё увидимся, надеюсь!

Позвонил Людмилке, рассказал вкратце о приказе, сказал, что с Петром вылетаем в Москву. Она уже привыкла к внезапным вылетам туда-сюда. Посетовала на то, что дежурит, и не сможет проводить. Через два тридцать сели в Москве в Чкаловском. Пётр остался на аэродроме, а я выехал в Москву. В кадрах меня ещё больше ошарашили, что они к этому приказу отношения не имеют, что ведут картотеку до генерал-майора, включительно, остальными генералами распоряжается Ставка, что требуется ехать в Ставку. Пожал плечами, поехал на Арбат. Там сначала

тоже возникло недоразумение, но потом неожиданно появился генерал-майор Алексеев, небольшого росточка, лысоватый, с небольшим брюшком.

— Здравия желаю, товарищ генерал-полковник! Мне поручено обустроить вас и вашу семью в Москве.

— В данный момент, я в Москве один, жена и сын в 14-м полку в Киеве, но их переводят в Ленинград.

— Есть приказ об увольнении гвардии старшего лейтенанта Титовой-Бахметьевой из армии. Это связано с вашим новым назначением, товарищ генерал-полковник.

— Но я не получил никакого назначения!

— Получите! — улыбнулся генерал. Он предложил проехать и посмотреть три квартиры, все неподалёку от Кремля. Я выбрал квартиру на улице Грановского, 3, недалеко от Кремля и от Ставки. Позвонил в Чкаловское, попросил Петра привезти вещи. На входе в подъезд столкнулся с Ворошиловым. "Всё чудесатее и чудесатее!" — как говаривала незабвенная героиня детской сказки! В квартире генерал Алексеев передал мне ключи, постоянный пропуск в Кремль, постоянный пропуск в здания Ставки Верховного Главнокомандующего, или Наркомата Оборона и Генерального штаба, если по-довоеенному.

— К 00.30 вам приказано прибыть к товарищу Сталину. Ваш номер по ВЧ 1133, позывной "товарищ Бахметьев". Если понадобится машина, позывной "Синева", и называете свой номер. Вот справочник по ВЧ, товарищ генерал-полковник. Вот этот телефон — прямой в охрану и обслуживание дома. Так как вы один, вам это понадобится. Вашим адъютантом назначен подполковник Львов. Он с вами свяжется. Ваш кабинет находится в здании ставки, номер совпадает с вашим номером по ВЧ.

— Вы в курсе, генерал, на какую должность меня назначают?

— Нет, но, судя по всему, совсем не маленькую. Далеко не всех, кто служит в Ставке, так встречают. Я квартиру снимаю, например. Хотя уже больше двух лет тут служу начальником административного отдела.

Пётр приехал поздно, ему пришлось добираться на перекладных, и долго ждал пропуска по Москве. Тем не менее, ужинать он отказался, сказал, что поел в Чкаловском. Я пошёл на кухню с вещмешком, собираясь приготовить что-нибудь поесть. В этот момент зазвонил звонок в прихожей. Пётр открыл дверь, вошёл подполковник и три красноармейца с какими-то парашютными сумками.

— А где генерал-полковник?

— На кухне!

Я вышел из кухни, посмотреть, кто там появился, как был: в свитере, галифе и в тапочках, с ножом в руках.

— Товарищ генерал-полковник! Подполковник Львов! Представляюсь по случаю назначения вашим адъютантом.

— Одну минуту, подполковник!

Я вернулся на кухню, про себя чертыхаясь: пожрать не дадут! Подполковник навалился на бедного Петю:

— Почему генерал сам готовит еду? А ты на что?

— Подполковник, оставьте его в покое, он – мой ведомый, а не денщик! — я прошёл в зал, и накинул гимнастёрку, портупею и вышел в прихожую. Солдатики вытянулись, и ели глазами мои три звездочки. А окантовка у солдат была малиновая! НКВД! Взглянул на подполковника, нет, у него просветы голубые, авиационные. Подполковник поймал мой взгляд:

— Я тоже служу в оперативном отделе НКВД, товарищ генерал-полковник. Эти двое – из охраны этого дома, я попросил их донести сумки, а рядовой Васильев – ваш ординарец.

— Спасибо, товарищи бойцы, можете идти. Товарищ Васильев, вы готовить умеете?

— Так точно, товарищ генерал. Мы тут и принесли продукты, туалетные принадлежности, и так, кое-что по мелочи.

— Ну, тогда раздевайтесь, и приступайте к своим обязанностям. Товарищ подполковник, как вас зовут?

— Валентин Иванович, товарищ генерал. — Я протянул ему руку.

— Меня – Павел Петрович. — Он пожал мне руку.

— Пройдёмте в комнату. У меня много вопросов к вам.

— Слушаю вас, Павел Петрович! — ответил Валентин, привычным движением доставая блокнот и автоматическую ручку.

— Да нет, ручку убирайте. Объясните мне, что происходит, кто вы, и что вы? Ещё днём я был зам. командующего воздушной армии на Первом Украинском фронте. А сейчас тут.

— Я служу в отделе, который занимается охраной высших руководителей армии и правительства. В моём распоряжении усиленный взвод охраны, 6 следователей Военной прокуратуры, три самолёта Си-47, 8 истребителей прикрытия. Мне приказано взять вас под охрану и исполнять обязанности вашего порученца или адъютанта. К сожалению, больше ничего добавить не могу. До вчерашнего дня я исполнял такие же обязанности у одного из членов Правительства СССР. Но, рапорт о том, что я хочу в действующую армию, написал полгода назад. Сам я с Дальнего

Востока, воевал у озера Хасан. Бывший пограничник. К сожалению, меня из отдела не отпустили, перевели к вам.

— Понятно, Валентин Иванович. Что ж, будем работать вместе. Вот только, пока не понятно кем.

Пока разговаривали, Васильев накрыл в столовой ужин. Дождлся, пока мы поедим, собрал и вымыл посуду, после этого сказал, что постелил мне постель, и попросил разрешения убыть в распоряжение. Валентин Иванович его отпустил. Ещё через час, мы вдвоём пошли в Кремль.

Сталин принял меня не один, в кабинете находились маршалы Жуков и Василевский.

— Проходите, товарищ Титов. Знакомьтесь, товарищи! Титов, Павел Петрович. Присаживайтесь, товарищ Титов. Наш Генеральный штаб подготовил план операций, которые мы будем проводить последовательно на советско-германском фронте. Планы скорректированы с учётом последних изменений, произошедших на южном фланге фронта. Не без вашего участия. Есть мнение: наделить вас функциями Представителя Ставки по авиации и возложить на вас непосредственное проведение авиационных операций, связанных с исполнением наземных операций. Для осуществления планов командования по захвату господства в воздухе нашей авиацией на участках проведения стратегических операций, нами создаётся отдельная специальная дивизия, в которую войдут 14, 16 и 32 гвардейские истребительные полки, которая будет находиться под вашим непосредственным руководством. Со средствами усиления, приданным транспортным полком и четырьмя батальонами аэродромного обслуживания. Это неполный список, вы сами его дополните: что вам необходимо для обеспечения безусловного обеспечения захвата господства в воздухе. Все авиационные и, по мере необходимости, сухопутные силы на заданном участке фронта будут находиться в вашем распоряжении, как у Представителя Ставки. Все действия должны быть согласованы с Генеральным штабом или со мной лично. Как вы, лично, относитесь к этому мнению?

— Кто непосредственно будет командиром этой дивизии?

— Идея создания такой дивизии принадлежит инспектору ВВС полковнику Сталину. А кого бы вы могли порекомендовать на эту должность? — ответил Василевский.

— Подполковника Покрышкина.

— Не возражаю, товарищ Титов, — сказал Сталин.

— Буду ли я допущен к самому планированию операций или придётся

подгонять свои действия под задуманное Генштабом?

— Лично я считаю, что это должна быть совместная работа, товарищ Титов, — за всех ответил Сталин.

— Будет ли позволено доукомплектовать эти три полка личным составом соответствующего уровня или пополнение пойдёт штатным образом?

— Полностью на ваше усмотрение.

— Больше вопросов не имею.

Дальше пошло обсуждение "10-ти Сталинских ударов". Я про себя посмеивался: на этом, в нашей истории, Власов сгорел, пытался выдавить немцев из леса, где их не было. Его подрезали и... Апологетом предателя стал, имя нарицательное! Полк в Питер отвели, потому, как намечают выдавить немцев из Гатчины и, если удастся, взять Новгород. Главное для них: не перетянуть одеяло на себя! Отвечать ведь придётся! А веры в собственные силы – никакой. Молчу, слушаю. В конце разговора Сталин спросил, почему я молчал всё это время.

— Слушал, товарищ Сталин. Для того, чтобы что-то сказать, надо познакомиться с планом более подробно.

— Тоже верно, товарищ Титов. Входите в курс дела быстрее.

— Есть быстрее!

Когда выходили от Верховного, Жуков пошёл ва-банк, тоже способ: вначале – обострить! Он в Приёмной громко сказал Василевскому:

— Титов, Титов! Я думал, что это серьёзный мужик, а тут сопляк какой-то!

Неожиданно, за меня вступился Василевский:

— У этого "сопляка", как вы изволили выразиться, Георгий Константинович, звезд Героя в три раза больше, чем у нас с тобой на двоих. Две за Ленинград и одна за Сталинград. Смотрел я его личное дело: войну начал лейтенантом. Поэтому, не стоит ссориться. Надо работать! Павел Петрович!

— Я, товарищ маршал!

— Как я понимаю, вам не очень нравится план действий.

— Не без этого, товарищ начальник Генерального штаба.

— Тогда в штаб, Павел Петрович. Решать надо быстро.

— Ну, вот вы и решайте, а я – домой! — сказал Жуков. Мы уже вышли из Приёмной, поэтому могли остановиться и поговорить. — Не нравишься ты мне, Титов! Ты чужие победы себе присваиваешь!

— Это вы о чём?

— Я лично звонил в штаб 17 ВА ночью семнадцатого. Мне ответил

сам Судец. Он был на КП армии.

— Так вы его и спрашивали, товарищ маршал. А я на рации сидел, но слышал.

— Георгий Константинович! Так ты об этом? Я сам с Судцом разговаривал, лично, в Харькове! Ты с Судцом встречался?

— Нет, не до того было!

— А я встретился: командовал армией той ночью Титов. Судец сказал, что в ночной тактике много незнакомых команд, он их не знает и не понимает, и он не мог взять управление на себя. Хотя очень хотел прекратить бессмысленные и опасные атаки, как ему казалось. Всё было проведено на высшем уровне, Георгий Константинович. Представь, если бы Манштейн вырвался. Я, когда узнал об этом, снял все свои возражения против его кандидатуры.

— А мне, почему ничего не сказал, Александр Михайлович? Опять хочешь быть хорошим для всех? А я должен выглядеть пугалом?

— Это ты его пугать решил? У него под сотню сбитых, лично и в группе. Причём, в группе у него больше, чем лично. Он себе на хлеб, с маслом и чёрной икрой, и без нас заработает! — заулыбался Василевский. — Всё, хватит собачиться! "Хозяин" сказал: "Работаем вместе!", значит – работаем вместе! Не задирайся, Константиныч! Ну и что, что молодой, зато дело своё знает.

— Ладно, поехали! Пусть потреплется!

Мы вышли из дворца, я отпустил адъютанта, все сели в "Хорьх" Жукова и поехали в Генштаб. Дорогой молчали, каждый обдумывал что-то своё. По приезду мне показали три запланированных операции Волховского и Ленинградского фронтов: Ленинградско-Новгородской, Красносельско-Ропшинской, Новгородско-Лужской наступательных операций.

Около двух минут я рассматривал поднятые карты операций.

— Замечательно! — проговорил я. — Верх стратегического искусства! Это называется выдавливанием зубной пасты из тюбика.

— Что???

— Я даже не знаю, как это объяснить, Александр Михайлович. Реально, на северо-западе нас интересует всего две точки: Силламяэ и Псков. Перерезав эти две дороги, можно готовить лагеря для полутора миллионов пленных. Даже если мы сильно ударим, по этим трём разработанным операциям, они отойдут до Нарвы и Пскова, и встанут там. А мы будем вынуждены проламывать их оборону ещё раз. Должок на фон

Лееба лежит на Серафимовском у меня. Бить надо вдоль западных берегов Псковского и Чудского озёр.

— Немцы фронт в районе Великих Лук очень укрепили, Павел Петрович.

— При 200 стволах на километр фронта, о противнике не спрашивают. Спрашивают о достигнутых рубежах.

— А потянем? — неожиданно спросил Жуков.

— Со своей стороны могу гарантировать, что господство в воздухе мы обеспечим. Транспортные потуги разорвём. После этого, Кюхлеру деваться будет некуда.

— Ну, хорошо, а дальше, Петрович? — продолжил Жуков.

— Одесса, Бухарест и София.

— Для чего?

— Чтобы Перекоп не штурмовать. В общем, планировать операции не поперёк рек, а вдоль. А то от Дона до Днепра бежали, а у Днепра встали. Резать коммуникации, и охватывать вертикально.

— Хлебнём мы с ним горя, Александр Михайлович! Но, Петрович! Если хоть одна бомба упадёт на мои войска — лично расстреляю.

— Да упадёт, конечно. Лучшее ПВО — это наши танки на аэродромах противника. Но всё, что в наших силах сделаем.

Просидели до утра. Былая настороженность Жукова к утру рассеялась. Он явно загорелся идеей после Паулюса взять за гузки фон Кюхлера. Отвёз меня домой.

— Не проспи! "Сам" к 2 часам уже в Кремле. В 14.30 будем докладывать предварительные наброски.

— А успеют сделать расчёты, товарищ маршал?

— У Михалыча не забалуешь. Успеют! Всё, давай, спать хочется!

Удалось поспать три часа, вызвали в штаб ВВС. 14, 16 и 32 ГИАПы приказал перебазировать в Андреанополь. Пробежались по комплектации дивизии, оставил заявки на разведывательные "Спитфайры Mk. XIV", радиолокационный батальон. Вызвал Холодова, Покрышкина и Макеева в Москву. К 14.15 прибыл в Кремль. Раньше всех. Пришлось сидеть и ждать. Потом подъехали Жуков и Василевский, но Сталина ещё не было. Он появился в 14.45.

— Проходите! — Мы прошли в кабинет, а Сталин задержался возле Поскрёбышева. Он вошёл, мы встали, Сталин махнул рукой и прошёл к своему столу. Неторопливо набил трубку, но не прикурил.

— Слушаю вас.

Василевский откашлялся и сказал:

— Мы обсудили, и пришли к общему мнению изменить направление первой операции, товарищ Сталин.

Сталин улыбнулся:

— А я думал, что Титов не сумеет быстро найти с вами общий язык, судя по тому, что я вчера слышал, когда вы выходили от меня.

— Я был неверно информирован, товарищ Сталин. Точнее, сделал неверные выводы на основе неполной информации, — сказал Жуков.

— Водится за вами такой грешок, товарищ Жуков. Но я рад, что вы нашли общий язык. Докладывайте.

Василевский развернул уже поднятую карту псковско-таллинской операции. "Надо же! Успели! Вот же зверь-штабист!" Василевский доложил о задачах, привлекаемых средствах и силах, дал подробную логистику накопления запасов и резервов, уточнил контрразведывательные и разведывательные мероприятия, план введения противника в заблуждение. Доклад длился более часа. Сталин выкурил три или четыре трубки за это время, но ни разу не перебил Александра Михайловича. Дождавшись окончания доклада, Сталин встал, я хотел подняться, но увидел, что оба маршала продолжают сидеть, поэтому тоже остался сидеть.

— В чём причина изменения первоначальных планов?

— Генерал Титов, познакомившись с планом операции, высказал мнение, что на рубежах Нарвы и Великой наступление Ленинградского и Волховского фронтов захлебнётся на естественных рубежах обороны. И предложил фланговый удар встык немецких групп армий Центр и Север. С основной задачей: перерезать снабжение группы армий Север. Его критика была признана убедительной. На нашей стороне: зимнее время, наступление будет идти вдоль основных рек региона, малая глубина интенсивной обороны противника, естественные преграды для флангового удара немцев справа, и отсутствие крупных сил у немцев слева. В результате успеха операции, мы окружаем группу армий "Север", и вынуждаем фон Кюхлера сдаться. Вырваться из мешка он не может, мы будем использовать для обороны те же рубежи: реку Нарва и Великую. Расчёты показывают, что сил и средств у нас достаточно, а привлекаемые войска имеют опыт проведения крупных стратегических операций на большую глубину.

Сталин с интересом посмотрел на меня, потом подошёл к карте и внимательно смотрел на неё довольно долго.

— Задача-минимум?

— Псков, товарищ Сталин. И усиленные бомбардировки Прибалтийской железной дороги. Но, товарищ Сталин, если дойдём до

Пскова с этой стороны, то дальнейшее продвижение практически неминуемо! А Ленинградский и Волховские фронты своей активностью свяжут фон Кюхлера и не дадут ему возможности отвести значительное количество войск в тыл.

— Товарищ Жуков, что вы думаете?

— Если бы я был против проведения, я бы уже высказался. И, товарищ Сталин, я снимаю свои возражения по Курску в отношении генерала Титова. Сегодня я вылетаю в Киев. Через три дня начало Днепровско-Карпатской операции трех Украинских фронтов. Но, надеюсь успеть к началу этой операции.

— Я вас понял, товарищ Жуков. Не буду вас задерживать. Вы, товарищ Титов?

— Занимался формированием выделенных мне сил и средств.

— Вам ещё два дня на это. Дальше будете действовать по моим указаниям. Тоже свободны.

— Есть, товарищ Сталин. — "Вот это темпы работы!" – пронеслось в голове.

Кстати, из всех организаций, в которых пришлось работать за две долгие жизни, самой результативной и организованной была Ставка Верховного Главнокомандующего. Люди были подобраны так, что я никогда не слышал: "извините, товарищ...., я не успел, я забыл, я болел, поэтому..." Всё, что было необходимо для нормального планирования операций любой сложности и любого масштаба, решалось в течение одних-двух суток. Были собраны действительно лучшие специалисты-профессионалы. "Лишних" людей не было. Новички, вроде меня в 43-м году, быстро втягивались в работу и привыкали: и к бешеному темпу, и к высочайшей ответственности, и к общей высокой результативности.

Выйдя из ставки, я сел в машину, в которой меня ожидал Валентин Иванович, и поехал в Чкаловское. Меня ожидала встреча с командирами полков, постановка задач, налаживание связи и взаимодействия. Встреча прошла достаточно гладко, если не считать вмешательство Новикова и Василия Сталина в конце встречи. Все прибыли вовремя, хотя добирались из разных мест. Самым недовольным выглядел Покрышкин. Его, за месяц до этого, вызывали в Москву. И он, с трудом, отбилсЯ от назначения на должность начальника Управления Высшими Военными Учебными Заведениями ВВС, на которую его "сватал" Новиков. Не без злого умысла, как я понимаю. Покрышкин, как и многие в ВВС, недолюбливал "Яки" и всё, что с ними связано. На встрече с Яковлевым говорил только о

недостатках его машин. Так как популярность Покрышкина, после выхода в свет "Наставления по тактике ВВС на участке общевойскового фронта", резко возросла, то Новиков и Яковлев попробовали избавиться от неугодного, засунув его на должность, где в основном разбираются аварийные ситуации и катастрофы. И где сгноить человека, как "два пальца об асфальт". Александр Иванович считал вызов в Москву продолжением "осеннего банкета". О чём он заявил ещё на поле аэродрома возле горячей "кобры". Мы уселись в тактический классе второй эскадрильи НИИ ВВС. Я зачитал приказ Ставки.

— Оба на! Вот это да! — это был общий ответ всех на услышанное. Единственным человеком, который сохранял хорошо видимое спокойствие, был Дима Макеев.

— Командир, 14-го гиап готов выполнить любое задание. Ты же знаешь!

Холодов, наоборот, волновался. Его худое лицо выражало беспокойство и недоумение:

— Товарищ генерал-полковник! Это не тот 434-й полк, который вы знали! Слишком многих уже нет, полк пополнили, но молодыми лётчиками. Нам постоянно меняют технику, замучались переучиваться.

— Сейчас что в полку?

— Ла-5ФН. Новые, меньше месяца, как переучились. Трехбаковые, на них не потанцуешь! 47 минут полётного времени.

— А у меня старые "Кобры", вот-вот на переформировку! — вставил Покрышкин. — Но только не серию "Ку-Ку".

Майор Арсеньев, командир транспортного полка, сказал, что у него новые С-47, лендлизовские, технических проблем нет, но много молодых лётчиков.

В общем, ударной дивизии не получалось.

— Так, всё понял! Иван Михайлович, готовь список лётчиков, которых хотел бы привлечь в полк. Пошли инженера полка в Энгельс, пусть подбирает два комплекта И-185н-71фн. Приказ получит у меня на Арбате. Всех, кто не соответствует, направляешь в кадры ВВС. Срок – две недели. Александр Иванович! Кому можешь сдать полк?

— Почему сдать?

— Примешь эту дивизию.

— А почему не Макеев?

— А кто "ночниками" будет командовать? У тебя в есть такие?

— Нет, ночников в полку у нас нет.

— Не могу я снять Макеева, и поставить его на дивизию.

— Тогда... Клубов или Речкалов.

— Клубов. Сдавай полк ему. Макеев, готовься принимать ещё одну эскадрилью на "Спитфайрах". Резерв ночников есть?

— 10 человек, и ещё 12 просятся с других полков КБФ.

— Что там по поводу Голубева?

— Он в списке.

— Его и поставишь на эту эскадрилью. Это наши глаза и уши. Проследи, чтобы в неё попали лётчики с немецким языком. Да, ты там три тренажёра нахомячил! Два передать в полки Клубова и Холодова. Иван Михайлович, я в курсе, что вы ночником были, ваша задача освоить то, что делается у Макеева, и готовить лётчиков. К весне две эскадрильи вынь да положь! Александр Иванович, Клубову передайте тоже самое, но, заберёте к себе Володина, командира 2-й эскадрильи 14-го полка заместителем по лётной подготовке. Иначе не справитесь. Он на "кобрах" летал. Я ускорю переброску вам из Красноярска новых Р-63 "Кингкобра".

Тут подошли Новиков и Василий Сталин, и Новиков начал "сватать" Сталина замом к Покрышкину. Минут пятнадцать меня уговаривали и грозили всякими карами, чтобы у Покрышкина был замом Сталин. Я не выдержал, я – "прокололся"!

— Это не 106 гвардейская тульская "парадная" дивизия. Это – дивизия прорыва. Здесь умирать требуется, но задачу выполнить. Пётр, ты где? — вошёл Петя. — Скажи техникам, чтобы готовили наши машины! Так вот, полковник Сталин! Ты – летчик? Зайдёшь ко мне в хвост, возьму!

Василий понял, что я вполне серьёзно готов показать ему, что он ничего из себя не представляет, поэтому перевёл разговор в другую тему. Он остался командовать 9-й иад, но дождался меня на выходе из класса и отозвал в сторону.

— Павел Петрович! Почему вы не хотите, чтобы я был в вашем распоряжении? Что-то личное?

— Да нет, Василий. Я могу вас так называть?

— Конечно.

— Не хочу, чтобы Покрышкину мешали. Такую задачу ещё никто не выполнял. А "сынки" мне не нужны.

— Так в 32-м полку служит Микоян.

— Он – рядовой летчик. Пусть воюет. Если Холодов его оставит. Так что, ничего личного. Только дело.

По ВЧ доложил Сталину о состоянии дел.

— Это плохо, товарищ Бахметьев. Максимально ускорьте приведение дивизии в боеспособное состояние. Срок – пять дней.

— Есть, товарищ Иванов.

Позвонил в инженерное управление ВВС, расспросил, где есть новые "кобры". Вышел из штаба, вернулся в класс, где были все, сообщил о приказе Сталина.

— Ваши полки ещё на месте или уже начали перелёт?

— Мои в воздухе, — ответил Макеев.

— Мои в Андреанополе, как и были, — сказал Холодов.

— Мои – готовятся к перелёту в Андреанополь.

— Измени маршрут, лететь в Харьков, и получать самолёты, Александр Иванович. Р-39н. Оттуда в Андреанополь. Товарищ майор, — обратился я к Арсеньеву. — Направьте 15 бортов в Асканию-Нова, вывозите техников 16 полка в Харьков. Оружейников сразу в Андреанополь. Иван Михайлович! Список на пополнение готов?

— Вот, восемнадцать человек. А это – вместо кого. Я для удобства полки проставил, кто-где. Всех лично знаю.

— Давай, подпишу, и, Валентин Иванович, выделите Холодову машину, пусть едет в кадры ВВС и оформляет перевод этих людей. И выделите для этого самолёты. Все должны быть в 32 полку не позднее послезавтра. Александр Иванович, вот приказ о вашем назначении комдивом. Новиков подписал, вылетайте в Андреанополь немедленно, на месте свяжешься с Папивиным, и решаете все вопросы по размещению. Андрей Иванович, вот этих вот людей – я передал ему список, предоставленный Новиковым, — дожидаетесь здесь и переправляете в Андреанополь. Это штаб дивизии. Александр Иванович, это ваша копия.

Покрышкин взял список и вышел в штаб НИИ ВВС, чтобы связаться со своим полком.

Через четыре дня состоялся смотр дивизии на аэродроме. Было холодно, низкая облачность и шёл довольно густой снег, поэтому смотр был коротким. Лётчикам объявили приказ о формировании 24 гвардейской отдельной ИАД резерва ставки ВГК. Представили её командира, начальника штаба и меня. Объявили приказ убрать с бортов звездочки-отметки побед, гвардейские знаки, всё, что могло помочь противнику отличить в воздухе эти самолёты от обычных линейных полков. Послышался гул недовольных голосов. Каждый лётчик любовно раскрашивал свою любимицу, а звездочками пугал противника ещё до боя. Я распустил строй и приказал собраться в клубе.

Ещё по дороге в клуб, на меня напали лётчики по поводу этого приказа. Так что, "первый был вопрос "Свободу Африке!", а потом уж про

меня, в части "разное"...

— Товарищи, свой приказ я не отменю, можете даже не надеяться! Вы – резерв Ставки. Там, где появляетесь вы, там начинается наступление. Поэтому все отличительные знаки должны быть убраны. Самолёты 14-го полка, вообще, должны быть все перекрашены, несмотря на то, что они "ночники" и должны иметь другой камуфляж. Ничто не должно указывать противнику, что на этом участке фронта появились вы. Вы должны не распугивать противника своим видом, а уничтожать его. Для этого вас и собрали в один кулак. Отнеситесь к этому соответственно. Особое внимание уделите вашим языкам! Говорить, кому бы то ни было о том, что ваша часть является резервом Ставки, категорически запрещается. Вы обратили внимание, что охрана аэродрома усилена бригадой ОсНаз, и на него не допускаются посторонние, местные жители и т. п... Связано это именно с этим. В ближайшее время полки перелетят на полевые аэродромы, но режим секретности и там будет на особом контроле. Что касается тех людей, которых перевели из других полков, где они занимали должности выше, чем теперь. Приказом Ставки вам сохранены оклады по более высокой должности. Так что, понижением это не считайте. Служба в такой дивизии особенно трудна и почётна, и, соответственно будет оплачиваться. Но, если есть такие, кто не хочет служить в этой дивизии, пишите рапорт, вас переведут в другую часть, или вернут на старое место службы.

В битком набитом зале клуба воцарилась тишина. Слово взял начальник политического отдела дивизии Захаров. Он остановился на стратегических и политических аспектах. Говорил он не долго, но убедительно. Холодов сказал, что 32 полк гордится тем, что его ввели в состав такой дивизии, что "клевцовский" полк не подведёт командование. Обгоревшее лицо Клубова было спокойным, он небольшого роста, крепко сложенный.

— Гвардейцы шестнадцатого полка не подведут.

Я поблагодарил всех и закрыл митинг. Попрощался с командованием и выехал в Москву.

Вечером доложил Сталину, о том, что его приказание выполнено.

— Хорошо, товарищ Титов. Вам предстоит выделить 8 самолётов, нашей постройки, и вылететь в Баку завтра. Возьмите лучших лётчиков.

— Есть!

Чёрт возьми! А раньше было не сказать? Погода в Андреаполе нелётная! Позвонил Макееву, приказал 6-х человек перебросить в Москву

на запасную площадку, где стоял второй состав. С утра мне позвонил Голованов, спросил о состоянии дел и смогут ли мои люди вылететь в такую погоду.

— Да, смогут, двести метров по высоте есть.

— Не позднее 14 часов вылетайте. Вас там ждут, лётчикам при себе иметь документы, удостоверяющие личность.

В 13 часов чуть разветрилось, и 8 темно-синих По-3н с 2-мя подвесными баками взлетели из Монино. Пробили облака, собрались и взяли курс на Астрахань. Лететь два часа. Внизу сплошная облачность, хорошо, что привод в Астрахани работает. Через час облачность поредела, идём экономическим ходом, экономя топливо. Можно было и напрямую пойти, но проще сесть и дозаправиться. В Астрахани сели, солнечно, но сильный ветер, пока заправляли самолёты, сходили пообедать, ну и бурду дают на тыловых аэродромах! Взлетели и пошли над морем. Однако недолго, дежурный ПВО из Баку приказал прижаться к берегу. Перестраховщик! Мы – морские лётчики! Все, кроме одного. Но, с дежурным не спорят, через час двадцать сели в Мардакане. Ребята недоумевают: на фига нас сняли с фронта. Я пожимаю плечами, дескать, не знаю. Мне и, правда, не сказали причину вылета в Баку. Всё засекречено донельзя. Подскочил какой-то генерал, я его видел в Москве, но фамилию не запомнил. Отчитал лётчиков за внешний вид, и послал всех получить новую форму. Выдали противоперегрузочные костюмы!!! Черт возьми! На фронте их нет, а в Баку они уже есть! Правда, судя по маркировке, они здесь и изготавливаются. Вместе с костюмами идут клапаны к кислородной системе. Но я запретил подключать их ребятам. Доложил по ВЧ в Ставку, что прибыл на место. Приказали отдыхать, но аэродром покидать запрещено. Сходили в кино, посмотрели фильм "Истребители". В сотый раз, наверное. Погрустили о Ленинграде. Послушали сводку Информбюро: бои на Украине, освобожден Кировоград, Кривой Рог, бои на подступах к Николаеву. Ребята сидят, подшиваются, приводят в порядок новую форму, ПШ. Летать, правда, в такой неудобно. Развешивают звёзды Героев, ордена, нашивки. Поругиваются, что не морская. Хотя мы уже давно ходим в полевой армейской форме. Редко у кого сохранилась морская. Меня вызвали в штаб, где находился маршал Голованов. Мы поздоровались, он передал мне два пакета.

— Вскроешь и раздашь перед самым вылетом. Будете сопровождать вон те два борта, — он показал рукой на новенькие С-47. Ближе двухсот метров к бортам не подходить. Топлива у вас много?

— На три с половиной часа.

— Ребята надёжные?

— Сказали взять лучших, все "ночники".

Ещё немного поговорив, легли поспать. В четыре утра нас разбудили, я спросил про своих, мне ответили, что их разбудят чуть позже, а нам приказали ехать на вокзал. В пять утра пришёл поезд, из которого вышел Сталин. Я подошёл и поприветствовал его. Голованов убедил Сталина воспользоваться хорошей погодой и вылетать немедленно. Все сели по машинам, и мы тронулись обратно в аэропорт.

— Летим в Тегеран, над побережьем. Сбивать любые самолёты, которые попытаются приблизиться. Сам понимаешь, кого везём.

— Всё понял, товарищ маршал. Не беспокойтесь.

Машина Голованова притормозила возле коттеджей, где находились мои лётчики. Я выскочил из машины и вошёл в дом. Ребята были уже одеты.

— Завтракали?

— Так точно.

— К машинам, к запуску.

Пошли к машинам, там я их построил, и раздал карты, и полётные задания.

— Сопровождаем два транспортника в Тегеран. Идём "маятником", быть предельно внимательными. Ближе 200 метров к бортам не подходить. Экономить топливо. Подвесные баки сбрасывать только в случае атаки постороннего самолёта. Сбивать любой самолёт, пытающийся приблизиться к охраняемым объектам. Задача ясна?

— Так точно.

— По машинам, запуск по моей команде.

Доложился Голованову о готовности. Через пятнадцать минут он дал команду "К запуску". Первый самолёт покатился к взлётной полосе, за ним второй, нам команду ещё не дают. Закончили прогрев, в этот момент начал взлетать первый борт, нам дали команду на рулёжку. "Взлетать сходу, догоняйте борта!" Сходу, так сходу, восьмёрка парами пошла на взлёт. Полёт прошёл нормально. Никаких самолётов на маршруте мы не встретили. Но топлива потратили много, уравнивать скорости с тихоходными С-47 невозможно. Уже на аэродроме в Тегеране мои узнали, кого сопровождали. Чуть позже нас в воздухе появился В-17 в сопровождении восьмёрки "тандерболтов". На нём прилетел Рузвельт. А ещё через два часа сел транспортник, похожий на "ланкастер", на котором прилетел Черчилль, его сопровождали "спитфайры". Черчилль сразу заинтересовался нашими машинами: они были темно-синими, а не зелёными. Поэтому после

прохождения почётного караула, направился к нам. С ним был маршал Тэддер. Черчилль поздоровался с лётчиками, внимательно рассмотрел их снаряжение, и спросил: почему самолёты такой окраски.

— Это ночные истребители По-3Н, конструкции Поликарпова, господин премьер.

Последовали вопросы о вооружении, скорости, когда они у нас появились. Я смотрел больше на Тэддера, чем на Черчилля, да и он старался задавать вопросы не мне, а лётчикам. Я представился Тэддеру, он немного удивился, услышав английскую речь, но представился тоже. И уже сам начал задавать вопросы по И-185. В этот момент я и смог задать вопрос о Mk. XIV, сказав, что очень нужен высотный скоростной разведчик.

— Они в секретном листе, генерал.

— Что в нём может быть такого секретного? Я же не прошу поставить "Метеор", а поршневые самолёты летают последние годы. Вот этот вот По-3, на высотах до 6–8 км равных себе не имеет. Но выше у него большие проблемы. Ваш Mk. XIV начинает хорошо работать только с этих высот, ниже он не способен противостоять По-3. Уступает ему и в скорости и в манёвре, так какой смысл его секретить. И потом, нам не требуется много машин. Одна эскадрилья.

Стоявшие рядом с Теддером лётчики внимательно прислушивались к нашему разговору. Черчилль переключился на нас тоже. Подошли американцы и подключились к разговору. Каждая сторона хвалила собственные машины.

— Всё, согласен! Ваши машины в тысячу, нет, в миллион раз лучше! — сказал я. — Сейчас я покажу вам, что может делать вот эта машина. Если хоть один из ваших истребителей сможет повторить такой пилотаж, я проиграл, и Спитфайр Mk. XIV останется на секретном листе.

Смех присутствующих убедил меня, что я на правильном пути. Они действительно считали свои машины непревзойдёнными ни кем! Я взлетел и выполнил обратный пилотаж. Подрулил к стоянке, вылез из машины.

— Ну? Есть желающие показать такой?

— Вы выиграли, генерал! Наши самолёты так летать не могут. А сколько у вас сбитых? — спросил Черчилль.

— 52 лично и 56 в группе, всего 108, - я достал свою лётную книжку. — А всего на счету нашей восьмёрки почти четыреста сбитых. У самого молодого 7 сбитых, у остальных от тридцати и больше.

— А что такое "в группе"? — спросил Тэддер.

— В групповом бою часто невозможно определить, кто именно сбил. Поэтому записывается на всю группу, но эти самолёты не учитываются при

награждениях лётчиков. Только личные.

— Что такое Ме-109?

— ВF-109 "Мессершмитт".

— У вас столько сбитых "мессершмиттов"?

— Мы – "Егеря", это наша работа. Охотимся на "Охотников".

— А мы думали, что это выдумки немцев, что у вас есть "егери".

— Ну, так что, по поводу Mk. XIV? Нам требуется 16 машин для разведывательной эскадрильи.

Черчилль с Тэддером переглянулись. Было видно, как Черчилль не хочет это делать, но лётчики, которые слышали пари, и уже его проиграли, и отдали проигранные деньги одному из лётчиков, который поставил на меня, зашумели, что спор есть спор. Черчилль кивнул под одобрительные выкрики пилотов. А я, вечером, получил втык от Верховного за устроенный балаган. Пришлось и извиняться, и объяснять ему, что мы получаем совершенно новый "спитфайр" с двигателем 2200 лошадиных сил водяного охлаждения. Ради этого и старался. После этого на меня насл Берия:

— А ты откуда язык знаешь?

— Учил. И немецкий знаю, но хуже.

— Что ещё англичане сказали?

— Да ничего такого, они больше спрашивали.

— Ты знаешь, кто такой Тэддер?

— Он представился: он – командующий РАФ. Только он что-то не в себе был. И взгляд какой-то отсутствующий, поначалу.

— У него жена погибла несколько дней назад. Должны были вместе прилететь.

— Тогда понятно.

— Слушай, генерал. Познакомься с ним поближе!

— Ну, хорошо, только где?

— Завтра, на переговорах. Иосиф Виссарионович! Разрешите я его задействую?

— Только без цирка, товарищ Титов! Ты ж, как-никак, Представитель Ставки и генерал, а ведёшь себя, как мальчишка! — недовольно пробурчал Сталин.

Ночью не спалось: орали цикады, потом возник какой-то шум, я вышел на террасу второго этажа здания Посольства, покурить. Выигравший пари американец сунул мне пачку моих любимых сигарет "Кэмел", правда, без фильтра. Стою, облокотившись на парапет, смотрю, что происходит в одном из крыльев дома. Сзади чиркнула спичка, я повернул голову: Сталин

прикуривает трубку, сзади кто-то из охраны.

— Что, не спится, товарищ Титов?

— Цикады орут, как...

— На юге всегда так. Вы сами откуда?

— Не помню, товарищ Сталин.

— Ах, да, извините. Президент Рузвельт переехал к нам в Посольство.

Появились данные, что готовится покушение на лидеров союзников. Так что, проводить переговоры будем здесь. Главное для нас – это второй фронт.

— А он нам нужен? Он нужен был в 41-м, и в начале 42-го. Нужно расширение поставок, заводы, вакуумные печи, дюралюминий, связь, автомобили.

— Но открытие фронта оттянет на себя немецкие дивизии.

— Мне кажется, что ничего этого не произойдёт. Как воевали сами, так и будем воевать. Эти ребята – мастера загребать жар чужими руками.

— А может быть, вы и правы, товарищ Титов. Цель Черчилля понятна: не пустить нас на Балканы, но мы уже фактически там! Как только сломали хребет люфтваффе, так и двинулись, хорошо двинулись. Вот только ломали долго.

— Да, товарищ Сталин, столько крови...

— Что мне в вас нравится, так это то, что людей бережёте. С вами ведь прилетела ваша эскадрилья первого состава?

— Один новенький, с остальными я с начала августа 41-го. Ни одного не потерял из первого состава. Жаль, Макеева пришлось дома оставить. Надолго мы здесь? Дома дел полно.

— Нет, ещё два-три дня. Когда вернёмся, хочу ваших ребят посмотреть.

— Есть, товарищ Сталин. А я хочу "тандерболта" прокачать.

— Они их отказались поставлять.

— Поэтому и хочу узнать его слабые стороны.

— Думаете, что могут с Гитлером союз заключить?

— С ним? Нет. С тем, кто будет после него. Но против нас.

— Военный, до мозга костей, военный! Хорошо, товарищ Титов, прокачивайте, как вы выразились. Но, аккуратно. Вы ещё дома нужны.

Тут подошёл генерал Власик, и что-то сказал на ухо Сталину.

— Да, иду! До свидания, товарищ Титов. — Сталин уходил на переговоры с Рузвельтом.

Я ещё постоял немного, потом ушёл спать.

На переговоры пришлось надеть парадную форму и весь "иконостас". Кстати, американские военные были в полевой форме, а мы и британцы мучились в парадной. Жарко и неудобно. Меня всё время раздражал стоячий жесткий воротник. Руки бы оторвал "дизайнеру". Большая часть авиационной части делегации уже видела меня на аэродроме, но я был в противоперегрузочном костюме и без знаков различия. Авиаторов, от нас, было двое, и оба молодые: Голованов и я. Сталин, почему-то, практически не взял с собой военных. Был Берия, несколько генералов НКВД, два полковника из Генштаба, и мы, с Головановым. Надел мундир, и опять себя почувствовал вешалкой для орденов. Переговоры проводились в конференц-зале посольства, мы выстроились вдоль одной из стен, делегации проходили мимо нас, нас всех представляли. Делегации были большими. Много военных и гражданских. Смотрели на меня, как на витрину. Я, по сравнению с ними, совсем ещё ребёнок: 25 лет ещё не исполнилось, через полмесяца только. Черчилль, который вчера не расслышал, наверно, что я – генерал-полковник, недоумённо уставился на меня.

— Он же совсем мальчик! — сказал он Сталину.

— Один из лучших авиационных командиров нашей армии! И самый результативный летчик-истребитель.

— Да, как он летает, он вчера показывал. И сколько у него сбитых "джерри". Я даже и не подумал, что он такой большой начальник. Посылайте ваших людей в Гибралтар, генерал. Будут вам самолёты. Что не сделаешь для лучшего аса Объединённых Наций! — Черчилль протянул мне руку. Мы обменялись рукопожатием, и Черчилль перешёл к Голованову, самому молодому маршалу союзников. Почти двухметровый Александр Евгеньевич просто нависал над небольшими по росту лидерами двух стран.

— А маршал Голованов лично бомбил Берлин. Ещё в 41-м году, — сказал Сталин. Черчилль задал и ему несколько вопросов. А возле меня стоял Тэддер.

— Мне сообщили вчера о постигшем вас несчастье. Примите искренние соболезнования, господин маршал.

— Моя жена хотела присутствовать на этой исторической встрече. А я не смог убедить её, что это небезопасно.

— Сбили?

— Нет, отказали двигатели на взлёте. Некачественный бензин или диверсия. Я уже потерял сына на этой войне, теперь – жену. Я слышал, что сказал премьер. Самолёты вам будут переданы в Гибралтаре, дальше их

погонят ваши лётчики. Ближайшим конвоем будут отправлены запасные части в Архангельск. Мои ребята хотели бы встретиться с вами и вашими лётчиками. Хотя это и не очень безопасно, говорят, что немцы буквально наводнили Тегеран диверсантами.

— Аэродром хорошо охраняется, но я живу здесь. Если мне разрешат отлучиться, то я готов организовать эту встречу. Что-то вроде обмена опытом. Но, скорее всего, завтра.

Практически, то же самое пожелание было высказано и американской стороной. Уже после начала переговоров, я подошел к Берия, и сказал ему об этом. "Действуй! Ты здесь уже и не нужен. Скажи Круглову, пусть выделит машину и охрану. И готовь людей, и технику!" — ответил он. В перерыв, я вышел из конференц-зала, нашёл генерала Круглова и передал ему распоряжение Берия.

— Только после обеда! "Сам" приказал посадить тебя рядом с ним!

— Понял. После обеда.

В общем, на аэродром я попал только ближе к вечеру. Ребята резались в "козла" и пили чай. Их чуткие носы сходу повернулись ко мне.

— Что значит начальство! Всё ему достаётся! А тут сиди, чайком пробавляйся! — сказал Деодор Киреев Васильеву.

— Да ладно, ладно вам. Не забыло начальство про вас. Всё в машине лежит. Но не сейчас, — вкратце обрисовал ситуацию. — В общем, нас просили устроить показательные выступления для союзников. Заодно, надо раскачать американцев с их "Тандерболтами", и потрогать их в воздухе, погонять, как следует. Найти уязвимые фигуры. Но, не зарываться. Не доводить до абсурда. И без лётных происшествий. В "виллисе" — парашютная сумка, там всякие вкусняшки. Я на ВЧ, Голубева надо гнать за машинами.

Дозвонился до Покрышкина, приказал передать Макееву и Арсеньеву готовить перелёт 5 эскадрильи в Гибралтар за самолётами. Если возникнут сложности, то решить вопрос через управление АДД.

— Как у вас дела? — спрашиваю его.

— Погода нелётная. Сидим по погоде. Скучно.

"Тандерболт" оказался совсем не интересным истребителем. Огромный, очень высокий фюзеляж, огромная просторная кабина. Вялый, манёвренность отсутствовала напрочь. По словам американцев, его максимальная скорость достигается на высотах выше 10000 метров. Там, дескать, ему цены нет. Но вот, что интересно: три подвесных бака, а собственного запаса топлива всего на 800 км. То есть, если встречать их

раньше, то "тандерболты" будут сбрасывать ПТБ, и после этого уходить, оставляя бомбардировщики без прикрытия. "Подраться" с американцем, американцы выбрали Петра, как самого молодого. Вообще, на него легла самая большая нагрузка, потому, что у него на груди была только одна "Красная Звездочка" и гвардейский значок, который, и англичане, и американцы, принимали за орден. А у остальных – по две звезды Героев, и куча орденов. Групповой бой на высоте 8000 американцы тоже проиграли, в первую очередь – тактически, он длился меньше трех минут. Мы поднырнули под них, уклонившись от лобовой атаки, они пошли за нами, и тут же разделившаяся восьмерка: две пары выполнили вираж, две пары – косую петлю, повисла у них на хвостах. Англичане тоже старались действовать строями, а не парами и звеньями, пытались утащить нас на виражи, но мы действовали исключительно на вертикалях. Особенно Тэддеру понравился "разворот на пятке", эта фигура у союзников была неизвестна. Более того, уже позже, в СССР, выяснилось, что ни "Спитфайр", ни "Тандерболт", ни более поздний "Мустанг", из-за технических особенностей не могли выполнять такие развороты: глох двигатель, и он был очень чувствителен к резким изменениям оборотов, без чего маневр выполнить невозможно. После полётов нас потащили в англо-американскую часть базы. Там у них был неплохой бар. Единственное, у нас не было ни долларов, ни фунтов. Но это не смутило хозяев. Пива было много. Тэддера, в основном, интересовала тактика немцев на Восточном фронте. Оказалось, что немцы на западе пользуются совершенно другой тактикой, но там они обороняются, а здесь им приходится поддерживать свои войска, и обороняться от ударов многочисленной нашей авиации. Они же на Западе распространяют сказки про Восточный фронт, объявляют о многочисленных победах, что сбить истребитель на Западе считается в 7-10 раз труднее, чем на Востоке, поэтому, дескать, лучшие лётчики у них на Западе, а русских они бьют как мух, сотнями. Я показал Тэддеру фотографию Храбака и его самолёта на нашем аэродроме. Тэддер долго смеялся.

Начинало темнеть, поэтому я собрал ребят, и мы сели в Додж, и поехали на "свою" сторону. Попытки мужиков продолжить отмечать "победу" над союзниками были пресечены. Всех усадил писать отчёт об учебном бое. Собрал "сочинения" и поехал в Посольство. Передал их Берия, но попросил вернуть их позднее, для использования в ВВС.

— Я их верну сразу! — он вызвал какого-то офицера и, по-грузински, что-то сказал ему, передав ему листы. — Что Тэддер?

— Интересовался тактикой немцев при поддержке наземных войск.

- Значит, всё-таки готовятся к наземным операциям.
- Я бы не сказал, скорее, прикидывает шансы.
- Даже так? И в чём это проявилось?
- Не заинтересовался войсковой ПВО немцев. Его интересует только объектовая ПВО.
- Сволочь! А "боров" обещал открыть второй фронт в этом году! Пошли! — и он направился к комнатам, которые занимал Сталин.
- Пришлось снова повторить всё для Сталина.
- Вы считаете, что англичане не готовы открыть второй фронт? На каких основаниях вы сделали такое предположение?
- У них очень мало самолётов непосредственной поддержки войск, командование ВВС озабочено только объектовой ПВО немцев, не знает и не пытается узнать тактику действия войсковой ПВО немцев. В этом случае их войска будут лишены поддержки авиации, и они надеются только на нас в плане уничтожения основных сил противника. Они готовы только к воздушной войне с Германией. Им нечем, в ВВС, бороться с танками и артиллерией противника. Скорее всего, вся воздушная поддержка будет состоять в массированных налётах на Германию, при этом основные удары будут наноситься по восточной части Германии. С целью уменьшить наши трофеи.
- А американцы?
- Идут строго в кильватер англичанам.
- То есть, товарищ Титов, как вы и говорили вчера ночью: хотят загрести жар чужими руками. Спасибо, товарищ Титов.

Тегеранская Конференция завершилась без подписания совместного коммюнике. Сталин согласился с мнением Черчилля о том, что операции союзников пройдут на Средиземноморском театре военных действий, и покинул Конференцию, несмотря на уговоры Рузвельта. Рузвельта он попросил максимально увеличить поставки автомобилей, средств связи, дюралюминия в чушках и в листах и другой, необходимой для фронта, продукции. Утром 30-го ноября мы вылетели обратно в Баку. После посадки Сталин сам направился к нашей стоянке.

- Здравствуйте, товарищи лётчики!
- Здравия желаем, товарищ Сталин!
- Я знаю, что вы с первых дней войны на фронте, что защищали Ленинград, помогли прорвать его блокаду, били немцев под Сталинградом, на Кубани, под Курском и на Украине. Родина никогда не забудет вашего мужества и героизма. Сейчас союзники хотят украсть у нас Победу. Я

прошу вас не позволить им этого сделать. От вас, во многом, зависит скорость нашего продвижения к логову врага. Надеюсь на вас! И благодарю за службу!

— Служим Советскому Союзу!

Я распустил строй и все подошли к Сталину. Минут тридцать они задавали друг другу вопросы и отвечали на них. Затем Сталин попрощался с ними, и подозвал меня.

— Пойдём, Павел Петрович, отличные у тебя бойцы! — Сталин впервые обратился ко мне на "ты". — Подготовь список для награждения всех. И ещё, за последнее время ты сбил много самолётов, но постоянно пишешь их в групповые. Почему?

— Мне трижды пытались запретить полёты, из-за того, что я единственный трижды Герой, пока. Если наградят четвёртой, то запретят даже приближаться к фронту. Поэтому пишу их туда, где за них не награждают.

— Ты не прав! Они – тоже не правы. Нельзя тебя лишать воздуха. Ты им дышишь. Я, как главнокомандующий, издам приказ, запрещающий это делать, кому бы то ни было. Почему союзники себя так по-разному ведут? Что ты думаешь по этому вопросу?

— Из-за различных целей в этой войне, товарищ Сталин. Война идёт за сферы влияния между Соединёнными Штатами и Великобританией. Вы обратили внимание, что Штаты в первый день активно говорили о независимости Индии?

— Да, конечно.

— Это их цель! Они уже в Австралии и поставляют туда всё! Они вырвали её из рук Англии, теперь берут следующую жертву: Индию. Если мы пустим их в Европу, то они сожрут и её. Вместе с Англией. Германия лишь разменная фигура в этой войне.

— А мы?

— Пушечное мясо для них.

— И что, Черчилль не понимает этого?

— Наверное, не понимает, а может быть, в своей ненависти к нам, делает это сознательно. А может быть, он не хочет, чтобы Америка влезла и сюда, в его вотчину.

— Я чуть не сделал ошибку! Тактически нам выгоден второй фронт, а стратегически, мы только проиграем, настаивая на скорейшем его открытии. Пусть барахтаются в сторонке и играют в песочек с Роммелем. Спасибо тебе, Павел Петрович.

По прилёту в Москву сразу поехал в Химки к Расплетину. Голованов пожаловался на возросшую точность артиллерийского зенитного огня у немцев.

— Александр Андреевич, здравствуйте. Генерал Титов, представитель Ставки ВГК.

— Очень приятно. Вы по какому вопросу?

— Последнее время наша авиация дальнего действия стала нести потери из-за возросшей точности огня зенитной артиллерии. Есть мнение, что немцы используют радиовзрыватели и радиолокаторы для наводки. Нужно средство борьбы с ними.

— Да, немцы приняли на вооружение радиовысотомер на дециметровых радиоволнах.

— Большой? Маленький?

— Размером со стандартный автомобильный фургон. На грузовике. Антенна не вращающаяся. Довольно больших размеров.

— С воздуха чем можно поразить?

— Чем угодно, но они её маскируют.

— А если наводиться на источник излучения?

— А вот это интересно! Но, довольно громоздко.

— А если это будет свободно падающая бомба с крыльями? Допустим 250 кг. В неё оборудование войдёт?

— Металл не пропускает радиоволны.

— Значит, используем радиопрозрачный материал для головы, а остальное металл и взрывчатка.

— Это – возможно сделать.

— И чем быстрее, тем лучше, товарищ Расплетин.

— У меня есть подобная разработка, но в виде крылатой ракеты. Можно её попробовать. Там требуется только настроиться на частоту высотомера.

— Готовьте людей и технику и приезжайте в Андреанополь на войсковые испытания.

Фельдмаршал фон Кюхлер, командующий группой армий "Север", артиллерист по образованию, довольно много внимания уделял ПВО. Штаб группы располагался в Пскове, который был прикрыт дивизией ПВО, более 200 "ахт-ахтов". И, последнее время лётчиков Голованова постоянно преследовали неудачи на этом участке. Фронтовая авиация по городу ещё не работала, далековато, но мне требовалось вскрыть оборону противника до начала наступления, подготовка к которому шла полным ходом. Поэтому

сразу по прилёту в Андреанополь, я взял два Ту-2 у Папивина, и на них начали устанавливать оборудование, которое позволяло засечь работу вражеских локаторов. Руководил этим сам Расплетин. По готовности, произвели ночную разведку. Погода стояла по-прежнему облачной. Во время налёта АДД на Псков, засекли работу радиолокатора в метровом диапазоне, и работу 8 локаторов в дециметровом диапазоне. Ракеты привезли из Капустина Яра через несколько дней. Дальность – 20 км. Правда, вес заряда совсем маленький, 57 кг, но, со встречной детонацией. Я предложил добавить в заряд шариков от подшипников. Сняли бч, выплавили тол, поставили на станок, раскрутили с шариками, и залили тол вновь. Отбалансировали ракету. Мне было жутко интересно самому слетать, но я бы только там мешался. В первый раз у нас ничего не получилось: не сработали пиропатроны, ракета не стартовала. Пришлось садиться вместе с двумя ракетами. Крутились над аэродромом до полной выработки топлива. На следующую ночь ударили двумя ракетами по метровому локатору. Локатор замолчал. Подготовили 4 ракеты, договорились с АДД, они пошли на Псков с востока, а мы с юга. На этот раз ребята должны были работать по радиовысотомерам противника. И пускать по одной ракете. Неодновременный сброс очень сильно влияет на управляемость, а в случае отказа пиропатрона, всем придётся покидать самолёт: не сесть. В ту ночь состоялся самый удачный налёт АДД на Псков. У Омских казарм был разрушен бензосклад с емкостями на 18000 тонн, в Клинцах разрушен военный городок и уничтожено до 4000 немцев. Разрушены восемь железнодорожных эшелонов с живой силой и техникой, электростанция. Из 8 локаторов у немцев работало только три. Большая часть батарей противника замолчала. Как мы 4 ракетами заставили замолчать 5 высотомеров – загадка. Видимо, зацепили что-то важное. Для того, чтобы устранить опасность "не схода" ракет, было предложено вместо бомбардировщиков использовать торпедоносцы, которые я запросил на Балтфлоте. О результатах я немедленно доложил Верховному. Голованов, со своей стороны, решил ввести в группы своих бомбардировщиков такие самолёты РЭБ. Но, использование ракет по высотомерам сочли излишне дорогим удовольствием, поэтому основным средством борьбы с ними стали планирующие 100 кг бомбы, которых бомбардировщик мог взять много. Размером они были в два раза больше, чем сотка, но по весу ВВ именно 100 килограммов. Шарик из старых подшипников тоже прижились в производстве. Теперь реммастерские стали организовано выбивать их из подшипников и сдавать на заводы.

Наконец, на 12 декабря синоптики дали хорошую погоду! Всю ночь два полка работали по аэродромам противника, а в 7 часов заговорила артиллерия трёх фронтов. В девять утра были взяты Бежаницы, и в прорыв вошли две танковые армии. Сзади на волокушах за ними следовала пехота. По лесным дорогам тянулись бесконечные казачьи эскадроны 4-го гвардейского корпуса Плиева. Штурмовики Папивиных повисли над дорогами, обрабатывая малейшие узлы сопротивления. Участок, занимаемый фон Кюхлером считался второстепенным, и хорошо оборудованным в инженерном отношении. Поэтому за 1943 год Кюхлер был вынужден расстаться с 14 дивизиями, в том числе с 2 танковыми, сгоревшими под Курском, и двумя мотопехотными, растерзанными на берегах Днепра. На этом участке немцы ожидали совершенно другое направление удара: на Витебск, который был ближе, поэтому укрепили это направление. Но, сил для обороны у группы "Центр" хватало, а для манёвра было явно недостаточно. На второй день наступления была перерезана дорога Опочка-Остров. Танковые армии вырвались на оперативный простор. Мы контролировали передвижение противника с левого и правого фланга прорыва. Бои, которые навязали Кюхлеру Ленинградский и Волховский фронты, тоже не давали ему возможность для манёвра силами и средствами. На пятый день задача минимум была выполнена: станция Пыталово в наших руках! Одна из железных дорог, снабжающих Группу армий "Север" перерезана. Немцы из-под Ленинграда перебросили один гешвадер 54-й дивизии в Остров. Но, "фоккеры" были перехвачены нами на маршруте с малым остатком топлива. Да и немцы уже совсем не те, что были в 41-м. Боя не получилось. Это было избиение. Немцы упорно пытались уйти на посадку, под прикрытия МЗА Острова и Пскова. Несколько "фоккеров" было сбито самими немцами. А ВПП мы заминировали.

Немцам удалось создать подобие обороны южной стороны города, но несколько массированных налётов нашей авиации практически снесли всё. Через три дня наши войска освободили город. До Пскова оставалось 50 км. Мы сосредоточили все удары по аэродрому в Пскове и по дорогам. Синоптики давали хорошую или приемлемую погоду ещё на неделю. Дальнейшее наступление на Псков шло по обеим сторонам Великой. Шансов удержать позиции у немцев не было. 4-й гвардейский кавкорпус взял Печоры с ходу! Кюхлер отдал приказ отходить из Пскова на север, несмотря на приказ Гитлера держаться. Он понимал, что основное направление удара ведёт к Нарве. Но, 3-я гвардейская танковая армия и 5-я гвардейская стремительно продвигались по Эстонии. Немногочисленные

немецкие гарнизоны сметались с пути гвардейцев. Погода нам благоприятствовала. Взяв Псков, 4 и 6-я армии укрепляли оборону. Жуков ввел в прорыв ещё три мотострелковых корпуса и вышел на границу с Латвийской ССР в районе Валги. Единственная дорога вдоль восточного берега Псковского озера до Гдова постоянно подвергалась штурмовке. Похоже, что Кюхлер потерял управление войсками. Затем погода испортилась, началась оттепель. Но, 30 декабря 3 танковая армия взяла Тапу. Последняя железная дорога оказалась перерезанной. Там танки повернули на восток и заняли Силламяэ и Нарву. 3 января окружение немцев под Ленинградом успешно завершилось. А мы начали охоту за транспортниками.

Жуков, за два месяца прошедший два больших наступления, был просто чёрным от усталости, когда мы летели в Москву.

— Петрович! Как ты считаешь, на сколько хватит Кюхлера?

— Бензина у него дней на 10. Голованов грохнул почти все его запасы.

— Откуда могут доставить?

— Ниоткуда. Такое количество топлива воздухом не доставить. Сейчас пришёл большой циклон, две недели плохой погоды во всем районе гарантированы. К середине января разветрится. Не раньше. К этому моменту топлива у него не станет. Авиация отработала по всем станциям, и по всем известным нам складам. Обратили внимание, что как только взяли Тапу, немцы перестали вести активные действия. "Режим экономии". Но Сталинград они хорошо помнят, поэтому никто из них в помощь Гитлера не верит. Дождутся хорошей погоды, убедятся, что ни один из самолётов не долетел, и начнут сдаваться. Для деблокирующего удара требуется от полутора до двух месяцев

— Таллин ещё держится!

— Георгий Константинович, поспали бы!

— Не могу! Я всегда больше всего волнуюсь после операции. Всё ли правильно сделал? Ты прав! Топлива у Кюхлера на прорыв нет. Плохо, что мы сейчас не видим, что происходит в котле. Но, по разведдонесениям, большого движения по дорогам не наблюдается. Затишье.

Сталин принял нас сразу, несмотря на глубокую ночь.

— Молодцы! Просто молодцы! Что с Пяру?

— Там эсэсовцы местные засели. Пока ещё сопротивляются. И в Таллине тоже, — ответил Жуков.

— Достаточно ли сил удержать фронт в случае деблокирующего удара?

— По докладам с первого и второго Белорусских, сил и средств у них достаточно. Партизаны активизировали диверсии на участках железных дорог. Свежих войск у противника нет. Титов говорит, что после середины января немцы начнут сдаваться. Мотивирует отсутствием топлива у окружённой группировки. У меня есть предложение: с Ораниенбаумского пятачка ударить в направлении Нарвы, и окончательно поставить точку над "i".

— А вы что думаете, товарищ Титов?

— Я считаю это нецелесообразным. Сколько там сейчас войск — неизвестно. Позиции на реке Нарве готовили сами гитлеровцы. Они достаточно укреплены. Наладится погода, там и будем решать.

— По докладам с Ленинградского и Волховского фронта в котле полное затишье. На артобстрел немцы не отвечают, товарищ Сталин. Но позиции свои не оставляют. Ни 16-я, ни 18-я армии, — сказал Василевский. — Я тоже придерживаюсь мнения подождать. Время работает на нас. Считаю, что нужно укрепить участок у Березовца, подтянуть туда гвардейские миномёты, артиллерию, противотанковые средства. Хотя морозов не было, болота на восточном берегу не замёрзли, но, вдруг усилятся мороз.

Сталин махнул трубкой в знак согласия. Предложение Жукова больше не обсуждалось. Мы перешли к темам других направлений. Но через полчаса, Сталин отправил нас с Жуковым по домам.

Открыл квартиру, какой-то новый запах, ничего не понял. Тут из дверей появляется заспанное личико Людмилы. Её уволили из армии в звании капитана, привезли сюда, и они, вот уже две недели живут здесь. Меня потащили на кухню, где Людмила начала разогревать вчерашний борщ и резать мясо, не прекращая ни на секунду говорить. Видимо, намолчалась за эти дни.

— Никогда не думала, что стану жить в Москве, мы же коренные ленинградцы и к Москве относимся плохо. Очень много проблем было в первые дни, мне практически невозможно было выйти из дома, так как не было пропусков. Потом Николай Герасимович, наш сосед, помог. Нам, почему-то приносят на дом продукты! Каждый божий день! И у меня нет карточек, до сих пор. Мы здесь временно или постоянно?

— Похоже, что постоянно, насколько это можно, служа в армии.

— Тебя-то кем назначили?

— Я теперь Представитель Ставки ВГК по авиации, — Людмила повернулась ко мне лицом и присела на табуретку.

— Это – зам Верховного? — она провела рукой по лбу. — Ничего себе! Вот тебе, милочка, и вышла замуж за лейтенанта!

— Что сделаешь, милая. Война. "Или грудь в крестах или голова в кустах!"

— А я-то думаю, чего это какие-то люди приходят и пытаются убраться, мусор вынести. Я их выгнала, сама хожу. И ещё: двое каких-то людей постоянно за мной ходят, когда я с Серёжкой гуляю по парку возле Кремля.

— Да, ты под охраной. Этот дом тоже охраняется.

— Они здорово помогли, когда у меня на улице попытались сумочку вырвать. Догнали мальчишек быстро, но отчитали меня за рассеянность. Сказали, что уголовников в Москве много. Но они не сказали мне, что охраняют именно меня, я думала, что это патруль.

— В патруле три человека, или больше. Устав забыла?

— Нет, наверное, просто не подумала. А зачем меня охранять?

— А вдруг ты знаешь "военную тайну", а буржуины тебя схватят и пытаться начнут? Ладно, смех смехом, но тут не фронт, и тебе надо быть осторожнее. Особенно с нашими фронтовыми привычками: все кругом общее, двери всегда открыты.

Она налила мне тарелку вкусно пахнущего борща и принялась жарить мясо. Её занимали, в основном, бытовые мелочи. Кстати, я вспомнил, что денег у неё либо нет, либо совсем мало. На фронте деньгами мы почти не пользовались, всё оставалось на книжке. Обсудили этот вопрос и много других, пока я ел. Я ей сказал, что в Москве у меня будет странный график работы: где-то с 14.00 часов, если нет ничего срочного, и никто не звонит. Но допоздна, может быть и до утра. Попросил её сократить количество контактов с окружающими людьми, так как это могут быть и совсем не нужные люди.

— Я всё понимаю, Паша. А где Петруша?

— В 14-м полку, во второй эскадрилье. У Васильева остался, они подружились в командировке в Баку. Мне теперь постоянный ведомый не нужен. Скоро всех наших увидишь, в Москву приедут ордена получать.

В Москве пробыл всего трое суток, после этого меня отправили на второй Украинский, где готовилась операция по захвату Румынии и Болгарии. Прилетевшую эскадрилью Голубева я разбил на звенья и направил на разные фронты, так, чтобы по типу самолётов невозможно было определить подготовку к наступлению. Все самолёты звеньев выполняли полёты поодиночке, без сопровождения, так как высотность

Мк. XIV безопасно летать над территорией противника. Несколько раз немцы пытались перехватить их, используя водно-метаноловую смесь для форсажа, но всё равно не дотянулись. Да и лётчиков Голубев набрал себе лучших. В общем, не получилось у немцев помешать этой работе. На "спитфайрах" стояла американская камера Кодак. Довольно сложная, настройки выводились в кабину, но у самолёта был автопилот, поэтому он мог беспрепятственно заниматься с камерой. Но, полёт на такой высоте требует и внимания, и осторожности, соответствующего оборудования и экипировки. Всё это было доставлено в Архангельск, как и обещал Тэддер, часть пошла сразу лётчикам, а часть сразу поступила в НИИ ВВС в отдел по работе с новой техникой. В том числе и турбонаддув нового "Роллс-Ройса". Вершинин и Науменко активно готовились к операциям в Румынии и Венгрии, и, даже, говорили, что поддержка 24-й иад им не потребуется, дескать, у немцев самолётов маловато для этого. Пришлось несколько умерить их рвение, сказав, что за последний источник нефти драку немцы всё-таки устроят. К сожалению, даже наши "дальние" разведчики проникали на территорию противника не очень глубоко, поэтому, немцы могли скрытно подтягивать авиацию поближе. Судить приходилось по косвенным данным. И ещё: немцы не использовали для перевозки топлива цистерны, а перевозили всё в бочках, только на аэродроме это топливо перекачивалось в ТЗ. Этим они здорово повышали скрытность развёртывания.

Под Ленинградом, начиная с 7 января, АДД провело "слепую" бомбёжку узловых станций, используя данные фронтовых РЛС, так как выяснилось, что немцы, пользуясь ненастной погодой, активно начали восстанавливать железную дорогу: единственный доступный для них транспорт. Одновременно с бомбёжкой, АДД провело и агитационную работу, разбросав над мешком листовки со сталинградскими фотографиями. Это, несомненно, повлияло на немецкие войска. Официально, фельдмаршал фон Кюхлер был снят с должности Командующего группой Армий "Север", но вновь назначенный Вальтер Модель находился в Риге, и не мог попасть в котёл из-за погоды, хотя я подозреваю, что не только погода влияла на доставку нового командующего.

12 января утром в районе Никольского из немецких окопов вылез трубач и человек с белым флагом. Они спустились и вышли на лед Тосно, дошли до середины и остановились. Им навстречу вышли лейтенант Пеньков и ефрейтор Иваненко. На ломаном русском языке офицер-

парламентёр представился как полковник Антонио Гарсия Наварро, начальник штаба 250-й испанской дивизии. Он попросил встречи с представителем командования Ленинградского фронта по поручению командира дивизии генерала Эмилио Эстебан-Инфантеса. Его проводили в штаб полка. Там с ним встретился Говоров. "Голубая дивизия" 14 дней не получала продовольствия, денег, топлива и боеприпасов от немцев. Испанцы решили сдаться. Капитуляция была принята. Довольно большой участок фронта в районе Красного Бора перешёл в руки наших войск без единого выстрела. Оказалась отрезанной 5-я горнострелковая дивизия немцев в районе Рыбацкого. На следующий день сдалась и она. Фронт посыпался. Сдавшийся через несколько дней Кюхлер, подтвердил наши предположения, что в котле не было топлива. Уничтожение бензосклада в Пскове, практически решило судьбу группы армий. И диверсионные группы Волховского фронта уничтожили ещё два больших хранилища топлива. Плюс, разыгравшаяся на две с лишним недели непогода, и плотная опека днём и ночью котла с воздуха, при условии того, что единственная истребительная 54 дивизия немцев была практически уничтожена ещё во время боёв за Псков. 14 января Совнформбюро объявило о полном освобождении Советской Эстонии. А 25 января – о ликвидации котла под Ленинградом, где были добиты части СС, не желавшие сдаваться.

К этому времени 24-я дивизия уже находилась в Одессе. 14-й полк занимался морем, а остальные готовили площадки для работы по Румынии. Немцы перебросили в Румынию 2-й воздушный флот. Опять Рихтгофен! После поражения под Курском, его перебросили в Италию, где он опять отличился и успешно действовал против англичан и американцев во время их высадок в Сицилии и Италии. 10 немецкая армия продолжала удерживать Рим и наносила ощутимые удары союзникам под Монте-Кассино. Поэтому Рихтгофен выделил две дивизии на ФВ-190 для противостояния нам в Румынии. И довольно большое количество транспортных самолётов работало из Румынии и Болгарии на Крым, где по-прежнему находились немецкие войска. С появлением "ночников", спокойная жизнь у немецких транспортников кончилась. Да и удары по транспортам противника стали регулярными и эффективными. С Кавказских аэродромов Ермаченков переместил под Одессу торпедоносцев и два полка новеньких Ту-2. Мы обеспечили им эффективное прикрытие. Кроме того, на свои базы вернулись эсминцы ЧФ, а пора безраздельного господства немцев над морем кончились. Снабжение немецкой армии в Крыму нами было прервано. 16-й полк, наконец, получивший "кингкобры",

подвешивал 665-литровый ПТБ и, тоже, развлекался над морем, ловя "Юнкерсы" и "Хейнкели". В начале февраля, немцы, через оставленную в Одессе агентуру, выяснили место, где базируются "ночники", и попытались проштурмовать наши аэродромы. Более сотни "фоккеров" с бомбами под вечер на малой высоте пересекли линию фронта. Но, встреченные летчиками Науменко, до нашего аэродрома в Котовке добрались только 12 машин. На этом воздушная "битва за Румынию" была закончена. Король Румынии Михай I арестовал Антонеску, и присоединился к Объединённым Нациям. Румынская армия начала военные действия против сил 6, 8 немецких и 2 венгерской армий. Через открытые румынами позиции в прорыв были брошены 50 советских дивизий. Что, в конечном итоге, предопределило поражение немцев на всём юге. 8-я армия немцев сумела зацепиться за предгорья Карпат, но наша 53 армия взяла Арад, и ворвалась в Трансильванию, угрожая немцам окружением в Карпатах. Положение немцев в Крыму было критическим, но они пока держались, в основном, за счёт грабежа населения. Болгария вышла из войны, как только наши войска достигли её границ.

В этот момент нас перебрасывают чуть севернее Львова. Второй Украинский фронт прорвал оборону немцев и вошёл в Польшу, ударив на Сандомир и Краков у Перемышля и Владимир-Волынского. Двести сорок километров было пройдено за 8 дней! Бои идут на окраинах Кракова. В Сандомире и Тарнобреже захвачены мосты через Вислу. Особенно тяжёлые бои начались в районе Свалки под Сандомиром: тяжёлая танковая дивизия немцев "Лейбштандарт Адольфа Гитлера" пыталась вернуть город и сбросить наш плацдарм в реку. Они накапливались в лесистых оврагах севернее, и оттуда, под прикрытием 200 и 100 мм брони, пытались прорвать фронт 1-й гв. и 13-й гв. армии. 2-я ва Красовского бросила на поддержку три дивизии штурмовиков. Бои шли 18 дней, но плацдарм мы удержали, и даже расширили его на глубину 40 км. Южнее, где дела шли много успешнее, на левый берег Вислы была переброшена 4-я та генерала Баданова, которая при поддержке 10 гв. корпуса окружила 42 немецкий корпус западнее Сандомира. Огромную помощь фронту оказала наша авиация, совершившая более 18000 боевых вылетов. Сломив сопротивление немцев, наши войска начали продвигаться вдоль берегов Вислы к Варшаве, одновременно расширяя прорыв вправо до Буга. Стремительно продвигающаяся с юга весна, создавала прекрасные возможности для наступления, подсушивая дороги. Первый Украинский и Второй Белорусский фронт проявляли активность, не давая командованию

группы армий центр возможностей для манёвра. Фельдмаршал Буш нервно радировал Гитлеру, прося разрешение на отход от Витебска, так как Первая гвардейская и 4 танковые армии вышли на оперативный простор и рвались к Варшаве, а он сидел под Витебском. В этот момент, начал наступление 1 Прибалтийский фронт из Эстонии на Ригу. Войск у Моделя было совсем немного. Его войска только начали пополнять. Никто из немцев не думал, что большая часть войск Ленинградского фронта передана 1 Прибалтийскому, и что удар будет таким мощным. Через две недели была освобождена Рига, наступление на Вентспилс не удалось, там находилось очень много немецких войск, отошедших от Риги, поэтому блокировав их, фронт продолжил наступление в направлении Восточной Пруссии и Польши. После взятия Люблина, немцы, наконец, дали команду начать отводить войска группы армий "Центр": генералы смогли убедить Гитлера. Но, положение Буша было обречённым. Сняться с позиций вместе с тяжёлым вооружением он уже не мог. Рокоссовский неожиданным ночным ударом, без артподготовки, взял Верхнедвинск, и форсировал Западную Двину, оказавшись в тылу у Буша. Он двинулся на Минск с севера, блокировав Полоцк. В прорыв вошли войска вновь образованного 3 Белорусского, бывшего Западного фронта, под командованием генерала Черняховского, и начали наступление на Вильнюс. В этот момент прекратила своё существование группа армий "А", в Крыму. Всеми забытая, обовшивевшая, полуголодная армия сдалась, освободив нам войска 4 Украинского фронта, которые срочным порядком начали перебрасывать в Венгрию. К маю 44 года мы завершили блокаду группы армий "Центр". В кольце оказались части двух танковых и трех полевых армий. В отличие от Крыма, эту группировку мы активно резали на части и добивали. Но, большая часть армии сдалась 5-го мая. Генерал Буш отдал приказ о капитуляции и попытался на "шторыхе" вылететь на запад. Больше его никто не видел. Скорее всего, сбит, и покойся где-то в Белорусских лесах. Нашу дивизию резерва неоднократно перебрасывали на различные участки: когда всей дивизией, когда в составе полков. В целом, в первой половине 44 года, немецкая авиация активности не проявляла. Отдельные транспортные операции, отдельные бои небольшим составом, и охотники. Единственным запомнившимся действием немцев, был достаточно удачный налёт на Полтаву. Но, мы не слишком противодействовали ему. Нас очень интересовал аналоговый вычислитель и прицел "Мустанга". Снять его можно было только со сбитой машины. Что мы и сделали. А ПВО базы находилось полностью в руках американцев. Мы охраняли её с земли. Академик Лаврентьев в Уфе быстро разобрался с устройством,

более того, сделал его "всеракурсным", в отличие от американского.

А в июне 44-го меня сняли со всех постов и уволили из армии. 32-й полк базировался в Любляне. Мы засекли взлёт американского полка в сторону Югославии, когда они пересекли фронт, мы уже были в воздухе. Более 40 "лайтнингов" шло в направлении колонны войск 6-го гвардейского стрелкового корпуса, который должен был сменить другой корпус, наступавший на Удину. Перед этим состоялся бой восьмёрки "Яков" 866-го иап с шестёркой "лайтнингов". Американцы сбили 3 "Яка" и сами потеряли три самолёта. Мы взлетели двумя эскадрильями. Первую вёл я, вторую – новый командир полка Ворожейкин. Американцы снизились для штурмовки, и в этот момент я отдал команду: "Атака!" Предупредил, что использовать только вертикальные манёвры. На возглас кого-то из лётчиков, что самолёты имеют другие опознавательные знаки, и что это – американцы, я зло бросил в эфир: "Повторяю! Атака, валить всех! Я – четвёртый!" Под огнём американцы уже кричали в эфир, что, дескать, мы же союзники, но группа, разбившись на пары, уничтожила 38 самолётов, два упали в море. Назад никто из них не вернулся. Я не мог поверить, что можно ошибиться на 400 км. Мне приказали прибыть в Москву. Больше всех разорялся бывший наркоминдел Литвинов: "Он хочет вбить кол в отношения между союзниками! Он совсем зарвался!" "Мне всё равно, кто атакует наши войска, товарищ Литвинов. Любой противник должен быть уничтожен. В другой раз, они крепко подумают, стоит ли устраивать провокации". По требованию ЦК и союзников, меня сняли со всех должностей и уволили из армии. Сталин сидел в кресле и молчал. Я развернулся и вышел: не Член Ставки не имел права присутствовать на заседании. Львову сказал, что он свободен, скорее всего, получит новое назначение, а сам пошёл домой. Надо было собираться. Арестовывать меня, похоже, никто не собирался. Зашёл в караулку у Боровицких ворот и сдал пропуск. Медленно пошёл домой, благо не далеко. Радостная Людмила подскочила поцеловать и, вдруг остановилась:

— Что с тобой?

— Меня уволили из армии.

— А почему ты снял погоны и награды?

— А нафиг они мне нужны? Собирайся, поедem в Ленинград. С меня – хватит! Всё имеет свойство повторяться! — Я не стал ей рассказывать о Всесоюзном Офицерском Собрании августа 91-го года. Мне там тоже дали выступить, но через тридцать секунд отключили микрофон, и обвинили в нарушении регламента, потому, что я напомнил товарищам офицерам об их

присяге. "Я клянусь до последней капли крови, защищать..." Не защитили. Сдались "союзникам". История повторяется, вначале как трагедия, потом, как фарс. Быть участником фарса я не желаю. Пусть делают, что хотят. Прошёл в кабинет, собираю книги, записки, тетради. Звонок! Всё-таки решили арестовать. Да и фиг с ними!

Иду открывать. На пороге стоит целый генерал НКВД. Власик.

— Павел Петрович! "Хозяин" просил подъехать. Одевайтесь.

— Чай?

— Да нет! Спасибо! Хотя, если с мёдом, то не откажусь. Что-то горло садится.

— Люда! Сделай чайку с мёдом Николай Сидоровичу.

Генерал-лейтенант Власик прошёл в столовую, а я пошёл одеваться. Через пять-семь минут мы выехали, но не сторону Кремля. Власик повернулся ко мне и махнул мне рукой с первого сиденья. Мы приехали на "ближнюю дачу" в Кунцево. Власик открыл входную дверь и жестом пригласил меня пройти. Я здесь никогда не был. Раздеваясь, внимательно осмотрел помещение, затем меня провели в кабинет, нет, скорее в гостиную, потому, что в ней горел камин. Сталин сидел в кресле перед камином и что-то читал. Мундштуком трубки указал мне на второе кресло. Спустя несколько минут он отложил бумаги в папку, взял следующую папку, полистал её, вытащил отпечатанную бумагу и передал мне. Представление на награждение орденом Отечественной войны I степени всех участников боя у Крыжа.

— Подпиши! — я увидел свою фамилию, вычеркнул её, и подписал.

— Обиделся? О, даже погоны и награды снял.

— Вообще хотел в гражданку одеться, но ничего не нашлось. Это — моя гимнастёрка сорок первого года.

— Не понимаешь, что есть внешние враги, и есть внутренние. Двух, сегодня, ты на чистую воду вывел. За то, что тебя не предупредили, извини! Так надо было, чтобы заставить их раскрыться. Пока в твоём присутствии на фронте особой надобности нет. Поэтому, поработай с трофеями. Тут под Мюнхеном нашими войсками было захвачено много очень интересного: ракеты, реактивные самолёты, новые танки, "панцеркнаке". В технике ты разбираешься лучше многих. Тебе и карты в руки. И ещё, по данным нашей разведки, американцы создают новое оружие. Очень большой мощности. Мы тоже ведём эти работы. Занимается этим нарком Берия. Ему требуется помощник. Он просил дать ему тебя, потому, что кроме самого оружия, требуются средства его доставки. Займёшься этим. Ну а скандал с твоим увольнением, нам только на руку. Уволили, и он исчез куда-то. Вот

приказ о твоём назначении. А это – о новом звании. Заслужил. Там нам замечательный ужин приготовили, Павел Петрович. Договорим в столовой!

Ужин и вправду был замечательным! Седло барашка с картофелем – фри, деревенский салат, отличное кинзмараули, фаршированная ветчина с сыром "Пармезан". Сталин хотел познакомиться поближе с человеком, которому будет доверена самая большая тайна страны: ещё не закончив эту страшную войну, СССР начал подготовку к следующей. И противники уже определены.

— По достаточно точным данным, американцы ведут работы по созданию так называемого атомного оружия, товарищ Титов. Работы они начали давно, ещё в 41 году. Ожидаемое время готовности – июнь-июль следующего года. Мы начали эти работы позже, и у нас очень мало делящихся материалов, так как раньше мы этими работами не занимались. Сейчас в Чешских Татрах мы обнаружили достаточное количество урановой руды, которую заготовили немцы для своих исследований. Наши товарищи приступили к вывозу её в СССР. Мы начали строительство завода по обогащению этой руды. Строительство ведёт НКВД. Съездишь, познакомишься. Однако наши учёные говорят, что вес бомбы будет очень большим, и что нужен специальный самолёт для её транспортировки. Таких самолётов у нас нет. Мы поручили бюро Туполева скопировать американский тяжёлый бомбардировщик В-29, интернированный на Дальнем Востоке. Это и будет твоё направление: будешь курировать его постройку и создание этой самой бомбы. Чтобы это можно было использовать, и в кратчайшие сроки. Кроме того, наши специалисты пришли к мнению, что эту бомбу можно запускать при помощи ракет. Это второе твоё направление. Там ещё не сложился коллектив, работу ведут несколько конструкторских бюро, надо разобраться: кто из них реально сможет выполнить эти работы, так как, сам понимаешь, денег у нас немного, и финансировать всех мы не можем. Говорят много, предлагают много, а пока один пшик выходит. Что сам думаешь по этому вопросу?

— Товарищ Сталин, для выполнения этих задач, нам требуется активизировать работу над турбореактивными двигателями. Наиболее удачной разработкой был патент профессора Люльки в Ленинграде.

— Он в Новосибирске у Гудкова сейчас работает. Что-то подобное он предлагал сделать в прошлом году. Но, было не до этого. Хорошо, привлекай его к работе. Забирай его из ОКБ-301. Мы планируем возобновить работу 36-го завода в Рыбинске. Забирай его туда и форсируй эти работы. И ещё, ты в курсе, что твоих родителей расстреляли немцы?

— Нет, я не помню, где родился. И кто они. Знаю из личного дела, что

из Полоцка. Больше ничего не помню.

— Всех в 43-м арестовали и расстреляли.

— Надо бы съездить на могилу.

— Не ездят, нет могилы. Неизвестно, где захоронены. Где-то в Минске или под ним. — Я расстроился из-за этого сообщения, посчитав, что "подставил" этих людей. Но, потом вспомнил, что такие же сведения были опубликованы и в Интернете. Так что, их судьба не изменилась, и я здесь не причём. Впрочем, даже если и так, то как я мог повлиять на более благополучный исход для них?

— Да, товарищ Сталин, большого смысла в этом нет.

— А вообще, съезди в Полоцк, город сильно разрушен, и твоим землякам будет приятно тебя увидеть.

— И опять объяснять людям, что я их не помню? Не поеду.

— Сам решай! Скольких людей эта война покалечила!

— Да не калека я, товарищ Сталин. Неудобства это создаёт, не спору, но больным или ущербным себя не чувствую. Да, врачи говорят, что рано или поздно, это аукнется. Так всё равно: все там будем. "Кто не курит и не пьёт, тот здоровеньким помрёт!" — Сталин усмехнулся здоровой шутке.

— Я, как-то, и не сомневался, Павел Петрович. Мужик ты молодой и крепкий. Есть ещё одно поручение. Я хотел его Голованову отдать, да заболел он крепко.

— Я его с месяц назад видел, всё было в порядке!

— Заболел. Сердце остановилось. Едва жив остался. Он человек очень исполнительный, работоспособный, но, похоже, что перегрузили мы его... Поэтому, возмём на себя формирование воздушно-десантных войск. Те, что у нас есть, ни к чёрту не годятся. Днепр отчётливо это показал. А требуются войска, способные совершить вертикальный охват противника. Это как раз то, что ты и предлагал, когда тебя в ставку переводили.

— Тогда понадобятся новые транспортные самолёты, самолёты могущие сесть на неподготовленную площадку и взлететь с неё, а площадка может быть очень короткой. Поэтому лучше взлетать вертикально. В 32 году Сикорский демонстрировал вертолёт. Что-то похожее на эту машину.

— Делай! Средства — найдём. Сейчас проблема состоит в том, что нет у нас человека, который бы всерьёз занялся бы авиацией. Бегают тут разные, типа Жигарева. Ну не верю я ему. Не верю. Под Москвой он всех так подставил! А сейчас — опять на коне, Новиков ему благоволит, дескать, нужный и своевременный человек. В чём дело, понять не могу.

— Удобный он. И задницу лизать любит. А некоторым это приятно.

— Да, за словом в карман ты в карман не лазаешь, Павел Петрович. Но, точнёхонько. Водится за Новиковым такой грешок. В общем, круг обязанностей ты понял?

— Так точно, товарищ Сталин.

— Сейчас подъедет Лаврентий с бумажками, он введёт тебя более полно во все вопросы по всем этим вопросам. Кроме ВДВ. Докладывать обо всём только мне лично. Больше ты никому не подчиняешься. Только мне. И ещё, ты же морской лётчик! Загляни в Молотовск, посмотри, что делается. Свежим взглядом.

Сталин сегодня был не совсем обычным. Не знаю, что на него повлияло. Скорее всего, извинялся за историю в Ставке. Не заслуживал я увольнения из армии: наших потерь было три человека, и, в линейном полку, никаких армий я не потерял, то, что врезал из всех сил "по наглой рыжей морде", "ну, господа, так получилось!". Но, видимо, он уже всё решил. Я ему был нужен в новом качестве. Меня это устраивает. Честно говоря, хочется себя попробовать на более высоком уровне. Да и "должки" надо собрать. Приехавший Берия, долго и упорно объяснял мне, что с "физиками" надо помягче! "Особенно с Сахаровым?" Фиг тебе! Я, конечно, помню плачущего Харитона. Вот же "ЧЕЛОВЕЧИЩЕ"! Но и сучку, крутившуюся возле Сахарова, отлично помню. Посчитаемся. За всё! С другой стороны, я прекрасно понимал и меру ответственности: добрейший и заботливейший, как человек, Сталин мгновенно становился жестким и требовательным, когда дело доходило до неудач. Он любил удачливых. Игрок, по своей сути. Плюс, он любил исключительно тех людей, которые отдаются своему делу без остатка. А те области, в которые он меня засовывает, полны неудач, катастроф, людских страданий.

— О чём задумался, Павел Петрович? — слышался вопрос Берия. Они оба с интересом меня рассматривали.

— О вас, о том, что сегодня случилось. О том, жизнь порой преподносит такие сюрпризы, что хоть стой, хоть падай, — слышался смех Сталина и Берия.

— Поздно метаться, товарищ Титов! Попал ты, как кур в ошип! Доказал ты мне, что работать ты умеешь! Теперь я с тебя не слезу! — вытирая слезу с глаза, сказал Сталин.

Домой я вернулся поздно, Люда не спала, вещи были собраны.

— Люда! Получив приказание, не торопись его исполнять! Может быть, последует команда: "Отставить!". Вот, пришей, пожалуйста, — я вытащил из кармана новые погоны, которые передал мне Сталин. — Всё

отменяется, меня просто перевели на другую работу.

— Ну нельзя же так! Я места себе не находила. Ты что, позвонить не мог? Кушать будешь? У меня всё готово!

— Я ел у Сталина. Но компанию тебе составлю. И выпить хочется. День был очень нервным. Серёжка спит?

— Конечно. Давай тогда на кухне поедим, сил убираться потом просто нет. Я так перенервничала! А мне сейчас этого нельзя, — я посмотрел на неё. — Да-да! У нас будет ещё один ребёнок. Хочу, чтобы это была девочка.

Я притянул Людмилку к себе и поцеловал.

— Пусть будет мальчик! Уж больно много мужиков повыбило!

Люда накрыла ужин, всё-таки, в столовой. Зажгла свечи и погасила верхний свет. Мне налила коньяка, а сама пила сухое вино. На ужин был печёный карп в белом соусе, очень вкусный. Люда очень любила готовить рыбу. Особенно у неё удавалась маринованная корюшка и миноги. Но это Москва, а не Ленинград, достать корюшку здесь невозможно. А миноги продаются, но уже маринованные, и невкусные. Как хочется вернуться домой! В Питер!

— И куда тебя на этот раз посылают?

— В оборонную промышленность.

— Ты же лётчик!

— Как раз по этому направлению, почти. Хотя чуточку шире.

— Ладно, ты у меня умненький, ты справишься.

— Всё равно жалко, что с ребятами пришлось расстаться.

— Что-нибудь придумашь. Без них, конечно, грустно и трудно. А я хочу вернуться в университет. Я уже ходила в МГУ, надо съездить в Питер, и взять справки. Война для нас кончилась. Займись своей любимой физикой.

— Для тебя она кончилась, малыш. А у меня она только начинается. И у нас снова 41 год.

— Что так?

— Долго объяснять. Но, где-то, по большому счёту, это так. Поэтому и принято такое решение.

— Я на фронт ушла с 4 курса, поэтому, мне всего год остался. Беременность мне не мешает. А то я уже от безделья совсем с ума начала сходить. Тебя же, практически не бывает дома. Как раньше хорошо было: отдежуришь на НП и летишь домой. Прижмёшься к тебе, Ёжика подхватишь, все дома! Ну и что, что землянка, бомбят, стреляют. Зато все дома! А тут! Вечная пустота в квартире, поговорить просто не с кем. Люди, видя охрану, шарахаются. Так и хожу одна по садику возле Кремля. Зато

всю физику повторила! — улыбнулась Людмила.

Поспать, естественно, не дали. В 11 появился Львов, которому уже накрутил хвост Берия. Мы поехали с ним осматривать новое помещение, которое нам выделили в академии Можайского. Оттуда поехали в Кубинку. Там на полигоне на складах находились трофеи. В первую очередь я заинтересовался не самолётами, а фаустпатронами и кумулятивными минами. Вернувшись в академию, вызвал Котина и Морозова, Люльку, Сухого, Лавочкина, Швецова, Климова, Ивченко и Янгеля. А сам поехал в Калининград к Туполеву. Туполеовцы "раздевали" В-29, и тщательно измеряли каждую деталь. Андрей Николаевич набросился на меня, как будто я придумал это копирование. Причём, лично Сталин запретил что-либо изменять в конструкции: "Не надо делать лучше, сделайте точно такой же!" Это, естественно, очень ограничивало Туполева. Но, вспоминая как долго у Туполева "болели" машины детскими болезнями, я, мысленно, соглашался с Иосифом Виссарионовичем. Единственное, что хотелось бы изменить, памятуя о судьбе Ту-4, так это дюралюминий, из которого сделана эта машина. Он оказался не стоек к усталостным напряжениям и к погодным условиям. Я обратил внимание Туполева на корпус "Кинг Кобры", и попросил параллельно исследовать и его. Из всех машин, которые я помню, эта "Кобра" служила дольше всех. Туполев недовольно поморщился, но сразу в атаку не бросился, видимо потому, что сам материал я подал ему очень мягко. Просто обратил его внимание на небольшое отложение солей на месте небольшой царапины на лаке руля глубины.

— Хорошо, товарищ маршал, мы уделим этому внимание. Если материал "кобры", по вашим словам, не имеет этого недостатка, и близок по прочностным характеристикам, то можно будет попробовать и его в качестве конструкционного. Я получил распоряжение о том, что вы являетесь куратором этого проекта. Так что, вся ответственность на вас. Есть два узла, назначение и принцип действия которых, нам остался не понятен. Давайте пройдём вон туда, — и он показал мне на небольшой домик за ангарами. Там на столе лежали вычислители Нортена и фон Неймана.

— Это аналоговые вычислители. Этот от бомбового прицела, а этот от бортовой РЛС. Похожими устройствами в Уфе занимался академик Лаврентьев. Три месяца назад мы передавали ему аналогичный прибор.

— Прекрасно, Павел...???

— Петрович.

— Замечательно, Павел Петрович, наконец-то в качестве куратора прислали человека, который хоть в чём-то разбирается! Кроме сроков реализации проекта! — сарказм из АНТ так и лился. — Как оно работает?

— Нортен по засечкам двух точек и данных от радиовысотомера и гирокомпаса вычисляет истинную скорость и направление полёта, а по ним точку сброса. Со вторым мне сталкиваться не приходилось, но принцип действия примерно такой же. Там вычисляются поправки к углу наведения бортового оружия в зависимости от курса и угловой скорости цели, также по двум засечкам локатора.

— То есть, вот это — провод от радиовысотомера, а это от гирокомпаса? Так? Мы не смогли, пока, точно определить: куда идут провода. Они уходят в большой жгут, который мы ещё не разбирали. А как работает высотомер?

— Как радиолокатор, но с неподвижной антенной, направлен только вниз. Высоту вычисляет такой же вычислитель в зависимости от тангажа и крена самолёта.

— Ну, хотя бы понятно, кому отдавать в разработку. Спасибо. А то обычно, от кураторов можно услышать только слово "когда?". Там ещё очень сложная система наведения огневых точек. Разветвлённая сеть с возможность управления как вместе, так и порознь, и через перископы.

— Вот второй вычислитель, он для этой сети.

— Да, их несколько. А вы уже видели эти самолёты?

— Да, в Полтаве, заодно поинтересовался, как они устроены.

В общем, мы расстались с Туполевым уже дружески, он понял, что я буду не только контролировать, но и помогать. А я понял, что к проекту подключены недостаточные силы, что надо расширять количество привлечённых специалистов.

На следующий день приехали "танкисты", которых я встретил с лежащими на столе гранатомётами и минами, разложенными фотографиями танков после детонации боеприпасов.

— Знаем, товарищ маршал, но решения пока нет. Пробуем различные приспособления, но результатов нет. В войсках применяют кроватиные сетки.

— Кумулятивную струю можно разрушить взрывом, — и я набросал на броне Т-34-85 коробочки пассивной защиты. — Вовнутрь закладываем бризантное ВВ. При попадании пуль, осколков, бронебойных снарядов, детонации не происходит, а в случае взрыва кумулятивного снаряда происходит детонация и разрушение струи. Ходовую часть можно

прикрыть всем, чем угодно, лишь бы граната до брони не достала. А против антенных мин поставить лёгкий трал впереди. Действуйте!

Звание "маршала авиации" избавила меня от объяснений: откуда я это знаю.

— Мы делали это. И испытывали, но начальник ГБТАУ, оглушённый взрывом накладки, он, как мы его не уговаривали, забрался в танк и приказал бить по нему, выскочил из танка и заорал, что ни один танкист в этот гроб не сядет. И закрыл всю тему. Мы понимаем, что он боевой генерал, и необыкновенной смелости человек, но он так и не понял, что он живым остался только благодаря этой "коробочки"!

Через неделю, буквально, я увидел идущий на фронт эшелон с танками, на броне которых были коробочки с пассивной защитой. В войсках их прозвали "черепашками". Были люди, которые ни за какие коврижки не соглашались в них садиться. Танковый десант тоже их не любил. Но, башня и борта фаустниками не пробивалась. Хотя случались и тяжёлые случаи. Ранняя серия, при близком взрыве 100 кг бомбы, могла сдетонировать. Хотя, взрыв бомбы на таком расстоянии выводил танк и экипаж, и без детонации. Избавились от этого много позже. Всё равно, количество безвозвратных потерь уменьшилось и значительно.

Авиаторы приехали все и сразу. Восемь человек, которых я приглашал и человек пятнадцать, которые прибыли вместе с ними. Я улыбнулся и пригласил всех пройти в аудиторию с кафедрой. Там и состоялось первое заседание будущего самолётостроительного комитета. Мне представляться надобности не было. Практически всех я знал лично, а остальные товарищи знали или, по меньшей мере, слышали обо мне. Смотрю я на них, а в ушах песенка от "трёх восьмёрок" звучит:

Нам поставлена задача!
Вот бы нам ещё удачи!
Мы торопимся, иначе,
Там погибнет целый взвод!

Запускаюсь без газовки.
Техник, в старенькой спецовке,
Хлопнет борт по законцовке:
Два "грача" идут на взлёт!

А здесь цена не взвод, а вся страна.

— Товарищи, ещё полгода назад, в Баку, после Тегеранской конференции, нам, лётчикам, товарищем Сталиным была поставлена задача: Не допустить, чтобы у нас украли победу. Мы, со своей стороны, сделали всё возможное, чтобы выполнить эту задачу. Поэтому сегодня у нас не совсем обычное совещание. Требуется быть на несколько шагов впереди всей авиации противника и вероятного противника. Поэтому, будем говорить о том, что мешает нам выполнить эту задачу.

Я показал захваченный "Мессершмитт-262", Me-162, чертежи английского "Метеора". И сразу перечеркнул их.

— Они летают, товарищи, но это – тупиковая ветвь развития цивилизации. Многокамерные двигатели и центробежный компрессор слишком сложны в настройках и имеют кучу неприятных особенностей. Среди нас присутствует человек, который, ещё в 40-м году, создал будущую схему реактивной авиации: двухконтурный трд с осевым компрессором. К сожалению, война помешала реализации этих достижений. Слово предоставляется профессору Люлька. Пожалуйста, Архип Михайлович, — я сдернул схемы двигателей "Мессершмитта", и открыл схему ДТРД Люльки. Тот медленно подходил к кафедре, внимательно рассматривая схему.

— Что-то не так, Архип Михайлович?

— Да! Вот это нарисовано не мной. Я этот узел не знаю. Кольцевая камера сгорания с охлаждением топливом? Я правильно понял?

— Конечно. Именно она. Продолжайте. Основное находится в ваших рисунках 40-го года.

Справившись с первоначальным волнением, Люлька уверенно начал докладывать ТДХ двигателя. Через некоторое время он остановился и задал мне вопрос:

— Температура на внешней стенке камеры какая?

— 600–660 градусов.

— Ух! — и он продолжил.

Больше всех вопросов задавал Климов. Его этот вопрос очень заинтересовал. А Швецова больше интересовали сплавы, применяемые для высокотемпературных элементов. После доклада мы перешли в раздел аэродинамики околосвуковых скоростей. Я показал сверхзвуковую трубу Мессершмитта, сказал, что сама труба уже перевозится в Москву, в ЦАГИ из Мюнхена. Заострил внимание товарищей на разработки Лаврентьева по прицелам и вычислителям. На работу ушёл весь день, без остатка. Лишь поздно вечером удалось поговорить с Люлькой, и предоставить ему КБ на

36-м заводе.

— Товарищ маршал, я что-то не понимаю: это было самое узкое место в проекте. Я бился об него лбом три года, если не больше. Кто это сделал?

— Вы.

— Но...

— Вы, Архип Михайлович. И меньше задавайте глупых вопросов, пожалуйста.

Это и вправду сделал он, только у него на это ушло 11 лет, из них пять лет войны. Пусть считает, что это данные разведки. Пока таких двигателей ни у кого нет. Сделает их он. И уже в этом году! Мессершмитта мы почистили в Баварии очень основательно! У нас уже есть металл для кольцевых камер и газовой турбины, вакуумные печи и от союзников, и из Германии. Вся немецкая документация по жаропрочным сталям у нас. Мы, наконец, выровнялись с ними по высотности, скорости пикирования, подтянули навесное оборудование и, вообще, принципиально отличаемся от Советской Авиации образца 44 года. Во многом, благодаря усилиям Новикова, который, наконец, получил инструмент воздействия на промышленников: военную приёмку. Военпредами, обычно, становились бывшие лётчики, после окончания курсов военной приёмки. Они, как никто, были требовательны и безжалостны. Никакие ссылки на смежников, гонящих брак, в расчёт не принимались. Они точно знали, что за их подписью стоит жизнь их товарища по оружию: свежая могилка и нестройный залп из пистолетов. Авиация ошибок не прощает.

Люлька сказал, что на переделку его ТР-1 требуется 2–4 месяца. Климов запросил полгода. Швецов сказал, что очень сильно загружен поршневыми машинами, но создаст отдел по разработке одноконтурного ТРД, который выигрывает по диаметру у двухконтурного. Но сроков реализации не указал. Хитрит. И это хорошо! На самом деле, у него самый мощный завод, и очень неплохие конструкторы. Просто решил поставить на копирование ЮМО. Его я нагрузил М-82в с принудительным охлаждением. Сухой занялся продувками стреловидных крыльев в ЦАГИ, Ивченко в Уфе взял на себя свободные и связанные редукторы. В общем, идея создать общий мозговой центр оказалась востребованной. Каждый из них понимал, и я, тоже, стремился донести до них то, что всё, что они делали до сих пор уже история, мы на пороге новой революции в авиации.

Однако, через день у меня в кабинете оказался Артём Микоян, который узнал о нашем "сборище", и решил поинтересоваться, почему его на него не позвали.

— Артём Иванович, а пока нечего делать! Никаких Государственных заказов я не распределял. Пока работа идёт на перспективу.

— Как так? Я же получил Государственный заказ на МиГ-9 с двигателем BMW! И Яковлев – тоже!

— А мы не работаем с этими двигателями, Артём Иванович. Поэтому вас и не пригласили. Вполне вероятно, что с ЮМО и BMW вы сделаете самолёт, и даже быстрее, чем мы создадим двигатели. Государственное задание на МиГ-9 никто не отменял!

— Но там же были представители ОКБ Сухого, Лавочкина и Поликарпова! Почему их пригласили, а нас нет?

— Сухой получил задание на работу в ЦАГИ, ОКБ Лавочкина и Поликарпова получили задание на разработку не авиационной техники.

— А какой?

— Вы задаёте нескромные вопросы, Артём Иванович. Другая техника.

— Но нас уведомили, что вы являетесь куратором и наших работ! Как же так, Павел Петрович?

— Да успокойтесь вы, Артём Иванович. Совершенно разные направления, и существует старинный принцип не складывать все яйца в одно корзину. К вам я обязательно загляну в ближайшее время. Но не сегодня и не завтра, и даже не в течение ближайшего месяца. С постройкой самолёта из готовых деталей вы справитесь и без меня. Опыт у вас есть. Будет готово – докладывайте! Пока у меня времени нет. Я же только назначен на эту должность, и у меня свой график работы.

В этот момент вошёл Львов и доложил, что прибыли Лавочкин и Янгель, машины у подъезда. Я извинился перед Микояном и вышел из кабинета. Следом вышли Львов и недоумевающий Микоян. В машине Янгель и Лавочкин передали мне свои соображения по крылатой ракете с воздушно-реактивным двигателем и баллистической ракете на основе монотопливного бутылкаучука. Предложения Лавочкина мне не сильно понравились. Он ещё весь в самолётах, практически, это совсем не то, что требуется. А Янгель, этот далеко пойдёт! Мы подъехали к ангару в Кубинке, минут 5 ждали разводящего, затем нам открыли ангар и заперли нас в нём.

— Вот, смотрите: ФАУ-1 и ФАУ-2. Конструкции Вернера фон Брауна. Сам конструктор или погиб, или где-то в Германии. Пока он нами не обнаружен. Ведём его поиск. Им сильно интересуются и союзники. Конструктор двигателей погиб в этом году во время английской бомбардировки острова Пенемюнде. Эти ракеты нами найдены на подземном заводе в Альпах.

— Я же предложил такую же схему, Павел Петрович! И даже двигатель такой же!

— Вот это и плохо, Семён Алексеевич! Смотрите сами: дальность маленькая, скорость маленькая, грузоподъёмность просто никакая. А будущий наш противник находится за океаном.

Мы присели возле крыла ФАУ-1, и я набросал ему примерную схему будущей "Бури".

— Вот такой вот конгломерат: это – ускорители, на ЖРД. Это – маршевый двигатель, прямоточный, не пульсирующий, как здесь, а прямоточный. Дальность – 8000 минимум! Грузоподъёмность – до трех, может быть, до 4 тонн.

Лавочкин задумчиво смотрел на рисунок.

— Без работ Сухого, это всё работать не будет, вы же понимаете! И двигателя такого нет.

— Да, товарищ генерал. Это всё надо делать. Ну что? Возьмётесь? По схеме управления есть разработки у Расплетина. У немца можно посмотреть...

— Берусь, товарищ маршал. Берусь!!!

— Вот и отлично, — мы встали и пошли к лежащей ФАУ-2.

— Вот смотрите: жидкостно-реактивная ракета. Топливо: этанол и жидкий кислород. Довольно хороший двигатель, но, время подготовки к старту – огромное, и, в снаряжённом состоянии не хранится. Её можно скопировать, но боевая ценность этой штучки – ничтожна. Требуется, чтобы ракета стояла на постоянном дежурстве ГОДАМИ. Выход один: монотопливо или высококипящие окислители. Хранить жидкий кислород не возможно. Хотя – это лучший из окислителей. Так что, выручай, Михал Кузьмич! Долг платежом красен. В том, что у вас всё получится, я нисколько не сомневаюсь. Вас обоих отобрали как лучших, из всех.

— Однако задачи ты ставишь, Петрович! Это ж не По-3. В Новосибирске мы такое не потянем. В Москву надо возвращаться.

— Согласен. Перебирайтесь, оба. На старое место, вопрос согласован. По срокам, пока, спешки нет, но, поспешайте, не спеша.

Не успел толком познакомиться со всеми делами, как пришлось лететь на юг Германии, где начиналось, видимо, последнее наступление Красной Армии: по нашим оценкам Гитлер мог собрать максимум полтора миллиона солдат и офицеров. Остальные либо погибли, либо находились в плену. Армия Гитлера съёжилась, потеряв большую часть своей техники. С востока её обороняли 5-й горный корпус СС, 32-я гренадерская дивизия

СС, 11-й армейский корпус СС, 25-я танково-гренадерская дивизия, 712-я пехотная дивизия, 101-й армейский корпус в составе двух пехотных дивизий пехотная дивизия "Берлин" и пехотная дивизия "Дёберниц".

С запада 12-я армия генерала Венка, состоящая из пяти пехотных дивизий, с юга – две армии: 11 армия Грассера и 8-я армия Крезинга, основательно потрепанная в боях в Румынии и Венгрии. Ему, правда, перебросили последний резерв Гитлера: 4 танковый корпус генерала Клемана, состоящий из одной танковой дивизии СС и трех народно-гренадёрских дивизий фольксштурма. Эти силы противостояли нашим 10 фронтам, общей численностью почти 6 миллионов человек. И с юга не было ни одного естественного рубежа обороны. 16 сентября ударили все фронты. Сорок суток громыхало сражение.

Англичане и американцы, высадившиеся в июле 44 на южном побережье Франции, никак не могли преодолеть горные районы юга Франции. Только после нашего удара, они, двинулись вперёд, проходя в день 20–30 км. Войска двух наших Украинских фронтов, прорвали оборону немцев и двинулись на Дортмунд, Прибалтийские фронты обошли Берлин с севера и ворвались в Данию. 30 сентября в Ставке Гитлера произошёл взрыв, Гитлер был убит. Но, генерал Роммель, объявивший себя новым фюрером Германии, продержался у власти менее трех суток. Он был арестован в Париже рейхсфюрером Гиммлером, и казнён по приговору трибунала. 25 октября во Франции была подписана предварительная капитуляция Германии перед американцами и англичанами, но бои в Германии продолжались, несмотря на то, что дисциплину в немецких войсках удавалось поддерживать только массовыми судами и расстрелами.

Сталин развернул наши Украинские фронты и усилил их Резервным фронтом. Мы вошли во Францию и Бельгию. И двинулись навстречу армиям союзников. После этого союзники официально объявили о том, что Германия обязана капитулировать перед СССР, иначе они продолжат наступление и уничтожение немецкой армии. Гиммлер сложил с себя полномочия главы Германии и передал власть Деницу. В этот момент Прибалтийские фронты были в 15 км от Гамбурга. 1 ноября, Дениц отдал приказ о капитуляции и прекращении огня. 2 ноября, в Берлине, была подписана капитуляция Германии. 3 ноября Совинформбюро объявило о Победе над Германией. 7 ноября Финляндия объявила о своей капитуляции, сделав своеобразный подарок ко дню Великой Октябрьской Революции.

Назначенная на 25 ноября встреча в верхах была перенесена из Крыма в Берлин на 26 ноября, где и состоялось главное сражение II мировой войны.

Жуков и я летели в Москву из-под Парижа, я хотел лететь на истребителе, но Георгий Константинович меня перехватил. У него очень комфортабельный штабной "дуглас", и ему очень хотелось им похвастаться. Нас двоих, в виде "пугал", держали на южном фланге, явно специально для союзников, дабы не дёргались. Причём, "Правда" опубликовала наши фотографии на фоне Ульма, ведь силуэт Ульмского собора Святого Георга ни с чем не перепутать, всё-таки, самая длинная лестница в мире, поместила ещё 18 сентября, с надписью: маршалы Жуков и Титов уточняют дислокацию войск на одном из фронтов. Жуков был расстроен: Берлин взяли войска Конева, а нас держали в стороне. То, что он побывал с войсками в Париже, им не котирировалось. Целью войны для него был Берлин. Воздушно-десантные войска десантировались в Норвегии и заняли её. Причём, произошёл очень пикантный случай: ветер занёс десантников 8 воздушно-десантного корпуса на территорию Швеции, где их попытались интернировать. "Передайте Коллонтай, пусть передаст шведам, что если с головы хоть одного десантника упадёт хоть один волос, пусть прощаются со Швецией!" — сказал Сталин. "Товарищ Сталин, но два десантника сломали ноги!" "Пусть шведы и лечат! Это мы им простим!"

Адъютант Жукова сервировал стол, чего там только не было! Явно из лучших парижских ресторанов. Что-что, а комфорт и вкусно покушать маршал любил! Жуков налил в громадные рюмки огромное количество "Наполеона".

— Вздвогнем, Петровиц! За Победу! — выпив до дна, он потянулся за бутербродами с гусиной печёнью и трюфелями. — А чё там у тебя было в начале июня? Что-то слухи ходили, что тебя в отставку выпроводили. Я тогда в Польше был, Варшаву брали.

— Нет, спектакль разыгрывали, правда, не предупредив меня об этом.

— Зачем?

— Какая-то операция НКВД.

— Не понял? В Ставке? — я показал ему на уши. — Да тут все... — Он помахал рукой, поняв, что этот разговор закончен. — Дома расскажешь. Что ещё нового в столице?

— Да я уже сорок пять дней дома не был! А так, мотался по всему Союзу. Получил новое назначение, знакомился с делами. Вообще думал, что на фронт больше не пустят. Но, отпустили, только летать запретили.

— Совсем?

— Нет, на боевые запретили. Ни одного вылета не сделал.

— Оно, может быть, и правильно, Петровиц! Не дело маршалу в атаку

ходить. Помнишь, чем для Ворошилова это кончилось? Так и командовал потом партизанами. Эх, в отпуск хочется!

— Зима же на носу!

— А, чтоб ты понимал! С ружьишком, да на гусей! С утречка, по морозцу. Пять лет на охоте не был! Устал, слов нет! Но, скорее всего, отдохнуть нам так и не дадут. Не зря же нас опять срочно вызвали. Вроде и война кончилась, а всё срочно и срочно. А ты что не ешь? И не пьёшь? Давай! Такую зверюгу завалили!

Я приподнял бокал, и мы чокнулись. Я смотрел на него, маршала Советского Союза, оставшегося в душе лихим кавалеристом, бабником, и любителем "красиво пожить". Он ещё не понимал, что дальнейшая наша судьба зависит от итогов скорой встречи в Берлине. Что война ещё вовсе не закончена, она только начинается. Мне, как и ему, тоже хотелось в отпуск, понежиться на ласковом солнышке у тёплого моря. А приходилось в уме подсчитывать количество По-3к и "кобр", единственных самолётов, которые мы могли выставить против 8-й армии США. Ведь нет никаких "Лондонских соглашений", мы оккупировали практически всю Европу, и неизвестно, чем закончится эта встреча. Флот Германии, в основном, ушёл к союзникам. Те, кого мы потопить не успели. Кроме того, у нас было около 1000 Ме-262, для которых у Германии не было топлива, и они стояли на складах, и три завода, которые могли их выпускать. Но, ни одного лётчика, которые бы умели на них летать, кроме трех испытателей НИИ ВВС. И, надо срочно переделывать плоскости у него, для того, чтобы он мог нормально летать.

— Ты о чём задумался, Петрович? Почему не радуешься?

— Сейчас в Ставку прилетим, узнаешь!

— Так ты, всё-таки, что-то знаешь! Ну-ка, отошли все от нас! Давай, выкладывай!

— Могут быть очень серьёзные тёрки с союзниками. Мы хапнули много больше, чем они рассчитывали. Они думали, что Гитлер продержится гораздо дольше, потом они его свалят, поставят вместо него Роммеля, и продолжат эту войну с ними против нас.

— Ты шутишь? Они же наши союзники!

— Были, пока был Гитлер. Сейчас — не знаю. Пока, мы с вами их сдерживали на юге. Поэтому у нас с вами и было столько войск. И сейчас ставка перебрасывает нам подкрепления.

Жуков потянулся за "Наполеоном", плеснул немного в рюмку, выпил, провёл рукой по верхней губе.

— Им не удержаться на том клочке, который они держат сейчас.

— Меня больше беспокоит их авиация, чем наземные войска. Надо срочно переучивать лётчиков с "Яков" на трофейные "мессершмитты".

— А я думал, что то, что Гитлера грохнули, это местная возня немцев.

— Скорее всего, англичане, но и американцы, тоже, поучаствовали.

После этого Жуков отставил бутылку с коньяком и больше к нему не прикасался. Впереди был серьезный разговор с Верховным. Он замолчал и насупился. Давненько я его таким не видел.

Экипаж сообщил, что через 20 минут мы сядем на Центральном. Жуков очнулся от своих мыслей.

— Тебя кто-нибудь встречает?

— Наверное.

— Вместе поедem.

Сразу после посадки, мы пересели в "Хорьх" Жукова, который он держал в Москве.

— Что думаешь, Петрович? Удержим?

— Хрен его знает. Серединка на половинку. Но шансы есть.

Он связался с Верховным, нам было приказано ехать в Ставку. Сталин был на месте и ждал нас. Жуков начал докладывать, но Сталин оборвал его, причём излишне резко.

— Помолчи. Без тебя знаю. Товарищ Титов! Мне нужна ваша оценка ситуации.

— Здравия желаю, товарищ Верховный! (Сталин только мне позволял к нему так обращаться.) На территории Голландии нами создано соединение в полторы тысячи истребителей По-3к, "Аэрокобр" Р-39 и "Кингкобр" Р-63. Радиолокаторы развёрнуты, всё на "товсь", но сил явно недостаточно. Требуется срочно в течении двух недель подготовить примерно 1000 лётчиков для полётов на Ме-262, и, столько же, механиков. Мною задействовано около 320 механиков "мессершмиттов". Пилотов, согласно вашему приказанию, я не задействовал. Хотя, в этих условиях, я считаю это необходимым. Мотивировка для пилотов: "Если мы это не сделаем, погибнет несколько миллионов ваших женщин и детей!"

Сталин нервно заходил по кабинету.

— А может быть, стоит просто отдать то, что они будут просить?

— Это, конечно, проще. На два-три года мы "закроем" проблему, товарищ Сталин. Затем всё опять повторится. Но, они будут больше готовы к жёсткому ответу. Я познакомился с проектом "РДС". Мы отстаём на 8-12 месяцев. Но, товарищ Сталин, после окончания войны, неминуем спад экономики США: оборонный заказ огромен, а столько сил и средств не требуется, следовательно, форс-мажор, и все контракты побоку! Это не

может не повлиять на экономику немобилизационного типа. Денег на создание массового оружия массового поражения просто не будет. В случае войны, мы блокируем оплату ленд-лиза, немцы, которые под нами, тоже не платят. А у Черчилля за душой ничего нет. Все приплыли! Суши вёсла!

— Товарищ Титов! Вы понимаете, что последует атака, всеми силами и средствами.

— Понимаю, товарищ Верховный. Её нужно сдержать. Кое-что, я для этого уже предпринял. Остальное будем применять по ходу событий.

— Доложите о предпринятых мерах!

— РС-82 уже полтора месяца оснащаются новыми стабилизаторами, налажен выпуск контейнеров для них: каждый По-3 будет снабжен 48 ракетами. Рассматривается вопрос об использовании немецких ракет R-4m нашими самолётами и оснащению их нашими неконтактными взрывателями. Все самолёты этой группировки оснащены новыми прицелами, позволяющими стрелять по цели с любого ракурса, используя вычислитель. Американцы используют подобные прицелы, но они настроены на стрельбу: сзади Ё, только. Немцы не догадывались об этой особенности американских самолётов, поэтому, после уклонения они "мустанги" не преследовали, а продолжали идти к бомбардировщикам. "Мустанг" выписывал букву "S" и оказывался сзади-ниже на Ё от "фоккера", и атаковал его с дальней дистанции, используя преимущества своего прицела и находясь на безопасном расстоянии от противника. Этот метод хорош, если у противника небольшое количество самолётов. Мною подготовлены и разосланы в войска тактические приёмы борьбы американским воздушным соединением. Вторая часть этих предложений, предусматривает перехват целей как можно раньше, так как носимый запас топлива у "мустанга" составляет треть от полного, остальное находится в ПТБ. Сброс ПТБ производится при помощи пиропатронов. Отсюда возникает и наша тактика "двух волн": первоначально мы атакуем, в основном, истребители противника и самолёты, имеющие локаторы, а затем уничтожаем их бомбардировщики, оставшиеся без прикрытия. Ещё одним уязвимым местом, является невысокая скорость у земли истребителей сопровождения. Ну, и по-прежнему, основной задачей будет уничтожение самолётов противника на земле, на взлёте и на посадке. Проведённые учения показали, что при доведении группировки до 3500 самолётов, эта задача нам по силам. Отдельно отрабатывалось взаимодействие с АДД, вскрытие ПВО противника, противодействие ночным истребителям противника. Процентом на 60, мы готовы. У нас есть две недели до встречи в Берлине, сама встреча. Конечно, хотелось бы

надеяться, что наши приготовления останутся только приготовлениями.

— Какие сложности могут возникнуть при обучении наших лётчиков полётам на "Мессершмитте"?

— Срыв потока при скоростях свыше 900 км/час. Самый простой способ избавиться от этого: установить на крыло гребни. А в хвостовой части расположить воздушные тормоза. Но второе предложение сейчас осуществить нереально. Оно больше рассчитано на будущие машины.

— Насколько реально предложение продолжить выпуск Me-262?

— На 100 %. Мессершмитт, Франц и Мадер дали своё согласие. Рабочих и инженеров интересует только питание, задел для выпуска машин довольно большой. Их очень сильно беспокоили бомбардировки, так как приходились они не на сами заводы, а по жилым зданиям в городах. САО "Авиационные заводы Баварии" уже создано, капитал 600 миллионов рейхсмарок. Руководит им Гудков. Подтягиваем смежников. Достаточно хорошо всё организовано. Немцы сопротивления не оказывают. Единственное что, часть рабочих пришлось отпустить, так как они были пленными или насильственно вывезенными. Но, часть рабочих из Франции, Чехии и Венгрии остались.

— В общем, продолжайте работать в этом направлении, сделайте всё возможное, для того, чтобы довести нашу готовность до необходимого уровня, товарищ Титов. И вы понадобится мне в Берлине. А сейчас, отдыхайте. Жду вас завтра к 22 часам.

— Разрешите идти?

— Идите, спасибо за работу.

На следующее утро дали команду приступить к тренировкам на Me-262, направляя туда полки, ранее летавшие на "Яках". Мессершмитт дал согласие на установку гребней на верхней части плоскостей, а первую же машину опробовал его шеф-пилот Линднер. В этот день был впервые в истории пройден звуковой барьер. Тем не менее, по возвращению из полёта, Линднер сказал, что вернуться удалось только чудом. Окончательное решение проблемы "тяжелого носа" было ещё впереди. Но машина шла гораздо увереннее, чем раньше. Я не стал вмешиваться в их работу, хотя находился на аэродроме. Скорость в 900 км/час нас устраивала, поэтому, порекомендовав Мессершмитту сделать воздушные тормоза, я улетел в Париж. 6 воздушных армий, предназначенных для решения "американской проблемы", разворачивались от Бреста до Олесуна в Норвегии. Время нас постоянно поджимало. Но, в инженерном отношении, всё было готово ещё до нас: Геринг постарался. Но требовалось всё

проверить, всё замаскировать. В первой волне — только наши самолёты, Мессершмитты, по готовности лётчиков, займут второй эшелон. Американцы и англичане пытались вести воздушную разведку, но пока всё решалось простыми звонками в Лондон и Лион. На севере Италии было относительно тихо, там линия соприкосновения существует уже давно, и общий язык с "союзниками" найден. Две недели промелькнули, как один день. Ночью 26 ноября я сел в Темпельхофе, и прибыл в Потсдам к Сталину. Доложил о проведённой работе, хотя мы созванивались каждый день. На совещании присутствовала вся ставка. Общие контуры вероятной операции уже были ясны. Точнее всех высказался Жуков:

— Если авиаторы удержат небо, то операция "Оверлорд" будет невозможна. А Монтгомери и Эйзенхауэр будут утоплены в Средиземном море.

Сталин был спокоен. Выслушивал доклады, вёл себя как обычно и очень уверенно. Закончили, как обычно, в четыре по Москве. В двенадцать меня разбудили, где-то в 16 часов подъехал Черчилль и уединился со Сталиным. Затем появился Рузвельт и его команда. Из кабинета вышел Черчилль, подошёл к Рузвельту и что-то на ухо сказал ему. Рузвельт удивлённо вскинул лицо, Черчилль в ответ кивнул. Рузвельт поехал на коляске в кабинет, где находился Сталин. Англичане вышли из комнаты, видимо, посоветоваться без нас и американцев. Прошло ещё около часа. Вышли Сталин и его переводчик, выехала коляска Рузвельта. Всех пригласили в большой зал дворца. Напряжённость просто витала в воздухе. Последними заняли свои места англичане. И Черчилль сразу ринулся в бой.

— Господин Сталин, на каком основании вы отказываете нам в контроле над Германией?

— На том основании, что фашистская Германия разгромлена и оккупирована Советской Армией, господин Премьер. Когда в прошлом году вставал вопрос об открытии второго фронта в Нормандии, именно вы сказали, что все операции против Гитлера англо-американские войска будут проводить в районе Средиземного моря. Где их успешно и проводили. Вы разбили Италию, вынудили её выйти из войны, захватили часть Апеннинского полуострова. Высадились в Южной Франции, увязли в боях, и сейчас контролируете примерно треть Франции. Больше вы ничего в этой войне сделать не смогли.

— Но, мы же помогали вам вооружением, боеприпасами, продовольствием.

— Да, на условиях ленд-лиза, вы, в основном американцы, дали нам в аренду вооружения. Но, Германию разгромила именно Советская Армия и

наш советский народ.

Начавшийся довольно бурный спор трех руководителей союзников длился около получаса. Закончился он тем, что Сталин спросил у Рузвельта и Черчилля:

— Вам что-нибудь говорит вот такой адрес: Sentier des Rives du Lac. Милый такой особнячок на берегу Женевского озера?

В зале наступила гробовая тишина.

— Истопником там работал некий Шарль Коне. Вот что он привез! — и Сталин достал из-под стола немецкий диктофон. И нажал на кнопку.

— Это говорит полковник Донован, руководитель американской военной разведки, — послышался другой голос. — А это фельдмаршал Кессельринг. И он там не один! Там ещё и второй фельдмаршал: Роммель, за которым вы гонялись всю войну в Африке. Да и это ещё не всё! Чей это голос? Руководитель МИ-6 Мензис! И Аллен Даллес, который и обеспечивал эту встречу. И о чём же договариваются эти господа, в то время, как Советская Армия берёт Варшаву? О том, что они убьют Гитлера, и, объединёнными усилиями, разгромят русских! И после этого, господа, вы просите себе оккупационные зоны? Вопрос о зонах оккупации снят с повестки дня. Есть более насущные проблемы: в первую очередь, это восстановление экономики Германии, потому, что все мы теперь ответственны перед немецким народом, который не виноват в том, что некоторые западные круги активно снабжали партию Гитлера деньгами, разрешили ему вооружиться, и так далее.

Черчилль встал и вышел из зала. За ним потянулась на выход вся его делегация. Рузвельт с минуту думал, потом поднял палец правой руки и повернулся в сторону адъютантов или помощников. В этот момент раздался голос Сталина, когда он злитесь акцент, становится преобладающим:

— Гаспадын Прэзыдэнт! Пака в этой вайне два проигравших: Великобритания, которую разграмили Ви, и Германия, которую аккупировали ми. "Горе проигравшим!" Не спешите принимать решение. Мы – готовы! — закончил он уже совсем успокоясь.

Рузвельт внимательно посмотрел на Сталина.

— Я, по-прежнему, считаю, что произошло недоразумение, господин Сталин. Не спорю, очень тяжелое недоразумение. Виновные будут наказаны. А с господином Черчиллем я поговорю. Всего хорошего, господа!

Мы были на "товсь" трое суток. Делегации Англии и США улетели в Лондон. Никаких известий не было. Радиоразведка донесла об активности

американских самолётных радиостанций в шесть утра 30 ноября 1944 года. Они начали подготовку к взлёту. Шесть полков ночных истребителей-бомбардировщиков на минимальной высоте рванулись к "острову". Из воспоминаний американского летчика лейтенанта Джабарры:

Утром 30 ноября нам зачитали приказ о начале воздушной войны против СССР. Я считался опытным пилотом, уже третий срок я воевал против "джерри", у меня 76 боевых вылетов на сопровождение наших бомбардировщиков. Немцы считались очень опасными противниками, но, за всё время войны я ни разу не был сбит. У нас прекрасные самолёты, лучшие в мире "Мустанги". Я прекрасно стрелял, тем более, что надо просто "обжать" цель, ввести цифры размаха крыльев самолёта противника, и дожидаться, когда заморгает кольцо прицела! Я умел делать это быстро. В сказки про лётчиков, которые сбили по 100 и более самолётов я просто не верил. Тактика немцев показала, что, в первую очередь их целью являются бомбардировщики, а к истребителям сопровождения они относятся безразлично. За сбитый бомбардировщик им гораздо больше платят. Мы стали готовить наши самолёты. Немного угнетало то обстоятельство, что опять приходилось воевать, ведь только кончилась война, и мы все мечтали вернуться домой, и немного оттянуться на полученные деньги.

В то утро было всё не так, как обычно. Пока мы прогревали моторы и ждали рассвета, над аэродромом пронеслись восемь незнакомых истребителей. Раздались хлопки, воздушной тревоги никто не объявил. С неба посыпались вращающиеся, как пёрышко клёна, небольшие предметы, которые не взорвались, а густо усеяли площадку. Незнакомые самолёты, не набирая высоту, ушли на восток. Кто-то из техников подошёл к упавшему предмету. И тут раздался взрыв! Восемь самолётов получили повреждения, три из них загорелись. Я выскочил из повреждённой машины. Меня отбросило взрывной волной ещё одного взрыва. Я пополз в сторону от разгорающейся машины. Ужасно захотелось жить, но какое-то шестое чувство запрещало мне вскочить и побежать, так как время от времени гремели взрывы под ногами разбегающихся лётчиков и техников. Аэродром оказался полностью парализованным. Оставшихся в живых лётчиков грузили в машины и везли на соседний

аэродром, не подвергшийся налёту. Чёрт возьми! У англичан была великолепно настроенная система ПВО, но на этот раз у них что-то не сработало! Над нами на довольно большой скорости пролетело какое-то устройство и взорвалось точно в середине стационарной антенны английской РЛС, прикрывавшей наш район. Спустя несколько минут, показались опять такие же тёмно-синие истребители с бомбами под крыльями. Они накрыли тот аэродром, на который мы ехали. Водитель не выдержал и остановился. Этот дурак не выключил фары, поэтому через несколько мгновений я увидел три пульсирующих огонька в воздухе и почувствовал, как в моё тело ворвался металл. Очнулся я уже в госпитале.

С грехом пополам к 10 утра американцы взлетели с 14-ти аэродромов, которые мы накрыть не успели. В момент набора высоты, к ним подошли дневные По-3к и устроили карусель с "мустангами", на набирающих высоту бомбёров они внимания не обращали. Но, стоило "мустангам" отстрелить баки, как По-3 разворачивались, и на пикировании уходили вниз на восток. В итоге, пролив пересекло 400 бомбардировщиков из тысячи и 36 "мустангов". В этот момент их атаковало более 800 "кобр" и опять По-3к. Несколько "пошек" занялись "мустангами", а остальные расстреливали В-29 и В-17. С дальних дистанций, не входя в зону действия оружия противника. Эфир наполнился криками о помощи, руганью, стонами и воплями. Это было избиение младенцев. Но, каждый "младенец" нес 8 тонн бомб. А всё соединение – целую "Хиросиму". Может быть, кому-то из них и удалось сесть на острове, но, 8 воздушной армии США больше не существовало.

На второй день после начала, сижу на КП 3 армии. Входит Львов:

— Пал Петрович! Тут к вам немец просится. В гражданке, но говорит, что лётчик. Обыскали, ничего нет. Пустой.

— Ну, пусть войдёт.

— Господин маршал! Oberst Навотны! Командир 101 истребительной дивизии люфтваффе. Может быть, вы меня знаете по 54 дивизии. Я вас знаю по Ленинградскому фронту. Ваш борт: ЛаГГ-3 с номером "04". Позывной: "Четвёртый". А у меня на фюзеляже всегда был "Маттехорн", горный пик.

— Здравствуйте, генерал. "Мессер" с такими опознавательными помню по ноябрю 41 года.

— Да, вы меня тогда сбили, меня выловили из воды у Петергофа.

Второй раз в Сталинграде, третий раз на Кубани. Больше "ноль четвёртый" мне не попадался. К счастью.

— Больше похоже, что вы ему больше не попадались, господин Навотны.

— Не спорю. Я с середины сорок третьего года работал испытателем у Мессершмитта. Вильхельм сообщил мне, что вы ищете лётчиков Me-262, готовых сражаться за новую Германию. Последнее время я уклонялся от службы в люфтваффе. Не по политическим мотивам, вовсе нет, по личным. Некоторые личности, из ближайшего окружения Геринга, мне были неприятны. Моя семья погибла в Гамбурге под американскими бомбёжками. Если вы, маршал, доверите мне "мессершмитт", я не подведу. И поверьте, это совершенно искренне: у меня есть "шторьх", и живу я в 56 километрах от швейцарской границы. Но я хочу драться.

— Причина уважительная. За день до того, как я вас сбил под Ленинградом, у моей жены умерли от голода родители. Там, в Ленинграде. Если готовы служить, то возвращайтесь в Мюнхен. Там переучиваются наши лётчики, будете помогать осваивать новую технику. Через Мессершмитта найдёте генерала Дзусова и передадите вот эту записку, Маттехорн.

— Яволь, Четвёртый!

Второго декабря стало ясно, что войска Жукова, Конева и Рокоссовского, как консервным ножом вскрыли фронт англо-американских войск во Франции в трёх местах. "При 200 стволах на километр о противнике не спрашивают..." А наши поставили 400 стволов на километр! Тяжёлые ИС-2 и ИС-3 распороли жиденькую противотанковую оборону противника, в прорыв вошли четыре танковые армии. С такой тактикой "союзнички" ещё не сталкивались. Вершинин, Судец и Папивин плотно прижали к земле авиацию противника и уверенно обрабатывали их аэродромы. Похоже, что у них не было фронтовой ПВО, как класса. Вояки! "Последователи генерала Дуэ"! Теперь, с грязными штанишками, они улепётывали по направлению к Ницце и Марселю. За воздух надо зубами держаться! СтратеРги, хреновы! Сталин был в Москве и руководил оттуда. Четвёртого декабря Гарриман сообщил Сталину, что Черчилль, который спровоцировал побоище между союзниками (как же! Так мы и поверили!), отправлен в отставку. Президент Рузвельт вышел из больницы и, как Верховный Главнокомандующий, отдал приказ о прекращении огня, и приказ на эвакуацию американских войск из Европы. Командующий 8-й воздушной армии США отдан под суд военного трибунала за приказ о нападении на войска СССР, согласованный только с британской стороной и

некоторыми военачальниками США, но, не согласовав это с Президентом, который находился в госпитале на лечении. В общем, отмазка на отмазке сидит, и отмазкой погоняет! Пытаются доказать нам, что это просто недоразумение, типа июньского инцидента в Югославии. Новый Премьер-министр Великобритании, также приносит свои извинения за инцидент, спровоцированный консерваторами, и сообщает о приказе прекратить огонь, и начать эвакуацию в Египет и Ливию. Второй раз принимаю участие в "пятидневной войне"!

Подвижность наших войск была в два-три раза выше, чем войск Англии и США, мы вошли в Марсель и Тулон много раньше, чем оттуда смогли эвакуироваться "союзнички". В истории этот поход назвали "Освобождением Франции". На всех заборах Тулона эвакуирующие войска проводжали надписи: "Господа империалисты! Учитесь военному делу настоящим образом! Придём, проверим!" Это был настоящий праздник, хотя я понимал, что впереди очень много трудных лет. Возвращаясь домой, я откровенно радовался, и мы нахрюкались с Жуковым в самолёте. Не до поросычьего визга, но крепенько.

— Странный ты, Петрович! Гитлера разбили, ты так не радовался. А тут из-за маленькой короткой операции столько радости.

— Не объяснить это, Георгий Константинович. Понимаете, это совершенно разные войны: совершенно разный противник и совершенно разная тактика. Да и стратегия. Про то, что мы сильнее Гитлера и обязательно его разгромим, было ясно с самого начала. Просто учились воевать, осваивали неизвестную нам тактику. Здесь против нас были две мощнейшие по экономике и технологии нации, с практически неисчерпаемыми возможностями. С совершенно другой психологией ведения войны. С упором именно на удобство её ведения. И тем не менее, нашли мы ключик, как это сделать. И с минимальными потерями. Вот теперь можно и в отпуск!

— Дома уже снег лежит!

— Так ведь можно и в Ниццу слетать отдохнуть, Георгий Константинович. Или в Черногорию. Или в Инсбрук, на лыжах покататься, — меня и вправду тянуло посмотреть хорошо знакомые, по другой истории, места.

— Разошёлся ты не на шутку, Петрович! Так смачно рассказываешь об отпуске! Значит, и, вправду, война кончилась!

Удивил Сталин. Он встретил нас на аэродроме, чего за ним никогда не водилось. Единственный раз, когда он приезжал на вокзал кого-то

встречать-проводить, был премьер-министр Японии, когда подписали договор о нейтралитете. А здесь мы выпрыгиваем из Си-47, он же с хвостовым колесом, палуба наклонная, трапик короткий и неудобный. Я спрыгнул первым, поймал Жукова, хохочем, так как приложились мы к французскому коньячку крепенько. Жуков уважал большие рюмки и большое количество. Нас не вызывали, мы просто летели домой. Георгий Константинович тоже в лётной английской куртке, как и я. Отсмеялись, поворачиваемся: Сталин! Чёрт, как неудобно! Жуков доложил. Стоим, уши красные. Думаем, что сейчас устроит нам "разбор полётов".

— Хороши! Нечего сказать! Ну-ка! В машину! — На поле стоял не только "паккард" Сталина, но и ещё две кремлёвские машины. В машине я сунул Жукову таблетки из НЗ со стимулятором.

— Влипли! — сказал Жуков. — Куда нас везут?

— Лубянка в другой стороне, — пошутил я.

— Типун тебе на язык! — ответил Жуков, и проглотил стимулятор.

Нас привезли на ближнюю дачу и усадили за стол. Было довольно много народа. Было очень шумно, но после стимулятора алкоголь нас не брал. Мы сидели трезвые, как стёклышко, и отвечали на многочисленные вопросы. Один из них задал Сталин:

— Товарищ Титов! В операции "Остров" вами было задействовано 1236 истребителей, а вы просили развернуть 3500. Почему?

— Не было уверенности в том, что удастся с ходу прорвать ПВО противника. Кто-то из лётчиков мог ошибиться. В этом случае пришлось бы действовать так тогда, под Курском.

Сталин встал из-за стола, поднял бутылку вина и постучал по ней вилкой, прося тишины:

— Товарищи! Прошу тишины! — все, даже хорошо поднабравшийся Каганович, успокоились и сделали серьёзные лица. Большинству это уже не удавалось, но все крепнулись.

— Мы – победили! Я не знаю, как это нам удалось, но мы – победили. Можно много говорить о причинах и следствиях: и наших поражений в начале войны, и наших побед. Всё удалось благодаря силе и мужеству нашего народа. В первую очередь, русского народа, который на своих плечах вынес нашу страну из небытия. Из глубочайшего поражения 41 года. И этот народ не потребовал от нас сменить правительство, а сплотился и выдвинул из своих рядов таких бойцов, как Титов, Покрышкин, Жуков и огромное количество других героев. Вот тут сидит уже маршал авиации Титов. А вы знаете, что в сорок первом он был лейтенантом???!!! Обыкновенным лейтенантом. Ты не любишь ордена, и

открыто отказывался от них с сорок третьего года, чтоб воевать не мешали. Михал Иванович! Читай!

Я встал, а Калинин прочитал Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении меня орденом "Победы".

— Это четвертый орден, товарищ "Четвёртый", — сказал Сталин после того, как Калинин закончил читать Указ.

— Служу Советскому Союзу, товарищ Верховный. Огромная честь для меня, товарищ Сталин.

За время моего отсутствия Сухой продул несколько профилей. Сразу по моему приезду, он появился у меня в кабинете и, молча, положил на стол несколько отчётов.

— Что это?

— Во всех этих случаях, на скоростях от 710 до 735 км/час происходил срыв обшивки крыла всех Яков, кроме Як-3. Я продувал серийные машины. В архивах ЦАГИ нашёл данные продувок за 1940–1943 года. Там такого не зафиксировано. Но, серийное крыло толще на 30 мм, чем эталон, который продували, и S сдвинуто вперёд на 70мм. Данных о продувке серийных крыльев нет. Я не совсем понимаю ситуацию. Как можно было не продуть серийную машину? Эталон продувался до скоростей 750.

— Я тоже не совсем понимаю, понятно, что посадочная скорость из-за этого падает.

— Мне "зарубили" три машины, из-за того, что посадочные скорости у них были выше, чем у Яков.

— Причину срыва установили?

— Волновой кризис. Вот кинофильм. Отрыв начинается от задней кромки. Вот видите, полосы встают почти вертикально, — он показал фотографии, сделанные с кадров фильма. — А это эталонные, здесь полосы почти лежат. Я продул эталон на новой трубе, там кризис наступает на скоростях 780–790 км/час. Что будем делать, товарищ маршал?

— Доложу Сталину. Пусть решает. Что по новым профилям?

— Лучше всего ведёт себя острый двояковыпуклый несимметричный и тоже острый двояковыпуклый симметричный. И наплывы в районе фюзеляжа. Всё это позволяет сдвигать зоны уплотнений. И несколько вариантов борьбы с "тяжелым носом": предкрылки, S-образность, клин. Но, в любом случае, сверхзвуковой полёт требует увеличения эффективности горизонтального и вертикального управления. Требуются цельноповоротные кили и бустеры-усилители. В принципе, на основе

имеющихся данных, я готов построить прототип, на основе имеющихся УМО, не дожидаясь готовности ТР-2, но, с расчётом под него. Вот такую вот модель уже продували. Вот отчёт по продувкам. Расчёты показывают, что 1.3М вполне достижимы. Но мне кажется, что на сверхзвуке ЮМО работать будет нестабильно. Требуются продувки работающего двигателя. На это времени пока не было. Чтобы не задерживать остальных, я, как вы и говорили, сосредоточился в первую очередь на профилях и стреловидности, Павел Петрович. Но, надо двигаться дальше, но, пусть этим двигателисты займутся. Я, честно говоря, по планерам закончил. До определённой степени, конечно.

— Спасибо, Павел Осипович. Лавочкину и Янгелю это передали?

— Да, конечно. Два дня назад. Про "Яки" им ничего не говорил.

— Хорошо!

Новости, конечно, не самые замечательные, особенно учитывая, что Сталин сильно благоволит Яковлеву. Вот и сейчас, трофейные движки переданы в бюро Яковлева и Микояна, которые уже делают "реактивные истребители". И, в чём я совершенно не сомневаюсь, они их слепят. Летать и воевать это не будет, но "заказ Родины" они выполняют точно и в срок. "Тяп-ляп". Недаром же лозунг авиации: "Летать выше всех, быстрее всех, дальше всех!".

— Яковлев или Микоян в ЦАГИ на продувках были?

— Нет.

— Интересно, что же они делают?

— Лучшие самолёты II мировой войны, Павел Петрович. Не иначе!

— Поеду, посмотрю. Я же за эти проекты отвечаю! Со мной поедите?

— Нет, товарищ маршал. Потом проблем не оберёшься! Я лучше к себе на Беговую, мы там с Мишей собирались поговорить о новых материалах. Судя по всему, конструкционной прочности дюралюминия будет не хватать для силовых элементов.

И действительно, Яковлев взял планер Як-3 и засунул ему в нос УМО. А Микоян построил новую машину с двумя BMW-003 и носовым шасси. Этот хоть немного походил на реактивный самолёт. У обоих – прямое крыло. Скорость одного – 748 км/час, второго – 910 км/час. Микоян применил двояковыпуклый симметричный профиль с тупой передней кромкой. Гонка у них была такая, что Микоян опередил Яковлева всего на три часа. Разумеется, это были не истребители: они не могли пикировать, более лёгкий Як имел большую манёвренность, а тяжёлый МиГ был неповоротлив, как утюг, эффективности рулей ему сильно не хватало. Но, Як разрушал ВПП и собственный хвост при каждом взлёте. Зашивка низа

машины жаропрочной сталью мало чего давало. От резинового хвостового колеса пришлось отказаться, заменив его стальным. Ну, и, результаты продувки говорили о том, что срыв обшивки неминуем. Тем не менее, обе машины уже приняты на вооружение. Все подписи стояли, два завода разворачивали серийное производство "гадких утят", с формулировкой: для переучивания л/с ВВС на реактивную технику. Сухой не стал дорабатывать первый проект Су-9, который получался хуже Ме-262, дальше постройки опытного образца он не пошёл.

Делать нечего, пошёл к Сталину. Доложился обо всём. "Разбор полётов" длился полтора месяца. Я понял, чего боялся Сухой: что его будут таскать по совещаниям, выяснять кто прав, кто виноват. У Яковлева с документацией, а он – опытейший бюрократ, всё-таки замнаркома уже много лет, всё оказалось почти в порядке, всего два нарушения: документы не хранились в ЦАГИ, а хранились у него в сейфе в наркомате, и второе: продувки серийных машин бюро Яковлева осуществляла без стороннего контроля, всегда вечером, после того, как все работники ЦАГИ разъезжались по домам. Соответствующий допуск в лаборатории ЦАГИ все имели. В сейфе Яковлева по документам все крылья разрушились на скорости 750 км/ч. Задание выполнено. В наставлении по эксплуатации записана величина максимальной допустимой скорости пикирования – 700 км/ч. То, что крыло разрушится на скоростях между 700 – 750 км/ч Яковлев явно знал. Но виноват будет лётчик, а не конструктор. С чисто юридической точки зрения всё сделано абсолютно чисто: на все решения есть соответствующий документ с соответствующей подписью. Но дерьмом – воняет. А крайне неудачный Як-15, в котором явно прослеживалось стремление просто не отстать от Микояна, подвели окончательную черту под деятельностью Яковлева в Наркомате.

— Нам кажется, что у конструктора Яковлева просто не хватает времени, чтобы делать хорошие самолёты. Мы подумаем, где лучше использовать его таланты! — резюмировал Сталин. Через день стало известно, что Яковлев снят с поста замнаркома авиационной промышленности.

Неудачей закончился и проект Мессершмитта Ме-262 HG III: возросшая стреловидность в 42 градуса, заставила сдвинуть назад двигатели, которые стали глохнуть из-за помпажа при любых манёврах. Плюс огромное давление оказывали успехи англичан и американцев, которым удалось к концу 44 года создать вполне работоспособный компрессорный реактивный двигатель. Попытки Швецова скопировать

УМО в Перми успешно провалились: технологический разрыв между Пермью и Баварией оказался слишком велик. Реактивный двигатель требовал высочайшей точности изготовления, а таких специалистов в Перми просто не оказалось. Пермские моторы взрывались на стендах, всё настойчивее звучали голоса помириться с англичанами и взять у них патент на работающий компрессорный движок. Несмотря на то, что и BMW, и УМО находились у нас в руках, продолжали и выпускать, и исследовать свои двигатели. Инерция мышления оказалась очень значительной. Плюс наше "коронное": хочу всё, и сразу! Желательно, как у Иванушки-дурачка: "По щучьему велению, по моему хотению..." Прямой противоположностью оказался Архип Люлька, который сделал кольцевую камеру, и теперь вплотную занимался продувкой двигателя в ЦАГИ, изучая поведение потока на кромках воздухозаборника, и комбинируя различные методы регулировки входного отверстия. Вместе с ним работали Глушко и Климов. Неприятный разговор у меня состоялся со Сталиным, который был недоволен возникшей задержкой с проектированием новых самолётов. Опять-таки, из-за того, что уже привык к тому положению, что достаточно дать команду, и исполнительный аппарат Авиапрома тут же выдаст новую модификацию.

— Мы не понимаем, товарищ Титов, почему с вашим появлением стали так задерживаться работы по созданию новой техники? И "атомщики" жалуются, что вы создали абсолютно невыносимые условия для работы, требуя создания различных манипуляторов, фильтров, прохождения ежедневного контроля доз облучения. Отстранили от работы на полгода трех человек.

— Товарищ Сталин, они получили полугодовую дозу облучения за четыре дня, нарушили безопасность проведения работ. Сейчас они находятся на лечении, и им не запретили заниматься работой. Им запретили заниматься делящимися материалами. Если за этим не следить, и тщательно не контролировать физиков, то мы быстро без них останемся. Эти заболевания – неизлечимы! Нельзя допускать случаев избыточного облучения. И требуется соблюдать санитарные нормы. Так что, сами виноваты. Что касается самолётов, то, товарищ Сталин, полным ходом идут исследования переходной зоны дозвук-сверхзвук. Кроме того, наши авиапредприятия вряд ли можно назвать передовыми в технологическом отношении. В особенности, в таких критически важных областях как производство металлических центропланов, многомоторных бомбардировщиков, оптического и электронного оборудования, газотурбинных и ракетных двигателей. Для нас характерен упор на

массовость и простоту производства, оправданный в условиях войны, но не мира, плюс невысокая средняя продолжительность жизни боевых самолетов и преобладание малоквалифицированной рабочей силы, поэтому подавляющее большинство выпускаемых машин это – "одноразовые" самолеты. Вон, Швецов, взялся выпускать УМО, пока, кроме взрывов на стенде, ничего не получил. Там – зазоры не выдержал, там балансировку выполнить не смог. А кто-то особо умный дал приказ начать демонтаж заводов в Германии. Зачем? Это – наша территория! И надо загрузить эти предприятия, внимательнейшим образом изучить производственные процессы на них, систему контроля качества, технологии. И внедрять на наших заводах. Там делать оборудование, и поставлять сюда. А не тащить за тридевять земель подержанные станки, для того, чтобы на них фабзайчонка поставить.

Сталин остановился, до этого он ходил по комнате, и внимательно следил за мной.

— Ты понимаешь, что ты говоришь? А если нападут американцы и англичане? А если мы не успеем всё это вывезти?

— В ближайшее время на нас никто не нападет, товарищ Сталин! Пока они не разберутся, как нам удалось преодолеть их ПВО, они носа с острова не покажут! А восьмая армия регулярно вылетает домой, в Америку, оттуда их перебрасывают на Гуам и Гавайи. Они усиливают свои войска на Тихом океане. Им не до нас. Но они ждут наших ошибок в Европе! Для того, чтобы раздуть недовольство в оккупированных странах. Поэтому необходимо не пускать на самотек эти процессы, а активно участвовать в экономических процессах. Не грабить, а развивать сотрудничество. Как это сделали с тем же "мессершмиттом". Какой смысл был принимать на вооружение Як-15 и МиГ-9? Пока нам достаточно и "мессершмитта". Зачем выбрасывать деньги на закупку совершенно не нужных нам самолётов?

Мне показалось, что недовольство мной Сталина будет углубляться, и в скором времени меня с направления снимут. Тем более, что революционных прорывов не наблюдалось. Шла плановая, я бы даже сказал, рутинная работа по накоплению новых данных, совершенствованию систем контроля, очень большое внимание уделялось приборам, стандартам. В феврале закончились испытания ТР-2. Двигатель отработал 450 часов без прогара сопла и камеры сгорания. Я прибыл на Ближнюю дачу и доложил Сталину об этом.

— А почему раньше не докладывали, что сделали новый двигатель?

— Не были закончены испытания. Но, массо-габариты и точки

крепления были переданы в бюро Сухого два месяца назад.

— Я спрашиваю не об этом, я спрашиваю, почему я об этом узнаю только сейчас?

— Потому, товарищ Сталин, что полной уверенности в том, что машину удастся сделать в Рыбинске, не было. Плюс, не были закончены продувки работающего двигателя в ЦАГИ. Могло получиться, как у Мессершмитта: планер есть, а двигателей нет.

— Что-нибудь товарищ Люлька позаимствовал у немцев?

— Да, конечно. Большая часть топливной аппаратуры сделана в Германии. Металл, из которого изготовлена камера сгорания и сопло, тоже произведен и прокатан в Германии. Мы наладили постоянные поставки с заводов САО "Крупп", и расположили там серийный выпуск этих комплектующих. Вторая линия по их производству налаживается в Электростали на заказанном немецком оборудовании. Время готовности линии по производству примерно март следующего года. Если будет принято решение о серийном выпуске ТР-2.

— Насколько мне известно, авиационные двигатели живут 120–150 лётных часов, почему у нового двигателя были проведены такие испытания?

— Товарищ Сталин, у этих двигателей нет трущихся частей, кроме подшипников. Поэтому, для этих машин, всё зависит от прогара камеры и сопла. Если сделать двухвальный двигатель, то 10000 лётных часов он будет работать.

— Десять тысяч? Это реально?

— Вполне реально, товарищ Сталин.

— Что для этого требуется?

— Точность исполнения турбозубчатого механизма, хорошие смазки, исследования поведения потока воздуха в двигателе. И хорошие жаропрочные стали. Всё это можно взять в Германии.

— То есть, товарищ Титов, вы настаиваете на интеграции Германии в нашу страну, так?

— Да, товарищ Сталин, я считаю Германию и её промышленность эдаким локомотивом, который разгонит нашу промышленность до мирового уровня. В данный момент Гудков, который постоянно живёт и работает в Германии, по моему заданию, готовит предложения по единой политике стандартизации в области авиационной и ракетной техники. Так, чтобы наши заводы могли без проблем использовать как наши, так и немецкие детали. Каждый прибор или устройство проверяется по нескольким параметрам, и определяется: какой прибор работает лучше,

надёжнее, имеет лучшие характеристики. После этого принимается решение о стандартизации его в промышленности. Работы, правда, только начались, но есть большие положительные сдвиги. Кроме того, я привлёк немецких товарищей к работе в Молотовске. В Крыму подобрано место для строительства тренажёра.

— Почему именно там?

— Самое большое количество солнечных дней в году. По погоде простаивать не будем.

— Кому считаешь возможным поручить разработку палубного самолёта?

— Микояну и Сухому – истребитель, а торпедоносец – Бартини.

— Ну что ж, товарищ Титов, основательно вы взялись за дело, как всегда. Посмотрим, что получится, хотя, я уже начинаю привыкать к вашей обстоятельности, что ли. Поспешаете не спеша. Хорошее качество. Тем не менее, постарайтесь держать меня в курсе событий, а не ставить перед фактом, что у нас уже есть лучший в мире реактивный двигатель. Я привык держать руку на пульсе. Пригласите ко мне участников и разработчиков. Их надо поощрить. Готовьте списки для награждения. Вы исключительно мало внимания уделяете политической стороне вопроса, товарищ Титов. Достижения СССР – это всенародное дело.

— Есть пригласить, товарищ Сталин. Просто, зная эту вашу привычку, я не хотел торопить людей, которые делали основное дело. Всё должно было быть выполнено качественно! Авиация ошибок не прощает. Климов и Глушко заканчивают работы по ещё двум двигателям: тому самому двухвальному и прямоточному. Но им ещё требуется время, особенно Глушко, но, к концу года должны сделать. Пока всё идёт по плану, товарищ Сталин.

— Что с воздушно-десантными войсками? Через два дня прилетает Рузвельт. Он хочет, чтобы мы помогли ему в войне с Японией. Василевский считает, что в этом случае нам будут необходимы несколько крупных десантов. Он с вами встречался?

— Да, вчера. Я доложил ему о готовности четырех корпусов. Но, несмотря на то, что мы задействовали и трофейную технику, количества транспортных самолётов хватает только для десантирования одной дивизии за одну волну. Больше резервов нет. Выгребли всё. И ещё, товарищ Верховный. Под это дело необходимо запросить у американцев патент и оборудование для производства нейлона. Они начали его выпускать в позапрошлом году, и он не нашёл пока военного применения. Он не в "сикрет лист", пока. Нам он нужен для производства парашютов, в том

числе, тормозных парашютов для самолётов.

Сталин достал блокнот и записал что-то.

— Интересный вы человек, Павел Петрович Титов! Может быть, прав был товарищ Мехлис, назвав вас "пришельцем"?

— Даже так? — улыбнулся я. — Вам лично это мешает?

— Нет, не мешает, но иногда сильно раздражает то обстоятельство, что вы всегда знаете ответ или что надо делать.

— Не всегда, товарищ Сталин. Очень часто сомневаюсь и перестраховываюсь. Вы и сами это заметили. Приходится постоянно учитывать наши малые производственные и технологические возможности. А последнее время и инерцию мышления.

— Как жена, дети? — неожиданно сменил тему Сталин. — Вы почему-то держите их в стороне. Даже на Новый год в Кремль они не пришли.

— Жена беременна, вот-вот рожать будет. Поэтому и не захотела идти в Кремль. Пришлось одному быть.

— Ах, вот оно что! И кого ожидаете?

— Я хочу второго мальчишку, а она — девочку. А кто родится — тот и родится!

— А что Туполев?

— Закончили разборку одного В-29, второй восстановили, через две недели закончат обучение экипажа. Начнут осваивать. Пробежки он уже делает. Тяжело без какой-либо документации, поэтому так медленно. Права на ошибку у нас нет. Других машин у нас нет.

— Успех будет?

— Думаю, да, товарищ Сталин. Работают они очень серьёзно. Есть надежда, что справятся.

— Ну, хорошо, товарищ Титов. Ужинать будете?

— Мне домой позвонить нужно, узнать, всё ли в порядке.

— Да-да, конечно!

Поужинать не пришлось, у Людмилы начинались роды. Отвез её в роддом, и стал наш народ на одного человечка больше. Крупный, очень спокойный мальчишка. Мне показалось, что Людмилка была довольна тем, что родился мальчик.

О чем говорили Сталин и Рузвельт я не знаю, но сразу после отлёта Рузвельта начались переговоры с японцами. Из Куйбышева приехал генерал Татекава, затем прилетел премьер-министр Куниаки Коисо. Сталин разговаривал с обоими жестко, но уважительно. Он выступал от имени бывших "союзников" и предложил безоговорочную капитуляцию в обмен

на не преследование военных преступлений, и почётную сдачу. В противном случае, Советский Союз присоединится к военным действиям против последней страны Антикоминтерновской Оси. Японским генералам показали новые вооружения Советской Армии и объявили примерный состав сил. Он превосходил японский в среднем в 12 раз. Основное наше требование: денонсация Портсмутского договора, возврат Южного Сахалина, островов Курильской гряды, Маньчжурии, Формозы, как бывшей немецкой колонии, и Кореи. После потопления крупнейших линкоров, Япония была безоружной на море, а сухопутные силы у неё никогда не были очень сильными.

— Поймите, господин Коисо! Американцами захвачены Марианские острова. Идёт строительство аэродромов на них. Япония стала досягаема для тяжёлых бомбардировщиков США. Их у них больше двух тысяч. По бомбардировкам Германии можно точно сказать о картине, которую вы скоро увидите. — Сталин показал руины Гамбурга и Копенгагена.

— Но, господин Сталин, вы же смогли разгромить 8 воздушную армию США, почему вы считаете, что японские лётчики не способны защитить свою страну?

— На этот вопрос лучше всего ответит маршал Титов, который непосредственно руководил уничтожением 8 армии. Пожалуйста, маршал! Объясните господину Премьеру, почему вы считаете, что удержать оборону островов им не удастся.

— В первую очередь, господин Премьер, ваши самолёты имеют меньший радиус действия, и вы не можете достать аэродромы на Гуаме и других островах. Действуя исключительно от обороны, вы обречены. Наш успех обеспечило то обстоятельство, что мы сумели преодолеть ПВО противника и уничтожить больше половины авиации на аэродромах. Всё, что находилось в пределах досягаемости наших самолётов. Во-вторых, господин Премьер, совершенно очевидно, что сама ваша противовоздушная оборона значительно уступает по составу, технической оснащённости и немецкой, и английской, и американской. У вас отсутствуют локаторы, радиовзрыватели. Ваши коды легко читаются противником. А самолёты значительно уступают и нашим, и американским самолётам. У вас нет шансов отбить эту атаку. Следующей жертвой станет Окинава. Месяца через полтора-два она падёт. А в Кадене — крупный аэродром. Вас просто вбомбят в каменный век. Зачем вам это надо?

Было видно, как напряжённо думает генерал Коисо.

— Господин Премьер, — продолжил Сталин, — мы и вы в течение всей войны соблюдали нейтралитет. В данном случае, нас беспокоит судьба

японского народа, на который обрушатся бомбы. До сих пор, Япония, непосредственно, не подвергалась массированным бомбардировкам. Сейчас над островами повиснет авиация США, и наша. Судьба японского народа в ваших руках.

— Господин Сталин, господин Маршал, я сообщу ваши слова и ваше мнение Его Величеству. Судьба японского народа в Его божественных руках.

Япония капитулировала перед Объединёнными Нациями 23 февраля. Наши десантники быстро и практически без потерь заняли Маньчжурию, Корею и остров Формозу. Квантунская армия была разоружена и транспортом вывезена в Японию. С Японией был заключён мирный договор, в котором оговаривались эти территориальные уступки.

В марте произошла встреча Сталина и Клементы Ричарда Эттли, нового премьера Великобритании. Он возглавлял лейбористскую партию, но, входил в кабинет Черчилля всю войну, будучи его заместителем и Лордом-президентом Совета министров. Речь пошла о создании в Европе объединённых вооружённых сил. Англичане понимали, что после разгрома Гитлера, они следующие на очереди. Тем более, что инцидент уже произошёл, успешные действия нашей авиации отчётливо показали, что ссориться с нами не стоит. Эттли "слил" Соединённые Штаты, заявив о том, что американцы создают оружие особой мощности, но ни нас, ни их самих, в этот проект не пускают, несмотря на то, что там работает много английских учёных, и что Черчилль передал в США все наработки, которые имелись у англичан.

— Английский народ устал от войны, что и показали выборы этого года. Наша партия уверенно победила. Несмотря на некоторые различия в наших программах, господин Сталин, тем не менее, у нас довольно много общего: мы, так же как и вы, стоим на защите интересов трудящихся. Новое оружие, которое появится у США, может вызвать рост напряжённости между вашей страной и США, а нам бы не хотелось находиться между молотом и наковальней. Для нас гораздо интереснее было бы больше не участвовать в мировых войнах. Они слишком пагубно отражаются на экономическом положении англичан. В результате этой войны мы потеряли огромное количество людей, материальных ценностей, от нас ушли две колонии, на очереди третья. Дикая выходка Черчилля лишила нас репараций. Положение в экономике просто катастрофичное. А "ястребы" из консервативной партии пытаются втянуть нас в новое противостояние, уже с вами. Они не понимают, что мир изменился. Мы

рассматривали несколько вариантов послевоенного мироустройства, но ни один из них так и не реализовался. Значит, мы ошибались и следовали не в том направлении. Видимо, пришла пора сменить ориентиры. И, главное, необходимо исключить возможность возникновения новой войны в Европе. Консерваторы настаивают на ориентацию на США, дескать, только в союзе с ними, наш остров окажется в безопасности. Но, события декабря прошлого года говорят, что это мифическая безопасность. Реальная безопасность лежит в создании Общеввропейской системы безопасности. Без участия гостей из-за океана. Так как они, надеясь на свою удалённость, могут спровоцировать конфликт, результатом которого будет потеря нами своего острова. То, что не удалось Гитлеру, с лёгкостью сделали вы. Но, несмотря на то, что наше ПВО было уничтожено, вы, господин Сталин, не стали наносить дальнейшие удары. Только показали, что этот вариант возможен и будет успешным. Следовательно, у наших стран сохранились основы для совместного мирного сосуществования. Мы понимаем, что без развития этих отношений, построить прочный мир в Европе невозможно. Поэтому я здесь.

Состоялись предварительные переговоры по созданию системы коллективной безопасности в Европе. Англия всерьёз опасалась ухудшения отношений с нами. Плюс для всех оставался открытым вопрос: как мы поступим с оккупированными странами. Декабрьские события затормозили все политические вопросы в Европе. Фактическое положение было таково: Швеция, Швейцария, Испания, Португалия, Великобритания и Ирландия, вышедшая из состава Великобритании и провозгласившая независимость, остались суверенными державами. У большинства государств не было собственных вооружённых сил, кроме Югославии, Болгарии, Польши, Чехословакии, Греции и Румынии. Но, чехи и словаки никак не могли поделить власть между собой, а в Польше активно шли бои между Армией Людовой и Армией Краёвой. 1 и 2 Польские армии, сформированные в СССР, выходили из Германии и возвращались в Польшу. Командующим этими силами был назначен Рокоссовский. Кроме того в Польшу была введена дивизия НКВД и несколько батальонов СМЕРШ. В Голландии, Бельгии и Дании было разрешено создание полиции и органов самоуправления. Во Франции активно создавались части жандармерии и полиции. Во всех странах работала Советская Военная Администрация. Формально страны управлялись самостоятельно, но находились под контролем со стороны СВА. Понятно, что такое положение не могло длиться бесконечно. Поэтому Сталин принимал в Москве представителей властей различных государств и с каждой страной в отдельности

договаривался о её судьбе. Но, в силу неопределённого положения с созданием ООН, вопросы суверенитета пока не рассматривались. Части нашей армии занимали выделенные им казармы и особо не вмешивались во внутренние дела государств. Шла чистка кадров, замешанных в сотрудничестве с немцами. Особенно старались французы, чехи, поляки и голландцы. И лишь на территории Германии, Австрии и Италии создавались экономические структуры, позволяющие контролировать экономику этих стран: советские акционерные общества. В Европе было объявлено, что советские войска обеспечивают общеевропейскую безопасность. На органы самоуправления возлагались специальные налоги, позволяющие снабжать и обеспечивать размещённые части и соединения. Несомненно, что начавшийся диалог с Англией приветствовали все страны.

Остроносая серебристая машина, которую только что выкатили из большого ангара в Чкаловском, с чуть опущенным носом и довольно тонкими стойками, готовилась к полёту. Техники снимали крышки, чехлы, подключали аэродромное питание, готовя двигатели к запуску. Наш, немного совместный с Сухим, Су-3 уже выполнил около 15 полётов. Два из них выполнил я сам. Я стоял в ожидании доклада техников о готовности, чтобы самому ещё раз всё проверить перед вылетом. Сегодня у "сухарика" сложный день. Мне предстоит загнать его на критические углы атаки и попытаться "сорвать" движки. Затем выполнить запуск в воздухе. Старший инженер подошёл и отдал рапорт о готовности. Протянул мне журнал, где уже поставил подпись. Я обошёл машину и проверил снятие всех креплений, свободу хода рулей, удаление всех заглушек. Расписался в журнале. Поднялся по трапу в кабину, проверил работу рулей, педалей, тормоза, гироскопов. Застегиваю шлем. В этот момент вижу "паккард" Сталина и "эмку" Сухого. "Чёрт! Какого хрена они на старт заявились!" Сталин осмотрел незнакомые очертания машины: крыло переменного профиля, два киля, резко отброшенные назад рули глубины с противовесами. Поднялся по трапику ко мне.

— Здравствуйте, товарищ Титов! Вот, решил посмотреть, чем вы с Сухим занимаетесь.

— Здравия желаю, товарищ Сталин. Ломать мы её сегодня будем.

— Вот я и посмотрю. Счастливо!

— К чёрту, товарищ Сталин!

Они отошли от машины, и я начал запуск двигателей. "Блин, сидели бы себе в диспетчерской!" Дальше злость прошла, началась стандартная подготовка к полёту.

Взлетаю, машина идёт хорошо, уверенно набирает высоту.

— Я в зоне, прошу добро на работу.

— Четвёртый, вам добро.

Вкручиваю машину вертикально, в верхней точке переваливаю её на правое крыло. Движки держат, пикирую, перескочил за звук, держат, вираж – держат, переворот: Есть помпаж!

— Есть помпаж правого, на перевороте! Выравниваюсь... Запускаюсь! Нет давления в топливной системе правого. Быстро растёт температура. Есть срабатывание противопожарки. Температура падает. Давления топлива в правом двигателе нет.

— Четвёртый! На посадку!

— Понял, на посадку.

Чуть раскачивается на глиссаде, выпускаю шасси, машину покачивает, опять сработала противопожарка.

— Вторичное срабатывание противопожарки!

— Видим. Как машина?

— Иду.

Скорость приходится держать чуть больше обычной. Довольно жёсткое касание. Заруливаю, рядом несётся пожарная машина.

Опять подъехали Сталин и Сухой. Я вылез из кабины, подошёл к Сталину для доклада.

Он замахал рукой:

— Видел, слышал! Докладывайте Сухому.

— На перевороте имел обратную скорость, сорвал поток правого двигателя, работавшего на малом газу, затем, видимо, из-за перегрева топлива, образовался газовый пузырь в правом насосе. Запуститься не удалось. Противопожарная система сработала штатно. Дважды. Нужно систему перепуска от работающих насосов.

— Понял. Отлично сработано, Пал Петрович!

— А что это за выстрел был, товарищ Титов? — спросил Сталин.

— Это я за сверхзвук выскочил на пикировании.

— Как из пушки выстрелило! Ну и как вам машина?

— Сыровато ещё, чуть помучаем, летать будет. Манёвренность отличная.

— Так ведь двигатель заглох!

— Мы её силком запихивали в тот режим, в котором это произошло. Это нештатные фигуры. Так никто не летает. Эти фигуры обычный лётчик выполнить не может. Но, в воздухе всякое может случиться, поэтому мы сейчас отрабатываем всё. В том числе, и те фигуры, которые выполнить на

этой машине нельзя. Всё это пойдёт в наставления по этой машине.

— Вы освободились?

— Надо переодеться.

— Подъезжайте ко мне, я на даче.

Он попытался запретить мне летать. Я выслушал его, поджав губы, и полез в карман гимнастёрки. Там, завёрнутый в целлофан, у меня лежал Приказ Верховного Главнокомандующего № 1862 от 3 декабря 1943 года, запрещающий кому-либо запрещать мне летать.

— Вот, товарищ Сталин. Читайте!

Сталин взял у меня бумагу, пробежал глазами, и захохотал:

— Ну и жук ты, Титов! Меня же, моим же приказом укоротил! Павел, зачем тебе это надо? Пойми, ты уже на совершенно другой должности! На тебе море ответственности, куча обязанностей, а ты по небу гоняешь, да ещё такие опасные испытания проводишь.

— Товарищ Сталин, вы тогда в 43-м очень хорошо сказали: я дышу этим. Времени, действительно мало. У машины есть штатный испытатель: генерал Стефановский, и два заводских. Летают, в основном, они. Я третий раз поднял эту машину.

— Необычный самолёт! Очень красивый.

— Хорошие машины всегда потрясающе красивы, товарищ Сталин.

— Сколько времени понадобится на доводку и испытания? Нас крепко поджимает время.

— Ещё полгода. В ней собрано всё новое. Ни у кого в мире пока нет таких машин.

— К Ноябрьским успеете? А ещё лучше к Августовскому воздушному параду!

— Товарищ Сталин! Я считаю, что её нельзя показывать на параде. И вообще, нельзя показывать. Это наш козырный туз в рукаве, как у шулеров. Я четыре дня назад был у Нудельмана, который по моему заданию делает новую пушку со скорострельностью 3–4 тысячи выстрелов в минуту. С поворотным лафетом. Углы, правда, небольшие, но позволяют устранить неточности в наводке. Планируем установить её на этой машине. Парадами американцев не остановить. Их можно остановить только потерями.

— А что будем показывать на параде?

— "Гадких утят" Яковлева и Микояна. По десятку их успели нашлёпать. Я даже Мессершмитту не показал её.

— Обидеться может!

— Может, но, пока он не гражданин СССР, приходится с ним

действовать именно так: не допускать к новейшим нашим разработкам. В конце концов, труба у него есть. Пусть сам разбирается.

— В этом вы правы. Что по проекту "РДС"? Время готовности?

— Не ранее середины 46 года.

— А у них?

— Лаврентий Павлович говорит о середине лета этого года.

— Самолёт будет показан в июле в Париже. И не возражай!

— Есть. Покажем.

— Не надо провоцировать американцев, Павел Петрович. Нам требуется удержать их от применения по нам этого оружия, до тех пор, пока сами такое не сделаем. Понятно?

— Копировать начнут.

— Пусть копируют.

— Товарищ Сталин. У них нечем доставить атомную бомбу на такое расстояние. Более-менее реальный бомбардировщик для этого появится не раньше 47 года. Единственное место, откуда могут что-то достать: Гренландия и Япония.

— Товарищ Титов. Они ударят не по нам! Они ударят по Европе. А мы не сможем её защитить.

— Сможем. Но, с англичанами надо договариваться о том, что они просят: создать объединённые вооруженные силы.

— Вот упрямец! Ну, хорошо. Создаём объединенные силы, а дальше? Всё равно эта машина уже создана, и шила в мешке не утаишь. Завтра, кто-нибудь, увидит её в воздухе, ребёнок, и нарисует.

— Нет, товарищ Сталин. Поверьте, это гораздо сложнее, чем просто рисунок. Это 15–20 лет работы. Мы сейчас впереди всех на этот срок.

— А как же вы смогли это сделать за полгода?

— Я не могу вам этого сказать, товарищ Сталин. Иначе меня в "психушку" упекут.

— С какой стати?

— Дело в том, что я родился в 1950-м году. Служил в авиации, генерал-лейтенант запаса. По состоянию на 2012 год. Именно поэтому, эта машина в воздухе на 15–20 лет раньше, чем она могла появиться, товарищ Сталин.

— А как ты здесь оказался?

— Не знаю, товарищ Сталин. Играл в компьютерную игрушку, а оказался в теле лейтенанта Титова 21 июля 1941 года в воздухе над Кингисеппом. Доказать ничем не могу. Поэтому молчал и воевал.

— Хорошо воевал, Павел Петрович.

— Сергей Петрович, товарищ Сталин.

— Так получается, что ты знаешь всё, что будет?

— Уже нет. В той истории ещё шла война, американцы и англичане высадились не в Южной Франции, а в Нормандии. Затем они создали Федеративную Республику Германия и начали Холодную войну с нами. Эту войну мы проиграли. Я ушёл из армии в 1991 году в должности командующего 17-й воздушной армии в городе Алма-Ата.

— И что произошло?

— Советский Союз распался на 15 республик. К власти пришла буржуазия.

— Как такое могло случиться? Где был народ, армия, партия?

— Партия переродилась, армии и народу внушили, что ничего ужаснее коммунизма нет, и всё время вами пугали. В итоге, начиная с 2011 года, в стране проводится "десталинизация". Вы – самый популярный политик в России.

— Чушь какая-то, Титов, или как тебя там.

— Найтов. Всё началось сразу после вашей смерти. К власти пришёл Хрущёв. При помощи армии, он убрал Берию и расстрелял его. Потом провёл XX съезд, где навесил на вас все репрессии 30-х годов, культ личности и объявил первую децентрализацию. Его отстранят от должности в 64-м. Вместо него будет Брежнев.

— Это который из Политуправления флота?

— Да, он.

— И что потом было?

— Состарилось Политбюро, начали умирать, народ разуверился во всем, потом пришёл молодой ГенСек, из крестьян, с Краснодарского края, Горбачёв, начал "перестройку", провозгласил "гласность" и сдал нас всех американцам. Потом и его "ушли", как раз 91-м, вместо него сел Ельцин из Свердловска, он начал "приватизацию". Республики между собой передрались ещё в конце 80-х. Нищета, выживали, как могли. Но нефти у нас много, газа много, постепенно выкарабкались, но растеряли всё, что только можно было растерять. Пугаем всех ракетами, но сами их уже разучились делать.

— Так ты поэтому посоветовал мне не настаивать на втором фронте?

— Да. Ход войны мне был известен. Но разница уже была очень заметной. Блокаду Ленинграда мы сняли на 8 месяцев раньше, Паулюса разгромили много быстрее. Хребет люфтваффе переломили тоже быстрее и с меньшими потерями. "Там" Курск длился на много дольше и очень кроваво. Больше совпадений не было, потому, что по-другому стали

планировать ход операций. В итоге, мы заняли всю Европу, а не пол-Германии.

— Об этом кто-нибудь знает?

— Кроме вас, никто.

— Страшно с такими знаниями жить?

— Уже нет, товарищ Сталин. Уже всё идёт по-другому. Той истории больше не будет.

— Уверен?

— Вы не допустите, Иосиф Виссарионович.

— Сколько мне осталось?

— 6 марта 1953 года.

— Семь лет. Не много. Как же ты столько лет это в себе нёс?

— Я работал. Для меня, в общем, уже старика, это – вторая жизнь. И она более удачна, чем та, которую я покинул. Творю историю, — улыбнулся я.

— Ступай, мне надо подумать. Будь дома. Я – позвоню.

Сталин позвонил через день, задал вопрос об Академии Генштаба:

— Вы в Академии Генерального Штаба учились?

— Да.

— Кто у вас тактику вёл?

— Маршал Захаров.

— Совпадает... Зайдите ко мне, я – в Кремле, — сказал Сталин, и повесил трубку.

В кабинете он показал мне 7 доносов на меня: два от "физиков", два от авиаконструкторов и три от военных, в том числе и от маршала Захарова, в каждом из них говорилось о том, что я слишком много знаю, но эти знания не подтверждены соответствующим образованием, опытом, встречами и знакомствами. О том, что всё это очень странно выглядит.

— Это, косвенно, конечно, подтверждает ваши слова. То, что человек вы необычный, было всегда заметно. До сих пор это приносило определённые плоды. Итак, Павел Петрович, я буду называть вас именно так, расскажите о себе, подробно.

Я начал с самого детства. Подробно описывал всё, что помнил о том времени. Он не перебивал меня, лишь изредка задавал вопросы, уточняющие некоторые моменты или термины. Время от времени что-то записывал у себя в блокноте. Прошлись и по службе в армии, и по боевому опыту, и по образованию. А так же и по боевому опыту отца.

— Так много конфликтов? И все с участием США.

— Да, товарищ Сталин. Мировой жандарм.

— Поэтому вы их так "любите".

— Их и китайцев.

— А эти здесь причём?

Рассказал об отношениях с Китаем. Сталин фиксировал имена политиков, узловые моменты в политической ситуации.

— В прошлый раз вы упомянули, что у нас много нефти и газа. А у меня совершенно другие сведения.

Я рассказал и о нефти, и об алмазах, и о золоте в Узбекистане. Он попросил отметить всё на карте, которую он достал из стола.

— Это, конечно, очень весомый вклад, товарищ Титов. Катастрофически не хватает ресурсов и золота. Ведь полстраны разрушено. Если всё это подтвердится, это будет просто бесценно. Так вы говорите, что мы постоянно отставали в развитии электроники и вычислительной техники? И что, в конечном итоге, именно это обстоятельство всё и решило не в нашу пользу? Что можно предпринять?

Я рассказал об уже созданных проектах.

— То есть, Павел Петрович, вы, втихомолку, уже приступили к ликвидации этого отставания?

— В той истории, именно вы объявили "кибернетику" лженаукой.

— Я, вообще-то, не учёный, и не могу объявить что-то наукой или лженаукой. Видимо, кто-то из наших учёных дал мне такую характеристику этой науки. А уж потом к ней приклеили моё высказывание о ней.

— Не спорю, товарищ Сталин. Скорее всего, именно так и было.

— Не ошибается только тот, кто ничего не делает. Возьмите на контроль и это направление.

— Требуется вводить это в образовательный процесс.

— У вас достаточно полномочий, чтобы сделать это, товарищ Титов. Пишите обоснование, я подпишу.

В тот день Сталин старательно обходил вопрос о партии. Было видно, что этот вопрос его очень мучил, но он решил извлечь вначале экономическую прибыль из случившегося, а уж потом, глядя на результаты, предпринимать кардинальные решения в политической области.

Мы проработали с ним больше семи часов. Так долго у него редко кто задерживался. Поэтому, когда я вышел из его кабинета, на меня с очень большим интересом посмотрел Поскрёбышев. Вышедший со мной Сталин увидел этот интерес, поэтому перезвонил мне домой, когда я вернулся, и сказал, что все последующие наши встречи будут происходить у него на даче. Фактически я получил разрешение заниматься обычными делами, а

не просто сидеть в ожидании телефонного звонка. Даже Людмила, которая одной рукой держала присосавшегося малыша, а второй рукой писала диплом по квантовому генератору когерентного света, который она собрала в лаборатории физического факультета МГУ, обратила внимание на то, что я сутки не выходил из квартиры. На самом деле, такие дни были невероятной редкостью.

Я уехал на Беговую, там гоняли макеевский движок на монотопливе. Рев двигателя мешал москвичам, и несколько звонков в НКВД уже было. Надо было что-то придумывать и переезжать с испытаниями куда-то подальше. Мы комбинировали с добавками, чтобы снизить температуру струи. Я, в своё время, не слишком внимательно относился к твёрдотопливным ракетам: всё-таки, совсем другое ведомство, поэтому, мало чем мог помочь. Только в плане термостойкости материалов. Это была моя диссертация в Можайке. Поэтому оттуда рванул в Институт Стали и Сплавов ругаться с Матвеевым: какого чёрта он тянет со своим открытием! Без него ракета не полетит. Пришлось ему подсказать магическое слово: "керамика". Тут до него дошло, что сопло может быть составным, он "отключился" и начал что-то писать в своём блокноте.

На пятые сутки ночью раздался звонок "вертушки", я ещё не спал, пересчитывал собственную частоту макеевского движка.

— Товарищ Бахметьев! Приезжайте ко мне, срочно.

— Сейчас буду.

На улице уже довольно жарко, начало мая, но это – днём, поэтому накинул лётную кожаную куртку, сел в "Хорьх", мне его Жуков подарил, поехал на дачу в Кунцево. Почти 4 утра, всё в цвету, красиво! Во дворе только машина Сталина.

— На, читай! — Сталин протянул мне правительственную телеграмму с пометкой: срочно, ОГВ. "верховьях реки зеравшан указанном вами месте правее излучины реки указанной глубине обнаружено промышленное месторождение рассыпного золота тчк район месторождения взят под охрану войсками нквд тчк замначальника унквд района нурмеддинов".

— Всё правильно, товарищ Сталин. Это – крупнейшее в мире месторождение рассыпного золота. И добыча может вестись простым просеиванием песка. Долго не могли открыть, так как сверху песка много намело. Почти 8 метров. Когда-то там текла река Зеравшан. Потом она ушла в другую сторону. А золото осталось там.

— Где ж ты раньше был, Титов! Почему раньше не сказал!

— На фронте!... Товарищ Сталин! Вы же мне не поверили: маршалу авиации, трижды Герою Советского Союза, все за 42 год, кавалеру ордена

"Победы". Время жизни лейтенанта Титова, после сообщения этой информации, было бы равно времени прочтения приговора военного трибунала. У ближайшей стенки. Я не прав?

— Прав! — после не очень долгого молчания. — По алмазам: две трубки под Архангельском, и 18 и более трубок в Якутии? Мы столько денег отдали де Бирс!

— И ещё отдавать придётся, товарищ Верховный. Их ещё и извлечь надо из земли. Там какой-то жирный состав, к которому алмазы липнут, а порода – нет.

— Знаешь его?

— Нет, конечно! Совсем не моя сфера. Знаю, что покупали патент у де Бирс.

— Так, Сергей Петрович... Что мы имеем? Крайне обрывочную информацию о том, что спустя 46 лет наше государство перестало существовать. Единственный источник информации – это ты. Причины ты указал: деградация и перерождение партии, международное давление, информационная и холодная война, экономическая война, в связи с отсутствием постоянного притока конвертируемой валюты. Так?

— Если сухо и сжато, то так.

— Как учил товарищ Ленин? Надо определить союзников, попутчиков и врагов. Будем действовать. О том, что ты что-то знаешь больше, чем остальные, по-прежнему, ни слова.

Мы работали до 11 утра.

Наши частые и долгие встречи не остались незамеченными. Первым засуетился Берия. Так как официально я подчинялся ему, то он немедленно вызвал меня для доклада и "разговора по душам". Ему я объяснил дело тем, что Сталин заинтересовался нашей конструкцией и химической промышленностью для создания новых материалов для нужд авиации и воздушно-десантных войск. Там проблем было выше крыши, так как заказанное оборудование поступило не совсем комплектным. Американцы начали потихонечку вредить. Берия не сильно поверил, но понял, что это вся информация, к которой он допущен. Действовать вопреки Сталину, он не решился. Затем начали подтягиваться Члены Политбюро, известные деятели культуры. Слух о том, что я стал "весьма близок к телу" ширился, а Сталин по своей привычке и уверенности в себе, форсировал изучение новейшей истории. Ещё и ругался на меня, что я далеко не всё помню, часто путаю фамилии его сподвижников. Для меня они все были на одно лицо, выдающихся среди них не оказалось. Зато я хорошо помнил

перебежчиков и предателей, типа шифровальщика военного атташе в Канаде Гузенко!

Поэтому, мы стали исходить из полученных результатов и реальных дел, которыми они занимались. Через полтора месяца, я, назначенный министром обороны, и вновь назначенный министр иностранных дел Громыко, вылетели в Лондон, для проведения второго этапа переговоров с Англией о создании системы европейской безопасности. Моё назначение, вместо Василевского, сопровождалось "трофейным скандалом" с Жуковым. Госконтроль установил, "по письмам трудящихся", что маршал переправил в СССР значительное количество произведений искусства, мебели и автомашин из Германии, где он был главой СВА. Влетело ему и Василевскому, который решил слегка покрыть Жукова. Александра Михайловича я назначил начальником Генштаба. А Жукова Сталин отправил на пенсию. Отправлять его на Украину, где он и спелся с хозяйничающим там Хрущёвым, Сталин не стал.

— Пусть в Подмоскowie сидит, дачу строит. Мужик он хозяйственный. Но все "излишки" – в фонд государства!

Тем не менее, наша дружба с ним и Александром Михайловичем выстояла. Мы, когда позволяло время, собирались у Жукова на даче. Он устраивал великолепные охоты. Охотник он был просто потрясающий. Живо интересовался он и изменениями в армии. Он надеялся, что он ещё не раз понадобится Родине.

Сталин уравнил меня с остальными по званию, присвоив высшее звание Маршала Советского Союза. Работы здорово прибавилось, я взял на себя техническое развитие всех родов войск. Мотался по полигонам и испытаниям. Много времени уходило на создание в Европе современного ПВО. Но здесь очень помогли англичане: они предоставили последние разработки по РЛС. Англия сильно нуждалась в деньгах, поэтому они и стали продавать современные вооружения. Старьём никто не интересовался. Удалось привлечь их и к сотрудничеству по строительству океанского флота. Предвоенные проекты срочно переделывались с учётом новых задач флота. Появление у нас современных магнетронов, дало толчок в развитии самолётных РЛС. В Су-3 было предусмотрено место для размещения РЛС и радиолокационного прицела. Но первым туда встал лазерный дальномер, разработанный СКБ Расплетина.

Американцы начали действовать во Вьетмине. Три страны Юго-Восточной Азии самостоятельно освободились от японских агрессоров. Раньше они входили в сферу влияния Франции. Были оккупированы Японией в ходе наступления Японии в 41–42 годах. Так как Франция

сдалась Гитлеру в сороковом, местная колониальная администрация не препятствовала продвижению японских сухопутных войск, наоборот, оказывали помощь и всяческое содействие в соответствии с указаниями престарелого Петена. Сразу после войны было образовано новое государство, провозгласившее социалистическую направленность своей экономики. В июле 45 года США предъявили ультиматум Вьетминю, объявив его незаконным формированием. Товарищ Хо Ши Мин прислал нам телеграмму.

— Товарищ Сталин! Началось. Они хотят опробовать бомбу на любом объекте.

— Справишься?

— Постараюсь.

— Действуй!

Мы, тринадцать человек: Макеев, Покрышкин, Кожедуб, Ворожейкин, Клубов, Володин, Киреев, Лавейкин, Лихолет, Речкалов, Покрышев, Голубев и я сидим в тесном герметическом переходе восстановленного В-29, и летим в Ханой. За сутки до нас вылетели перегонщики, которые погнали 16 Су-3, четыре "Редута" уже установлены на побережье. В воздухе мы обучаем 4-х неморских лётчиков ориентации над морем. Действовать придётся практически в одиночку. От пары. По данным нашей разведки, два самолёта послезавтра стратуют из Аламо-Гордо с двумя бомбами. Промежуточная посадка на Гавайях, потом на Марианских островах, потом в Маниле. Нас решили поугадать.

— Если бомбёр сбросит бомбу, немедленно отворачивать и уходить. Одеть вот эти очки. Специальные комбинезоны везут вместе с нами. Требуется удалиться на 30 километров, минимум. Шестеро из вас никогда не проходили звуковой барьер. Вот инструкция. Если время будет, то попробуйте. Машину все попробовали. Вопросы по ней есть?

Непродолжительное молчание.

— В общем, нет. Но времени на освоение было очень мало.

— Больше времени нет. И будьте готовы к перебазированию в любую минуту. Техники прилетят завтра. Наша цель: одиночные бомбардировщики В-29 "Энола Гей" и "Мад Иви". На всех остальных можно не реагировать. В бои не ввязываться. Задача ясна?

— Так точно.

— А если прижмут? — спросил Речкалов.

— Тебя это особенно касается, если ввяжешься бой, отдыхать будешь на Колыме. У нас в 2.5 раза выше скорость. Но бомбёр должен быть сбит

перед набором скорости.

— Пал Петрович! Всё понятно. У меня здесь немного коньячку!

— Во змей! Даже через погранцов пронёс!

Сели Тырнаузе дозаправиться, ребята ещё добыли спиртное, но, я не мешал. Александр Иванович подсел поближе, расположился на чехлах, налил в складной немецкий стаканчик.

— Будешь? Паша, что там?

— Атомная бомба, Саша. Сбить надо, во что бы то ни стало.

— Не волнуйся, Паша! Собъём! Главное – обнаружить.

— Я за это, в основном, и волнуюсь.

По прилёту разделились и распределились по всему побережью. Полосы – более-менее готовы. Топливо на руках несут кули-носильщики в громадных бидонах. К нам отношение просто восторженное. А мы знаем, что если мы промахнёмся, то их всех просто не станет. Прошло 4 дня, утром 4 августа мне доложили, что засекли отдельный самолёт на высоте 14000 метров. Следует к Ханю. Взлетаю, набираю высоту 15000, следую в направлении одинокого бомбардировщика. Перехватил его на расстоянии 500 км от Хайфона. "Энола Гей". Знаю, что её пилот уволился из армии и его сочли сумасшедшим. Он совсем не гордился уничтоженной Хиросимой.

— Энола Гэй! Ай эм виетминьз пайлот Ли Сы Цын. Ансэ!

— Айэм Энолагэй, — слышалось в наушниках. — Просидинг то Дэли. Вот ду ю уонт?

— Тнат ю дроп зис бомб фром 1000 фиитс энд ретурн ноум. Онли.

— Ай кант.

— Ай атак ю, сорри. Джамп!

Зашевелились стволы пулемётов и выбросили снопы огня, но я ушёл на форсаже вверх, перевернулся и пошёл вниз, включив воздушные тормоза. Все огневые точки В-29 просто пылали. Я уравнивал скорости, включил НС-45, ввел размах крыльев В-29 и калибр пушки. Раз-два-три-четыре-пять. Четыре взрыва в хвостовой части "Энола Гэй".

— Джамп, бойз!

Бомбёр лёг на крыло, и сорвался в штопор. Два одиноких парашюта повисли над Тонкинским заливом, из 12 возможных.

С "Сумасшедшей Иви" пришлось повозиться. Но её подвела песенка, которую поставил, по традиции, радист самолёта. Мы её засекли. Борт сопровождали 64 "Мустанга". Они шли на Сайгон. У нас – шесть пар, Голубев обеспечивает прикрытие водолазов тихоокеанского ЭПРОНа. Причём все пары на разных аэродромах от Камрани до Сайгона. Взлетаем с двумя ПТБ и ракетами R-4m. У меня под крыльями

противорадиолокационные ракеты, две штуки. Эти идут ниже: 11000. Две эскадрильи "Мустагов" впереди, две выше и сзади. Солидное охранение. Я и Киреев идём впереди и выше всех: на 15000-х. "Иви" имеет локатор, и, конечно, видит наши отметки. Мы держим 540 км/час и имитируем поршневые машины. Ну, две машины идут "несколько высокоовато"... Ничего страшного. Нас только двенадцать. Захватил работу радара "Иви" и пустил ракеты. Обе. Раздельного старта нет. Ракеты пошли, уже появилась уверенность, что можно отворачивать. В этот момент на "Иви" отключается локатор. Ракеты прошли положенный километр и самоликвидировались. Вот дерьмо! Но, больше радар у бомбёра не работал, видимо, что-то случилось. Мы прошли над строем и свалились в пике. Ушли на сверхзвук и оба отстрелялись по бомбёру. Видели два взрыва. В этот момент крик Саши:

— Он сбросил!

— Всем – отход на запад на форсаже!

Много лет подряд эту запись муссировали и выискивали людей, кто это сказал. Во всём мире. Первый голос: полковник Покрышкин, второй голос: маршал Титов. Взрыв "толстяка" уничтожил всё американское крыло и "Сумашедшую Иви". Мы отделались лёгким испугом: Клубов получил полуторную дозу, он отходил последним.

Американцы взбесились! Им сорвали бенефис! Бомба взорвалась преждевременно на высоте в 6 км над морем, в 400 километрах от цели. Из-за прохождения нами звукового барьера, сработал анероид главного предохранителя. В этот момент 2 эскадрильи "Мустангов" находились над эпицентром, а первые две разворачивались на обратный курс, навстречу взрыву. У "Иви" начался пожар, и была большая утечка топлива, которое вспыхнуло от светового излучения. В результате, все самолёты рухнули в море. Больше всего собак спустили на ничего не подозревающего Мессершмитта. Наши "сушки" в газетах всей Америки называли "Мессершмиттами". Требовали суда над "нацистским конструктором". Интересное кино! Они летели бомбить мирный город, это – демократия, а то, что их сбили – это преступление. "Правда" опубликовала большое выступление Сталина по этому поводу. Что готовилась варварская бомбардировка, под надуманным предлогом, мирного города, не имеющего ПВО. Но, коммунистическая партия Вьетминя обратилась за помощью к Советскому правительству, и получило эффективные средства защиты. Договор о дружбе и взаимопомощи с Вьетмином подписан ещё в марте месяце. Вьетминь – признанное двумя великими державами государство: СССР и Китаем. И находится под их защитой. В этих условиях всё

европейское сообщество должно осудить попытку вооруженной агрессии со стороны США по отношению к маленькому (ну это не совсем так) беззащитному (с одной из лучших сухопутных армий в мире и мужественным народом) мирному государству.

Видя реакцию Сталина, европейские государства начали признавать Вьетминь. Мы же отправили туда 64 авиакорпус, командование которым принял уже находящийся там Кожедуб. Направили туда средства ПВО, автоматическое оружие, танки и ПТО. Кроме того, с Тихоокеанского флота были переданы 4 эсминца довоенной постройки. Взамен мы получили каучук, молибден, никель и рис. Кроме того, Бирманский Союз, в связи с обострением обстановки, закупил у нас довольно большое количество оружия. Начались переговоры с Индией. Сталин, зная о надвигающемся голоде 46 года, сбывал избыточные вооружения устаревших образцов, но прекрасно проявивших себя на полях сражений Великой Отечественной, закупал продовольствие и создавал условия для получения золота, валюты, необходимого сырья.

Вилли Мессершмитт прилетел в Москву и попросил встречи со мной. Он всерьёз опасался, что его выдадут Соединенным Штатам, или его выкрадут. Он написал прошение о гражданстве СССР и просил защитить его от нападок со стороны прессы "свободного мира", как гордо называли себя американцы. Кроме того, его очень интересовали те самолёты, которые работали во Вьетмине, естественно. Когда был получен положительный ответ Сталина о гражданстве, мы поехали с ним в один из полков Московского округа ПВО, а оттуда на 31 завод, где собирали "Сухарики".

— Но ведь ничего общего нет! Почему все кричат "Мессершмитт"?

— Не верят, что "лапотная Россия" могла создать реактивный самолёт. А фактически, никто, из оставшихся в живых, их всего двое, может быть и меньше, не видел этого самолёта вблизи. Ближе трёх километров самолёты не подходили. Только во время атаки, с расстояния 1200 метров.

— А почему нет, собственно? Ещё во время войны у вас были самолёты, превосходящие наши поршневые машины. Только потому, что во время войны у вас не было реактивных? Так и у нас они появились только-только. А как вы справились с помпажом? Я смотрю, что двигатели у вас, как и на HGIII, довольно глубоко утоплены.

— Они за кабиной, даже глубже, чем у вас. Но, там другие двигатели, не BMW и не UMO. Схема, предложенная ими, на сверхзвуке не работает.

— Он – сверхзвуковой?

— Да, максимальная скорость 1.8М на форсаже.

На заводе Мессершмитт внимательно осмотрел процесс сборки, отдельные узлы и детали.

— Вот эта деталь сделана не верно, вот здесь вот обязательно возникнет люфт. Вот смотрите. Лучше сделать вот так вот, — и он набросал от руки вывернутую деталь бустера.

Я отдал эскиз стоящему рядом Павлу Осиповичу. Ещё Мессершмитт был очень недоволен грязью и организацией потока. И пригласил Сухого к себе на завод.

— CAO "BAF" было бы заинтересовано приобрести у вас лицензию на производство таких машин, господин Сухой и господин Титов. Для вооружения ВВС СССР и объединённых сил в Европе. Вы создали поистине революционный самолёт, господин Сухой! С огромным резервом для модернизации. Я восхищён. Но, некоторые узлы и детали можно сделать гораздо лучше и надёжнее. Минимум тонну веса можно сэкономить. Я могу переговорить с CAO "BMW" и о производстве двигателей TP-2 и их модификаций. Мы готовы стать и вашими поставщиками узлов и механизмов. Особенно это касается уплотнений и резиновых деталей. Вот это вот – не качество! Это – брак! — и он откинул в мусор какой-то сальник.

Мы переглянулись с Сухим. Пионер реактивной авиации отчётливо понял, что глубоко отстал, что догонять можно только с копирования. Но, благодаря нему, можно поднять качество машин.

— Ваше предложение будет рассмотрено, господин, извините, товарищ Мессершмитт. Но, для этого требуется решение на уровне правительства.

— Да, конечно. Я не думаю, что это будет решаться мгновенно. Но надеюсь, что этот вопрос не будет тянуться бесконечно.

В тот же день я сообщил о его предложениях Сталину.

— Так ведь половину из них можно забирать в счёт репараций! Думаю, что это надо поддержать, — резюмировал Сталин.

— Необходимо, чтобы Министерство Госбезопасности поработало на CAO "BAF", и создало соответствующий режим.

— Передайте в МГБ моё распоряжение об этом. Похоже, что американцы не успокаиваются, они решили наказать Вьетминь и подтягивают на Филиппины свой 7-й флот.

— Атомных бомб у них больше нет. Так что, постараются вбомбить с авианосцев и из Манилы. Надо перебросить в Ханой планирующие бомбы, х-10 и РБм побольше. И полк Ил-28 с новенькими климовскими движками.

И устроить им второй Пёрл-Харбор.

— Но сам будешь находиться в Москве. Есть сведения, что тебя искали в августе.

— Не проблема, есть кому командовать: Ермаченков.

Американцам позволили развернуться и войти в Тонкинский залив. Они произвели налёт на пригород Ханоя. На отходе взлетели Ил-28 и Су-3. Американцы наступили на те же грабли, как и фон Кюхлер. Мы активировали ПВО авианосцев и ударили ракетами и планирующими бомбами по ним. Не входя в зону действия их ПВО. На одном из "Эссексов" сдетонировали авиабомбы и авиабензин. Его разорвало на мелкие кусочки. Второй с огромным креном не мог принимать самолёты и медленно тонул. Третий с повреждёнными рулями описывал циркуляцию, не давая возможности сесть самолётам. А у них кончалось топливо. В этот момент появилась ещё одна девятка Ил-28 и сбросила самонаводящиеся акустические торпеды, которые завершили разгром 7 флота. Наши потери: два торпедоносца.

США начали мирные переговоры с Вьетминем в Женеве.

А мы запустили реактор в Озёрске и начали получать плутоний в промышленных масштабах. Сталин подуспокоился. Было заметно, что последнее время он сильно нервничал. На декабрь была запланирована денежная реформа. Но карточки пока решили не отменять. В октябре меня отпустили в отпуск. Мы провели месяц в Крыму на "Ворошиловской даче" N 1. Там я познакомился с ещё одной исторической личностью: Семеном Михайловичем Будённым. Оболганный современными "историками", он выглядит как "длинный ус – короткие мозги". На самом деле, он был непревзойдённым мастером маневренной войны. Не надо забывать о той роли, которую реально сыграла наша кавалерия Великой Войне: "В прорыв вошли танки и казаки..." – это звучало приговором: фронт прорван, сопротивление бесполезно. И не надо забывать, что кавалерия и сельское хозяйство – практически одно и то же. А роль Будённого в создании современной кавалерии трудно переоценить. Принципы, заложенные им, сохранились и в современных мобильных силах. Изменились лишь средства доставки, а так: всё своё ношу с собой или забираю у противника. Так как ответственность за ВДВ с меня никто не снял, наоборот стали больше требовать, я с большим интересом слушал рассказа маршала, особенно, об отступлении на Южном фронте, где и проявился его полководческий талант. Который так и не был оценён при жизни. Оттеснили его более молодые и успешные. Хотя, я думаю, что если бы Закавказским фронтом командовал он, а не Тюленев, Ростов был бы взят

ещё зимой.

Я вспомнил его не просто так! Дело в том, что по возвращению в Москву, выяснилась одна пикантная особенность моей новой должности: мне предстояло принять парад на Красной Площади! А ЗиЛ-117, памятный мне по всем остальным парадам, в которых я принимал участие, начиная с первого курса Калининского Суворовского училища, ещё не был изобретён! А куча маршалов и генералов от кавалерии и артиллерии была весьма недовольны тем обстоятельством, что команду теперь я. 2-го ноября мне подвели злющего, молодого "кобеля" ахалтекинской породы, вороной масти. Сказали, что это "любимец Сталина", и что на нём я буду принимать парад. Понятно, для чего это было сделано: показать Сталину, что новый министр обороны не соответствует своей должности! "Даже парад принять не может!". А чёртов жеребец так и норовил меня цапнуть, порвал зубами мне брюки и поцарапал руку. Всё время плясал подо мною, норовил перейти на галоп, и совершенно не слушался. Я про себя подумал, что я обязательно докопаюсь до организатора и зачинщика этой провокации, и службу он будет заканчивать в Чукотском национальном округе, погоняя лаек! Я совсем не кавалерист, в детстве на ишаках в школу ездил, когда поймать удавалось. До школы в Тюра-Таме было далеко, до станции три с половиной километра и по степи. Если видели ослон, то обязательно ловили и ехали до станции. Главное – поймать! А там: сел на круп и рукой по заднице бьёшь, он и "едет"! Вот только брюки после поездки долго чистить! Любят ишаки в пыли поваляться! Весь мой опыт! Не считая двух поездок по Алтаю на смирных прокатных лошадях какого-то турлагеря на Бие. Ну, и, слушали мы, с Людмилой, рассказы маршала Будённого на конных поездках по Крымским горам. Он лошадей любил, брал их на каком-то конезаводе и много рассказывал о повадках лошадей. В первый день, я едва усидел на Тереке, так звали жеребца. Подозвал Львова и, на ухо, попросил привезти сахару и хлеба. И то и другое – по карточкам! Значит, только из коопторга! Усмехающийся майор Овчинников ушёл, а я остался. Приехал Львов, привёз всё, что я просил. Часа четыре я уговаривал и кормил этого упряма. В конце концов, он разрешил мне почесать себя за ушком, и пару раз лизнул меня горячим шершавым языком. На следующую ночь он вёл себя уже спокойнее, но, всё равно, немного шарахался при криках "Ура" и, особенно, при выстрелах из пушек. 6-го ночью появился Будённый, отругал всех за выбор Терека, но менять, что-либо, было поздно.

— Подкручивай левой! — сказал Семён Михайлович, и показал как.

Перед выдохом батальона, приходилось крутить на кулак поводья и

давать лёгкие шенкеля. Терек стоял, но перебирал ногами. Когда показывали киносъёмку, мы, вместе с Семёном Михайловичем, вырезали (дали команду вырезать) очень много плёнки. Салют на Параде Терек отстоял как вкопанный, но, под жёсткими шенкелями. Правда, когда он оступися и чуть проскользнул на брусчатке площади, мне было не до смеха. Но он быстро выровнялся. В жизни не забуду этот парад! 9 ноября я, вскользь, на совещании упомянул, что смотрю войск я теперь буду принимать на И-16. Более строгой машины хрен придумаешь. А в ЧАНО поехал Мерецков! Дошутился! Армия есть армия! Чуть расслабился, и тебя уже ни во что не ставят! Я "умирал" на марш-бросках под РПГ-16 с семью выстрелами и полной боевой за плечами, но никогда меня не "несли". "Полз" сам. Дрался в кровь, но всегда побеждал или уходил не побеждённым. Либо тебя принимают в эту семью, либо ты для неё не создан! И никакие "матери от солдат" не помогут. Здесь нельзя кричать в эфир: "Мне п-ц, меня атакуют!" Стоит один раз "прогнуться", и тебя в грош ставить не будут. А ребята мои знают, что не струшу и не подведу, а если что не так, то отомщу, как с Иваном. Но, это ниже, а наверху это напоминает банку с пауками. И "точно мухи тут и там...". Главное оружие! В общем, началась "необъявленная война" между мной и старожилками Арбатского Военного округа. Работа, в основном, бумажная, приходилось вчитываться в каждую строчку, в каждую запятую, написанную этими стервецами. Так как оправдания они всегда находили именно в бумажках и синтаксисе. А толковых замов, которым можно было бы доверить участки, пока не было. После войны все считали, что главную работу выполнили именно они, и без них – победа никогда бы не состоялась. Особенно этим грешило Политуправление. Я дважды подходил к Сталину и просил снять меня с этой должности. Но он отмахивался от меня, как от мухи.

— Подбирай людей, кадры решают всё. Тебя для этого сюда и поставили.

При этом, он никогда не забывал спрашивать и обо всех остальных "поручениях". В общем, до июня я, каким-то чудом, дотянул, хотя спать приходилось меньше, чем на фронте, а там состоялся первый послевоенный выпуск академии Генштаба и остальных академий, где учились фронтовики, и те люди, которых я лично знал. К этому времени и у меня уже сложились первые впечатления об исполнителях. И началась "большая чистка Арбатской пыли"! Она и в РеИ тоже была: тыловики меняли на фронтовики. Но, многие из тыловых крыс, в последний год войны, успели сбегать на фронт и отметиться. А потом кричали на каждом углу о своих заслугах.

В конце июня 46 года мы сбросили и взорвали РДС-2, но перед этим, в лаборатории физики высоких температур ФИАН произошёл взрыв неуставленной природы, погибло 5 человек, несколько человек ранены, в том числе и моя Людмила. Я начал платить за своё прогрессорство. Лучше бы она пошла преподавать в школу.

Я не поверил в случайность взрыва. Она не должна была находиться в том месте. Её туда вызвали перед самым взрывом. Там что-то нагревали лазером. Люда – единственный любимый человечек, которому я целиком и полностью доверяю. Но, сейчас она в госпитале, состояние критическое, в сознание не приходит. Если она умрёт, я останусь совсем один. В этом случае, можно смело ожидать появления какой-нибудь мадам с томным взглядом в непосредственной близости.

Единственный вопрос: кто работает? Американцы или наши.

Есть, конечно, два сына, но одному 4 года, а второму год и 4 месяца. И нужен кто-то, кто за ними присмотрит. Бабушка! Вот только, как её уговорить! Она преподаёт во Фрунзенском училище лётчиков. Я вписал себе в план посещение 14-го полка. Всё должно быть естественным и не вызывать подозрений ни у кого. Но, первым об этом заговорил Сам!

Он вызвал меня на дачу на следующий день после происшествия.

— Детям нужен кто-то, кто заменит им мать, в случае, если лечение не принесёт успеха. Состояние Людмилы Юрьевны крайне тяжёлое, я сегодня звонил товарищу Бурденко. У тебя должны быть родственники, кроме отца, которых ты хорошо знаешь.

— Только бабушка, мать отца.

— Где она?

— Точно не знаю, должна быть во Фрунзе или в Питере. Точно знает только отец.

— Слетай к нему! Чужих в дом не пускай! Крепись, Сергей.

Он, тоже, не поверил в случайность этого взрыва. Но, первое, что я сделал, приняв должность Министра, это создал собственную службу безопасности. Я поговорил со Сталиным, и вызвал к себе Кузнецова.

— Фёдор Федотович, после событий в Оттаве, ГРУ СА практически перестало существовать, работает только ваше Управление. Попытка бегства Гузенко слишком болезненно ударило по разведывательным структурам армии. Есть мнение поручить вам восстановление войсковой и стратегической разведки Советской Армии. Как вы смотрите на такое предложение?

— С кем согласовано такое решение, товарищ маршал. Дело в том, что

последнее время на нас оказывается сильное давление со стороны других специальных служб. И ходят упорные слухи, что нас вот-вот полностью ликвидируют. И Меркулов, и Берия неоднократно поднимали этот вопрос, но он пока завис без решения.

— Решение принято. Идёт подбор кадров.

— Это очень хорошо, товарищ министр. Мне казалось, что вы совсем не уделяете нам внимания.

— Не было повода вмешаться в спор между разведслужбами, Фёдор Федотович. Тем более на фоне скандала с Гузенко. Сами понимаете, я недавно назначен, и вы видели, как первое время было тяжело справиться с имеющимся наследством.

— Всех раздражает ваша молодость, товарищ маршал.

— Этот недостаток со временем проходит. Если вы помните, именно при мне хорошо заработала авиаразведка на фронтах. Так что, меня несколько сложно обвинить в том, что я недостаточно внимания уделяю разведке. Тем не менее, спасибо за откровенность. Поехали.

Мы отправились с ним на дачу к Сталину, где Сам лично подтвердил мои слова о том, что никакого расформирования армейской разведки не произойдёт, наоборот она будет усилена. Поэтому непосредственно в Москву была переведена и расквартирована 15 бригада осназ ГРУ и 45-й разведывательный полк ВДВ.

Бабушка оказалась в Ленинграде. Год назад уволилась из армии, и работала в училище имени Фрунзе, недалеко от дома. Всё сложилось довольно удачно, так как 14 полк стоял в Кронштадте, поэтому Пётр сам пригласил меня к себе (ну, или я набился, так вернее будет), а он жил с мамой. В этой войне бабушке повезло больше, чем в той. Она не получила инвалидности, но её второй муж, лётчик-бомбардировщик АДД, также погиб, но в Померании. Пётр командовал эскадрильей и собирался поступать в Москве в Академию ВВС. Сидел ночами, готовился к экзаменам. Поэтому, когда я попросил помочь, они оба согласились это сделать. Евгения Владимировна переселилась к нам. За мальчишек можно было не беспокоиться.

Теперь надо смотреть, как развернётся следствие по делу: если всё свалит на случайность – значит, работало МВД или МГБ, если кого-то найдут, значит, появятся и заказчики. Ну и ждать появления "красавишны". Наиболее опасно, если работают свои. Эти ни перед чем не остановятся. Слишком много на кону. Все отчётливо понимают, что Сталин не вечен, а я – ключевая фигура.

Сталин поручил Кузнецову внимательно присмотреться к делу гибели

5 человек в ФИАНе, мотивировав это тем, что ниточки могут идти в сторону США и других спецслужб.

— Не знаю, в курсе вы или нет, но среди раненых молодая учёная, с помощью которой, были созданы новейшие дальномеры, которые уже приняты на вооружение армии и флота. К тому же она жена вашего министра. Постарайтесь найти виновников.

— Я могу сослаться на вас, товарищ Сталин? Скорее всего, возникнет конфликт между нами и МВД.

— Нет, но можете сослаться на него. Он вам поручил. Но, вы в курсе, кто на самом деле просит об этом.

— Так точно, товарищ Сталин. Проверим по всем каналам.

— И возьмите под охрану госпиталь, в котором она находится. Контролировать всё! В том числе, лечебный процесс. И возьмите под охрану самого министра и его квартиру. Вот здесь можете сослаться на мой приказ. Вот он.

Скандал возник практически сразу, как только "волкодавы" ГРУ не пропустили в палату следователей МВД. При попытке оказать сопротивление, "следаки" были мгновенно обезоружены и связаны. В карманах одного из них нашли медленнодействующий яд, разработки лаборатории МГБ, который после применения нельзя было обнаружить. Его "взяли в разработку" и он "поплыл". Сталин буквально взбесился, когда узнал, что "работали" свои. Прямо во время доклада Кузнецова снял трубку и приказал Судоплатову и Абакумову взять под арест Меркулова и Берию. Меркулов открутился, потому, что серия этого яда выдавалась по распоряжению Берии. Но должность министра МГБ он потерял, как и работу в органах. Берию от расстрела спас взрыв "РДС-2". Он получил на всю катушку – 25 лет. В деле было много неясностей, часть людей, привлечённых по делу, были давно за штатом, видимо работали ещё на кого-то. Но, на определённом этапе, все ниточки обрывались. Было ещё несколько "странных" смертей. Явно, что работали не только наши, но и ещё кто-то. Поэтому, основным обвинением прозвучало "Шпионаж в пользу иностранного государства". Состояние Людмилы было стабильно тяжёлым. Лишь через три недели она пришла в себя.

Я был на совещании в министерстве, решался вопрос о демобилизации лиц 1922 года призыва. Вошел Львов, менять которого я отказался и положил на стол записку: "Она очнулась!". Я извинился перед присутствующими и вышел из кабинета. Пока ехали до госпиталя, мне казалось, что машина еле тащится, и я с трудом себя сдерживал, чтобы не

поторопить водителя. Возле палаты пост, меня знают, но попросили расписаться в журнале. Вошёл. Люда спала. Поправил ей руку, выпавшую из-под одеяла, присел на стул, смотрю на неё. Голова замотана бинтами, под обоими глазами уже жёлтые синяки-очки: перелом шеи, губы опухшие, потрескавшиеся, волос не видно. Вошел Бурденко, взял планшет, висящий на спинке койки, читает. Смотрю на него.

— Па-ша, — слышался хрип.

Повернулся, Люда приоткрыла щёлочку одного глаза. Второй не открывается, заплыл.

— Что... детьми...

— Всё в порядке, — и целую ей руку.

Тут Николай Нилович начинает меня выпроваживать из палаты: "Все, молодой человек! Всё!!! Ей нельзя много разговаривать!" Вошла медсестра и протёрла губы Людмилы.

— Пи-ить...

Бурденко буквально вытолкнул меня в коридор. Я подошёл к высокому окну и посмотрел во двор. Там прогуливались выздоравливающие в одинаковых коричневых халатах. На дворе лето, кто медленно прогуливается, кто играет в шахматы на скамеечке. Спустя минут десять вышел Бурденко.

— Павел Петрович! Кризис миновал, судя по всему. Слава богу, что с памятью всё в порядке и рука шевелится. Пальцы на ногах тоже. Судя по всему, спиной мозг повреждён незначительно.

Бурденко вытащил из кармана какую-то упаковку, извлёк оттуда таблетку и сунул себе в рот. Видимо не очень хорошо себя чувствовал. Я не стал задавать вопросы.

Через неделю разрешили привести детей на пять минут. Серёжка расплакался, когда ему сказали, что всё, надо ехать домой. И тихонько поскуливал всю обратную дорогу. Юра ничего не понял и мирно посапывал у меня на руках. В машине он постоянно спит.

Мне не понравилась скорость действия нашей правоохранительной машины: через четыре дня после ареста Специальное судебное присутствие Верховного Суда СССР уже вынесло приговор. Больше походило на расправу. Невозможно за столь короткий срок провести полноценное расследование.

Поэтому я попросил Сталина познакомиться с делом о взрыве и со всеми документами.

— У меня такое впечатление, товарищ Сталин, что кто-то прячет концы в воду.

Сталин внимательно посмотрел на меня. Спустя несколько минут, он махнул трубкой. Этот жест обычно означал, что он согласен.

— Хотя юридически ты не имеешь право это делать, одна из пострадавших твоя жена, но посмотри, разберись, что там на самом деле. Может быть, ты и прав!

— Да я не сам этим буду заниматься. Есть несколько военных прокуроров и следователей, которых я знаю несколько лет, вот они и займутся. Надо только передать дело из Генеральной Прокуратуры в военную. В деле фигурируют военные, и немалых чинов, поэтому всё законно.

Сталин позвонил Вышинскому и приказал передать дело о взрыве в ФИАН в военную прокуратуру.

— Титов пришлёт людей сегодня.

Вышинский не хотел отдавать громкое дело, начал отговариваться, но Сталин рывкнул в трубку, что вопрос уже решён.

— У вас есть вопросы, товарищ Вышинский?

Вопросов не последовало. Дело передали полковнику юстиции Курчевскому, который был у меня в распоряжении, когда я работал в Ставке. Я знал его как умнейшего, въедливого следователя и честнейшего человека. После этого в деле произошёл крутой поворот: вылезли "уши" АК, американцев и IV Интернационала, троцкистов.

Я и Курчевский пришли к Сталину через месяц, и Курчевский ввел его в курс дела. После этого сказал ему, что Берия – невиновен. Да, яд, обнаруженный в кармане исполнителя, действительно из партии, разрешение на получение которой подписывал Берия, но использовался он в другой операции, при попытке устранения одного из руководителей АК. Покушение не удалось, и ампула с ядом оказалась у АК. Через них – у завербованного американцами следователя по особо важным делам МВД. А тот оговорил Берия по заданию американской разведки. Одним ударом они хотели дотянуться и до меня, и до Берии. Сталин, слушая доклад, ходил по кабинету и, молча, курил. Курчевский замолчал.

— Как получилось, что в ведомости на выдачу яда оказалось подпись именно Василевского?

— Он был одним из оперативников, работавших в Варшаве. Там его и завербовали. А уже потом Берия поставил его следователем по особо важным.

— Берия жив?

— Да, находится в Бутырской тюрьме, в одиночной камере. Вот постановление об освобождении из-под стражи.

— Павел Петрович, привези сюда этого подлеца!

Я привёз Берию на дачу Сталина, по дороге мы почти не разговаривали. Я не заходил в тюрьму, освобождал его Курчевский, который подвёл Берию к моей машине, открыл дверь и показал жестом Берию садиться. Тот нагнул голову и увидел меня:

— Титов, я не давал команду убить твою жену.

— Я знаю. Садитесь, Лаврентий Павлович.

Он сел и повторил фразу. Чуть оглядевшись, спросил:

— Куда ты меня везёшь? Я не приказывал убить твою жену!

— К Сталину, он просил вас привезти.

Я присутствовал при разговоре Сталина и Берию. Как только Сталин его ни называл: и остолопом, и подлецом, и дураком: "Где были твои глаза, — последовало длинное ругательство на грузинском, — когда ты пригревал на груди эту змею Василевского?" Ну и в таком духе. Поэтому, я сидел в кресле и слегка улыбался. Это заметил Берия, который, несмотря на испуг, всё-таки, наблюдал за обстановкой.

— А почему он улыбается? — спросил он у Сталина.

— Потому, что ты ему жизнью обязан, дурак! Если бы он не забрал дело у Вышинского, ты бы поехал на Колыму, а там у тебя о-о-очень много "крестников".

Берия повернул голову ко мне и почти прошептал: "Спасибо, Павел!"

— Всё, езжай мыться! И наведи порядок в тюрьмах. Теперь сам знаешь, каково оно там! Отвези его, Павел Петрович.

Дело Берию пересмотрели в связи с вновь открывшимися обстоятельствами. Приговор отменили. Влепили строгий выговор по служебной и по партийной линии. Но, мне показалось, что он сломлен. Уж больно преданно он смотрел на Сталина.

В середине августа Людмилу разрешили перевезти в Крым для продолжения лечения. Она ещё не ходила, плохо подживало колено, но дело шло на поправку. Мы вновь поселились на даче N 1 Министерства Обороны, которую доукомплектовали врачами санатория ВВС. Они взялись за её коленку вплотную. Остриженная голова несколько её раздражала, но я её успокаивал, что волосы не голова, отрастут и скроют два здоровенных шрама на задней части головы. Кроме того, у неё ожоги на спине, они постоянно чесались, так как начали подживать. 27 августа она сделала первые несколько шагов, без костылей.

— Всё! Умница! Хватит на сегодня!

— Нет! Я должна ходить! — и она упрямо продолжала делать

небольшие шаги. Лоб покрылся испариной. Я подхватил её на руки и понес к креслу-каталке.

— Не хочу сидеть! Хочу ходить!

— Хватит, солнышко! Надо понемногу давать нагрузку.

Я много думал о произошедшем: Сталин, который мгновенно отдал команду арестовать двух министров, мне очень не понравился. Слишком импульсивен, а аппарат, настроенный им самим, слишком слепо исполняет его указания, как собаки: дали команду "фас", все сомнения в сторону, только вперед, и доложить об успехе. Да, конечно, именно в их ведомствах произошло предательство, они, конечно, виноваты в этом, но если из-за каждого предателя расстреливать министра, то никаких министров не напасёшься. С другой стороны, отпустить их в "свободное плавание", как было при Брежнев, где министр и его семья были неподсудны и неприкасаемы, тоже не дело, но как уловить эту золотую серединку? Нужен чёткий кодекс: это – рабочий момент, а это – преступление. И основное: вина должна быть доказана неопровержимо. Нужен специальный орган, который будет действовать по закону, а не по команде.

Берия приехал к нам на дачу в начале сентября. Он не был знаком лично с Людмилой до этого, из-за маленького ребёнка она ни на какие торжества не ездила, и, вообще, немного сторонилась "кремлёвских дам". Видимо, Лаврентий Павлович решил лично познакомиться с человеком, из-за которого его чуть не угрохали. Он привёз много отличного вкусного вина, а его ординарцы вовсю хозяйничали в парке, готовя шашлыки и барбекю. Мы сидели в тени башенки дачи, Серёжке было более интересно помогать готовить шашлыки, поддерживать огонь и подносить воду, Юрий, естественно, забрался к маме на ручки, а мы сидели справа и слева от Людмилы и наслаждались вкусным вином, приятным ветром и дразнящими запахами кавказской кухни.

— Людмила Юрьевна! Я заехал погостить и познакомиться, заодно ещё раз поблагодарить Павла Петровича, что он добился нормального расследования моего дела. Я смотрю, что ваши раны пошли на поправку. Обидно, наверное: всю войну пройти, а после войны получить такие раны.

— Когда меня из армии уволили, мне Павел сказал, что у него опять 41 год. Я не поверила. А напрасно!

Берия с некоторым удивлением посмотрел на меня.

— Был такой разговор. Я как чувствовал, что война не закончилась, а только начинается, Лаврентий Павлович.

— Слушай, Павел Петрович, давай на "ты" в неслужебной

обстановке! — и он поднял бокал, приглашая выпить на брудершафт. Выпили и поцеловались. Кавказ любит традиции!

— Я этого стервеца не раскусил, обидно! Всегда он был исполнительным и точным, никаких зацепок. Я читал его показания у Курчевского. На золоте взяли. Жадным оказался, сволочь. Кстати, очень качественно работал Курчевский. Ты давно его знаешь?

— С конца 43 года. Он входил в мою "команду", как представителя Ставки. Там и обратил внимание, что очень умный и дотошный следователь. И объективный. Ну, и после войны, он много работал по предателям, шпионам и полициям. Ещё опыта набрался. Мне во всей этой истории не понравилась быстрота действий Генеральной Прокуратуры и Вышинского. То, что Сталин может вспылить и рявкать — все знают, но почему так: раз-два и приговор! Почему по-серьёзному не разобраться, что случилось?

— Не любит меня Вышинский, давно не любит. Меня многие не любят. А кто отменил ВМСЗ?

— Сам. Все молчали. Я — тоже. Он, к тому времени, ещё не отошёл. Удалось поговорить с ним на эту тему только через пять дней.

— Понятно, спасибо. Ты Его меньше знаешь, поэтому не боишься. Да, да, это заметно. Ты и меня не боялся, это было видно. Иногда хотелось "шугнуть", но я понимал, что человека с таким количеством боевых вылетов просто так не напугать. Да и поводов ты не давал. Видишь, как всё сложилось: не держал ты на меня обиды, вот и помог, а те, которые боялись, решили воспользоваться случаем. Давай за это и выпьем! За человеческие отношения!

Принесли стол и удивительно вкусные шашлыки, быстро расставили сервировку. Ординарцы у него были вымуштрованы до предела. Берии хотелось выговориться: шок от ареста ещё не прошёл, да и, как он сам сказал, били его на допросах очень крепко, пока не появился Курчевский.

— Я издал приказ, запрещающий применение физического воздействия на арестованных и заключённых. И подал ходатайство о включении этого в УК. Поддержишь?

— Если мне зададут вопрос, несомненно. А так — не моя епархия. Предпочитаю не соваться в чужой монастырь.

Он пробыл у нас три дня, потом уехал в Гудауту.

А вот и "красавишна"! Приплыла по морю в то время, когда я хожу купаться! За дачей явно наблюдают! Видимо, из Ласточкина гнезда. Вышла из морской пены и красиво упала! Сыграно отвратительно! Не верю!(С) Ей лет 17–18. Бюст 4 номер, достаточно крупная задница. Я, даже, знаю её имя

и фамилию, довольно известная советская актриса, в моём времени. Видимо, используют втемную. Вызвал охрану, и попросил отвезти, куда скажет. И установить наблюдение. Студенты ПедВуза в это время обязаны сидеть в аудиториях, а не пересекать заливы Чёрного моря с целью познакомиться с Министром Обороны. Пауза затянулась, она осталась лежать на пляже. Бесчеловечный министр сходил сам за охраной, а возле "Венеры" стоял его "верный пёс". Может быть, он и договорился с ней о свидании! Не знаю! Но меня разбирал смех, и я, поэтому, сбегал в дом. Всегда смешно наблюдать за постановкой режиссёров-неудачников. Ну, вы и влипли, ребята!

— Костоломы! Это не осназ ГРУ, а обыкновенные костоломы! Зачем требовалось ломать руку и челюсть известному советскому режиссёру?

— Так, товарищ маршал! Он же убежать хотел!

— И что? Он бежит быстрее вас? Может быть, его взять в осназ?

— Да нет! Медленнее. Просто по привычке, товарищ маршал.

— А на фиг нужен был перелом копчика?

— Ну, товарищ маршал! Так он идти не хотел! Не на себе же волочь алма-атинского героя!

— Лентяй ты, старший лейтенант Мосолов, Роберт Павлович! А ещё разведчик! С фронтовым опытом! Три выброски в дальний поиск. Три ордена! Как тебе не ай-яй-яй! Благодарю за службу! Свободен! На пять суток! Отдыхай, капитан Мосолов!

— Служу Советскому Союзу!

В Ласточкином гнезде взяли всех. Определили, кто был наблюдателем, кто координатором. На берегу, откуда стартовала "красавишна", ещё двоих, но это – "массовка" с Мосфильма. Режиссер приказал, они и выполнили, дескать, для фильма требуются. Плюс, снятый ролик выявил ещё одного человека, за которым пошла "наружка". Подключилось местное управление МГБ и пограничники. Двух человек взяли на "закладке". Один из них – сотрудник американского посольства в Москве.

В тот же вечер в ресторане "Морской Вокзал" города Ялта за вторым столиком от эстрады, офицеры 15 бригады обмывали 4-ю звезду самого бесперспективного, но самого везучего офицера бригады: уже капитана Мосолова.

— Мужики, наливаем! Робик! За тебя! За то, чтобы разменять это на большую звезду и зигзаги. Ты единственный из всех наших вернулся с группой из Восточной Пруссии, 12 групп посылали! И сейчас тебе опять повезло! Так бы и сидел в старлеях! За тебя! Вздрогнули!

— Уф! Что ты заладил: повезло-не повезло! Я не об этом! Когда министр ругаться начал, я себя уже опять лейтенантом вообразил! А министр – ничего мужик, хоть и на маршала не похож.

— Ну да! Я слышал, что он войну лейтенантом начал, в 41-м. Ты, Роб, когда на фронт попал?

— В 44-м.

— А он с 41-го! Ты много живых лейтенантов 41 года видел? — Мосолов наморщил лоб.

— В бригаде? У нас таких нет.

— А он маршалом стал! Но, говорят, за наши спины не прятался. На фронте ведь много разных мест, сам знаешь. Чем дальше от фронта, тем больше орденов и звездочек.

— Ну, мы тоже не на передке сидели, а с орденами у нас не густо. Да и состав сменился не один раз. Остались только те, кому повезло.

— Ну, ты сравнил! Мы – разведка, а он – лётчик.

— Да тоже самое, если летаешь. А он летал, до самого конца войны. А пуле всё равно: маршал ты или сержант.

— Так, наверное, всей дивизией или армией охраняли!

— Ты – дурак? В самолёте он один! Прикрывай, не прикрывай. Что лейтенант, что генерал. Вон слышал, генерал-лейтенант Полбин – сбит под Берлином. Это как на выходе: повезло – прошёл, не повезло – заполняй похоронки. Что-то мы с темы съехали! За тебя, везунчик!

В конце отпуска Людмила, наконец, пошла самостоятельно и без больших усилий. Прихрамывала, но упорно и много ходила. Нам всем отпуск понравился. Мы загорели, накупались, опять катались на лошадях, походили на катере. Мальчишки, оба! научились плавать. Пора было возвращаться в Москву. Дома нас всех ждал большой сюрприз от Сталина: две Сталинских премии, и мне, и Людмиле. Нас прямо на аэродроме начали поздравлять. В том же указе премию получил и Берия. Остальных наградили, но указ был "закрытым". В печати не публиковался.

У нас появилась отличная дача. Правда, посёлок был полностью закрытый. Фактически, там проживали только физики – участники ядерного проекта. Многие из них стали академиками. Зато соседство было приятным и не обременительным. Здесь нас все знали, да и мы знали всех. В отличие от "той" истории, Сталин ограничил общение этих людей с остальной Москвой. Посмотрим, что из этого получится. Коммуникации все подвели, а дома предлагались 5 проектов. Можно было вносить свои изменения в проект. Мы, правда, въехали в уже полностью готовый дом, но,

только потому, что отсутствовали в Москве, а Сталин сам готовил нам подарок. Насколько я понял, идея принадлежала Берии. Он же и занимался строительством. Он – инженер-строитель по образованию. Людмила, Евгения Владимировна и дети переехали под Москву практически на постоянной основе. А мне была удобнее старая квартира: ближе к работе и к Кремлю. Но, для детей, конечно, лучше жить за городом: и воздух чище, и общение с природой.

Я много времени проводил в командировках, так как занимался, в основном, новой техникой, особо нажимая на средства связи, ЗАС, кодирование. Затем улетел в Крым готовить лётчиков на "нитке". Вернулся только в конце декабря. Людмила окончательно поправилась и вышла на работу в ФИАН. В стране налаживалась жизнь. Шло большое строительство и восстановление разрушенного войной хозяйства. Неурожай, конечно, принёс некоторые неудобства, но был компенсирован поставками продовольствия из других стран. 31 декабря, вместе с Новогодними поздравлениями, были отменены карточки на основные продукты питания. Это очень воодушевило людей. Москва украсилась ёлками, звёздочками, большими и малыми флагами. Подходил большой праздник. Мы собирались вдвоём в Кремль на празднование Нового Года. Перед этим Евгения Владимировна и оба сына побывали там на утреннике. Людмила тщательно подбирала платье, сходила: сделала прическу. Повесила на пиджак ордена и медаль Лауреата Сталинской премии. Сегодня у неё первый выход в свет. Заметно, что она волнуется. Она – человек своего времени. Всё, что связано с Кремлём, для неё свято. Она не знает, что у меня совершенно другое отношение к этому заведению, и, что главная опасность для страны находится там и на Старой площади. Несмотря на увлеченность и занятость, она обратила внимание на то, что я смотрю на неё.

— Что-то не так? Я что-то не то одела?

— Да, нет! Всё хорошо, просто смотрю, какая ты у меня красивая!

Она засмушалась и подошла меня поцеловать.

— Помаду размажешь! И мне оттираться придётся! — Не пачкающиеся помады ещё не изобретены. Людмила, по моему настоянию, занялась физикой полупроводников. Я её свёл с Бергом. Она набрала команду таких же сумашедших молодых физиков и ринулась в атаку, работая по новой методике "мозговых штурмов". Вроде что-то даже получаться начало. Все, время, приехал Львов. Набрасываю куртку. Так и не привык к шинели. Садимся в "паккард" и через несколько минут проезжаем через Боровицкие ворота. На вход довольно большая толпа,

встали в хвост очереди и потихоньку продвигаемся вперёд.

— Товарищ маршал! Идите вперёд, вас пропустят!

Я отрицательно покачал головой. Они не понимают ещё, что с этого всё и начинается. Тут – без очереди, там – по распределению, здесь – в конвертике. И готово недовольство народа. Ближе надо быть к народу. Жить его жизнью и его интересами, корректируя их для достижения общей цели. Вошли, сдали вещи в гардероб, поднялись в зал. Нас рассматривают, не меня, ко мне привыкли, а пару и Людмилу. А что! Есть на что посмотреть! 4 ордена, без колодок, две медали и Сталинская премия. Высокая, 185, стройная, несмотря на то, что двое детей. Умница и красавица. Есть чему позавидовать. И одеваться умеет. Наш столик. Соседями у нас Саша и Маша Покрышкины. Очень приятная компания для встречи Нового года. Маша опять беременна, поэтому девочки сразу начинают разговор об этом. Мы обмениваемся новостями с Сашей, он сейчас учится в Академии, в этом году заканчивает. Получил генерал-майора. А я ищу глазами Голованова. Давно его не видел. Видимо, болеет, по-прежнему. Нет! Вот он. Я пошёл к нему, узнать, как идёт обучение на Ту-4 в 18 армии. Поговорить особо не дали, нас обоих повели на сцену в Президиум. Придётся нашим девочкам поскучать. Нам тоже. Со сцены вижу, что к нашему столику кто-то подошёл и разговаривает с Людой. Кто – мне не видно. Затем появилось Политбюро, праздник начался. Официальная часть довольно быстро кончилась, все потихоньку превратилось в обычное сельское застолье: много тостов, много вина и водки, учитывая, что водка стоит довольно дорого: 67 рублей, желающих выпить на халяву достаточно. Я уже пересел обратно за свой столик, и тут ко мне подошёл порученец Поскрёбышева.

— Просили передать: незаметно выходите из зала и пройдите в кабинет Сталина.

Сам Сталин ещё сидит в Президиуме. Сделал, как просили. В "прихожей" сидит Поскрёбышев, передал мне бумаги: забастовка в Гданьске, идут погромы, расстрелы коммунистов. Практически: восстание.

— Товарищ Сталин просил ознакомиться и подождать его.

— Я позвонить могу?

— Да, конечно!

Объявил тревогу 3-й и 7-й гвардейским воздушно-десантным дивизиям в Каунасе и Витебске и Балтийскому флоту в Калининградской базе. Испортили людям праздник! Ставлю задачу войскам выдвигаться к аэродромам, быть готовым к парашютному и посадочному десанту. Одновременно, по другому телефону слушаю доклады флотских

товарищей. Вошёл Сталин.

— Уже действуешь? Что докладывает Рокоссовский?

— Что справится сам, но, на всякий случай готовлю высадку с моря и воздуха.

— Пройди в кабинет, и работай оттуда. Закончишь – возвращайся в зал. Незаметно. Не надо портить людям праздник.

— Есть, товарищ Сталин.

Год увенчался большим успехом наших конструкторов: выполнил первый полёт М-3. Он значительно отличался от того М-3, который знал я. По конструкции он напоминал В-52Н и М-3 одновременно. 8 климовских двухконтурных ВК-4ф, по два на каждом пилоне, велосипедное четырёхстоечное шасси, стойки в конце крыльев. 24 огневых точки с новейшими НС-23. Радиолокатор и перегоночная дальность 17000 км. И бомбовая нагрузка – 20 тонн. Два бомболюка специально сконструированы для перевозки ядерных бомб. Утром 1 января "Правда" опубликовала фотографию летящего М-3 и основные тактико-технические характеристики машины. Мы обещали, что машина будет показана на салоне в Фарнборо в этом году! Классный новогодний подарок генералу Эйзенхауэру, который сменил Трумена, ушедшего в отставку по импичменту в прошлом году. Сенатская комиссия признала действия и приказы Президента Трумена по атомной атаке, без объявления войны, Вьетмина, противоречащими Конституции Соединённых Штатов. И впервые в истории США Президенту был объявлен импичмент.

Машина, правда, получилась просто золотой! Целая куча новых материалов: кованный титан, тантал, магний, новые сплавы алюминия, за них я боялся больше всего. Три вида пластика, первый самолётный радиолокатор, первый радиолокационный бомбовый прицел. Всё – первое. И очень дорогое. Сталин, когда увидел полностью все расходы, сказал:

— Вы ограбили всю страну, товарищи Титов и Мясичев. Если он не полетит, пеняйте на себя!

Полетел! Главное, чтобы его не "уронили" в течение испытаний. Дальше будет проще. Реально, Сталин посчитал дотошно и остальные расходы, и убедился, что благодаря сокращению направлений, мы стали экономить солидные суммы. Плюс, рынок вооружений, на который мы стремительно ворвались благодаря победе и уверенному выступлению против США, приносил стабильный доход в виде поставок недостающих товаров, технологий. Во Франции мы, при участии французских промышленников, выпускали большое количество товаров народного потребления. Эти товары легко находили своего покупателя, как у нас, так

и в других странах. Имеющийся у нас торговый флот, позволял доставлять эти товары по всему миру. Все "либертосы" остались у нас, и, пока не решились политические вопросы с США, эти пароходы будут работать. В прошлом году раздавались вопли из США, что надо арестовывать наши суда и принудительно отправлять их на разделку. Нью-нью, попробуйте! С М-3 на горизонте!

Под Уфой ударил мощный фонтан нефти. Приволжско-каспийская нефть полилась в закрома Родины. Бензин сейчас стоит 30 копеек за литр! Полцента! Потягаемся?

Совместно с немцами нами освоена целая линейка дизелей: как судовых и тепловозных, так и автомобильных. Немцы во время войны проявили просто чудеса экономии топлива, теперь эта экономия мощным потоком вливалась в нашу экономику. Начались большие работы по мелиорации зоны рискованного земледелия в Европейской части страны: знаменитый Сталинский план преобразования природы. По экономическим показателям, прирост ВВП составил невероятные 307 %. Рост доходов населения 57 %. За год!

Сталин с таким неподдельным восхищением рассказывал об этом.

— И всё это дала кооперация с основными европейскими странами! Да, здесь ещё и большой "кусоч" репараций, но, тот путь, по которому мы пошли, заказывая новые заводы по репарациям, приносит огромный доход! Мы стали выдавать кредиты! Рубль, после девальвации, уверенно котируется на биржах. Пора давать ему золотое наполнение и выводить в лидирующие валюты. Вот только Польша висит на ногах эдакой гирей. Даже американцы хотят купить у нас титан!

— Ни в коем случае, товарищ Сталин. Он им нужен для бомбардировщиков. Ни им, ни англичанам, ни одного кусочка титана. Это — стратегический материал.

— Так вот в чём интерес!

— А кто из наших посоветовал?

— Микоян, говорит, что цену дают очень хорошую.

— А он откуда знает, что мы начали его производить?

— Ты что, газет не читаешь? Было опубликовано сообщение статуправления СССР.

— Товарищ Сталин! Там, небось, и про уран есть?

— Ты что, с ума сошёл? Нет, конечно!

— Мы этими "отчётами" облегчаем работу ЦРУ. Это надо запрещать.

— Всегда публиковали, это имеет большое политическое значение, товарищ Титов. Требуется воодушевлять народ на новые трудовые подвиги!

— Товарищ Сталин, по новым материалам лучше этого не делать, а воодушевлять трудящихся рублём. А титан мы американцам продадим: есть у меня партия в 1000 тонн, которую один умник варил под аргоном, доказывая, что этим он повышает количественный выход титана из печи. Пусть помучаются! А по поводу публикации статистики: 99 % населения страны не знают, что такое киловаттчас, и совершенно не представляют, зачем нужен титан или магний. Им это неинтересно. В том числе, и для пропагандистов. Давайте им облегчим задачу, а разведке затрудним добычу информации. Потому, что это просто один из способов передачи информации вероятному противнику. И придуман он совершенно неспроста. Зачем что-то городить, если русские, по глупости или нашему злему умыслу, все сами нам и сольют. Ведь статистические цифры можно давать и без конкретики. Например: Цветных металлов выпущено столько-то миллионов тонн, а не по каждому из них. Цифра свою задачу выполнила, а противник остался с носом.

— Хорошо, будем менять. А почему ты решил продать титан, если только что говорил, что не надо продавать?

— Раз уж прозвучало, что мы его выпустили, и американцы заинтересовались, то мы им продадим партию бракованного металла. У титана, насыщенного аргоном, повышен эффект усталости. Он ведёт себя абсолютно не предсказуемо: только что выдержал большую нагрузку, а потом от щелчка рассыпался. Поковкой этот дефект не устранить. Эта партия металла – сплошной брак. Отомстим за некомплектную поставку установки по производству нейлона. Пока мы на ней выпускаем только капрон. Нейлон нам остался недоступным. Ведём исследования, и проектируем необходимое оборудование. Заодно, резко снизим интерес американцев к этому металлу.

Сталин поморщился, но потом разрешил проведение этой операции.

Великобритания заняла достаточно осторожную позицию по поводу участия во всевозможных союзах и организациях. Они хотели занять максимально выгодную позицию "ворот на запад". Они, по-прежнему, работали с американцами, но и не чурались нас, и остальную Европу. Одним из таких мероприятий стал авиационный салон в Англии: ежегодная выставка авиационных достижений. Ну и сборище всех промышленных шпионов, одновременно. Но, именно на двух крупнейших в мире салонах во Франции и в Англии, заключались самые большие контракты на поставку авиатехники. В прошлом году, салоны проходили в Рэдлетте и Ле Бурже, и мы, практически, не участвовали в этих выставках, показав только

устаревшее вооружение. В этот раз, мы решили участвовать на всю катушку, так как, по данным разведки, несколько стран Персидского залива решили сменить авиацию и ПВО. Поэтому за три месяца до начала, началась тщательная подготовка к предстоящей выставке. Мы готовили пилотажную группу на Су-3 и пилотажников на новейшем Як-18, двух модификаций: одноместном и двухместном. Я готовил индивидуальный пилотаж. Решили показать Ка-10 и двухмоторный Як-24, М-3, Су-3 и Су-3к – корабельный истребитель, Ил-10, Ил-28, Ил-28 т. Дико обиделся Туполев: в настоящее время 60 % парка бомбардировщиков составляли его машины: Ту-2 и Ту-4, но, ни одна из них на выставку не поехала: Ту-2 выставляли, но безуспешно, в прошлом году, а Ту-4 – лучше вообще не показывать, это нелегальная копия В-29. Кроме авиационной техники, мы представили новые зенитные установки, вычислители, ПУАЗО, индикаторы РЛС диаметром 62 см. Загодя выслали подготовительную группу в Англию. Наша делегация обратила внимание устроителей, что полоса в Рэдлетте короткая и узкая, что нашим самолётам будет тесновато на таком маленьком аэродроме. Англичане предложили Фарнборо, с самой длинной бетонной полосой в Англии. Мы согласились, после предварительного осмотра. К тому же, там было много ангаров и капониров, и можно было надёжно укрыть технику. Мне, как руководителю делегации, все уши прожужжали, что всё должно быть на самом высоком уровне, что мы защищаем честь страны и т. п... Действительно, у всех настрой был именно таким.

К 15 мая мы перебазировали всю технику в Раммштайн в Германии, там ещё раз всё проверили. 16 мая, в пятницу, получили разрешение на перелёт. Вначале отправили Як-18-е, затем вылетели вертолёты, потом штурмовики, средние бомбардировщики, а затем М-3 и все истребители, в качестве сопровождения. Позже всех вылетело 6 С-47 с оставшимся персоналом.

"Русский день" начался с посадки М-3. Несмотря на рабочий день, на поле и вокруг него очень много машин и людей. Огромный М-3 медленно заходит на посадку. Мы держимся в 400 метрах от него, и стараемся удержать машины в строю. Но скорость слишком мала, поэтому даю команду уйти на второй круг. Плаввно прибавляем обороты и проходим над Мясищевым в момент, когда он коснулся земли, растягиваемся из клина попарно и заходим на посадку. Касание, полоса очень длинная, поэтому тормозные парашюты не выпускаем. Диспетчер очень толково направляет нас к стоянке. На многочисленных поворотах стоят люди, и флажками показывают направление поворота. Зарулили. Глушу двигатели. Открыл

фонарь, неизменный Анатолий подал трап. На земле довольно много встречающих: и посольские, и англичане. Среди них маршал Тэддер. Последний раз мы виделись с ним в 44-м в Потсдаме. Как много воды утекло с той поры. Тогда мы даже не разговаривали. Знали, что предстоит померяться силой в воздухе.

— Добрый день, господин маршал! Рад приветствовать вас на земле Британии!

— Добрый день, господин барон! Я тоже рад видеть вас в добром здравии!

— Как долетели?

— Отлично, хорошая погода и хорошее сопровождение, — наши машины продолжали садиться на полосу и заруливать.

— Наконец-то, и ваша страна решила участвовать в нашем шоу! Оу, а это что летит?

— Два вертолёта. Им пришлось садиться во Франции на дозаправку.

— Дорогой маршал, а вы бы не могли показать мне ваш новый бомбардировщик? Насколько я понимаю, по программе, вход в него будет закрыт. К сожалению, у меня нет таких машин, которые могли бы удивить вас, как вы удивили всех в Тегеране. — Я улыбнулся, вспоминая последний день ноября 43-го года.

— Хорошо, господин маршал. Пройдёмте.

Мы пошли к стоящему гиганту, которому начинали делать послеполётное обслуживание. По боковому трапу поднялись на борт. Ещё жужжал вспомогательный двигатель, горели лампочки в переходах. Мы прошли в кабину. Тэддер, как бывший пилот бомбардировщика, был профессионал высокого класса. Он по-хозяйски расположился в кресле командира, покрутил головой, присмотрелся к приборам.

— А где место бомбардира?

— У вас за спиной, справа и слева.

— Экипаж?

— 16 человек полный, но допускается взлёт с восемью, без снижения безопасности полёта. Часть стрелков можно оставлять на земле. Автоматизация позволяет это делать. Ну, и в мирное время, можно летать с половиной экипажа. Экономичнее.

Заглянув даже в кормовую кабину командира огневых установок, Тэддер спустился на землю.

— Ещё один вопрос, маршал: вы их продавать будете?

— Не сразу, но, года через три, будем. Но, в неядерном исполнении. И с запрещением переделки под ядерное оружие.

— У нас нет ядерного оружия.

— Но, насколько я в курсе, вы ведёте эти работы. — Маршал уклонился от ответа.

— В принципе, нас и безъядерный вариант вполне устроил бы. И, несомненно, это – король салона!

— Лично мне больше нравится Су-3 и Су-3к.

— Тот, на котором вы прилетели? Да, это, несомненно, революционная машина, как и М-3. О них я даже боюсь спрашивать! Вы видели наши "Метеоры"?

— Да, конечно, правда, только на фотографиях в атласе.

— Такое впечатление, что между ними целый век, это как самолёт братьев Райт рядом со "спитфайром". Американцы прилетают завтра утром.

Американцы прилетели утром на следующий день. Большую часть техники они привезли морем, разгрузились где-то в Шотландии, оттуда и прилетели, а В-36, "Хранитель мира", прилетел самостоятельно с базы в Галифаксе. Целых три самолёта! В субботу я посмотрел на произведения "амэриканьского" военпрома: как им дяди Вилли не хватает! Все машины – дозвуковые. Не спорю, вылизанные, красивые, хорошо вооружённые. Но, начинаешь сравнивать: скорость: 1015 против 480, калибр: 23 против 12,7, дальность 17000 против 12600, высота 18000 против 12500. Единственное превосходство: грузоподъёмность: 20 тонн против 30-ти. "Комет" почти точная копия "Метеора" с аналогичными двигателями, но сделанными по лицензии в Канаде и США. Англичане ещё и поставили В-36-е напротив М-3, а наши "сушки" были упрятаны в капониры. Напротив каждого самолёта стояли таблички: на них были написаны ТТХ. После этого вопросов по тому, что лучше, уже ни у кого не возникало.

В день открытия салона все трибуны были заполнены за два часа до открытия. Прибыла даже королевская чета. Это действительно большой праздник авиации, как у нас 18 августа.

Состоялись показательные выступления. Наша команда, на "Су-3", показала пилотаж такого уровня, что и я бы позавидовал, если бы их сам не готовил. А так ещё двум пилотам влетело, что не полностью выложились. В общем, прошло всё "по-советски": собрали весь урожай призов, кубков и контрактов. Кроме нас, выступали пилотажные группы из Англии, Франции и, должна была выступать группа на "Кометах" из США, но, после нашего выступления, мы были вторыми, после англичан на "Спитфайрах", американцы сняли группу с выступления. Очень здорово выступили наши парашютисты, которые в воздухе собрали звезду из 25

человек. Ну, и их новые УТ-2р, с большой горизонтальной скоростью, прекрасно управляемые и разноцветные, вызвали бурю восторга. Эх, каландера нету, пока! Зажали американцы нейлон! Можно было бы и покруче парашюты показать, но кои наши годы! Сделаем! Первый день был праздником, а потом началась работа! То, ради чего я собственно и прилетел: требовалось международное признание наших патентов и авторских свидетельств. Для этого, собственно, мы и притащили в Англию всё новейшее, просто с иголки. Интерес к технике был огромный, поэтому я сразу взял быка за рога: "Что "Да", мы бы рады продать, но, как быть с авторскими правами и как предотвратить нелегальное копирование? Без признания наших патентов, это невозможно!" В результате десятидневной работы этот вопрос был решён, причём тексты "закрытых" патентов оставались в СССР, русский язык был признан одним из языков, на котором могут писаться международные патенты, наряду с французским, английским и немецким. Мы набрали контрактов на 2,5 миллиарда фунтов стерлингов. Были заключены контракты на практически все выставленные образцы вооружений и оборудования. Удалось, даже, решить проблему с нейлоном: англичане обязались поставить недостающее оборудование. Кроме всего прочего, моторостроительное отделение фирмы "Роллс-Ройс" решило создать совместное предприятие по выпуску турбореактивных двигателей для гражданских самолётов с двумя нашими заводами в Рыбинске и Ленинграде. Прав был товарищ Ленин, когда говорил о том, что когда пахнет крупными деньгами, капиталисты готовы дружить с чёртом! Революция в самолётостроении состоялась, центр тяжести сместился в нашу сторону. Американцы обиделись, что им Су-3 не показали. Только в воздухе. Мы расположились вдали от трибун, самолёты взлетали с дальней полосы и садились на неё. После приземления их сразу заталкивали в ангары. Кроме этого, я слышал разговор нескольких американцев под крылом М-3. Один из них показывал на точки крепления снятого пилона пусковой установки Х-10 и следы копоты от пусков на крыле, и говорил другим, что русские не всё вооружение этого монстра показывают. "Вот здесь подвешивается то, чем они потопили наши авианосцы!" Догадливый! На самом деле он не прав. Х-10 выводила из строя ПВО авианосца, а топили их планирующими бомбами, но это не важно! Пусть думают, что хотят! Реакция обязательно возникнет: территория Америки для нас досягаема! Первая реакция уже пошла: неожиданно приехали Премьер Эттли и его министр обороны Александер, и пригласили меня на переговоры.

— Господа, я не уполномочен вести какие-либо

межправительственные переговоры, кроме тех, которые веду! Как минимум, я настаиваю на привлечении к ним представителя МИД СССР.

— Присутствие господина Громыко было бы на пользу этих переговоров, но его нет в Англии. Вы можете решить этот вопрос?

— Каков предмет переговоров?

— Наше положение в Австралии! Америка стремится оторвать от нас наши доминионы. Так как мы должны Америке довольно крупную сумму денег из-за войны, мы были вынуждены снять таможенные барьеры в ряде наших доминионов. В настоящее время идёт большая экономическая война между нами и США, которую мы рискуем проиграть, если вы не окажете нам помощь. В первую очередь – вооружениями.

— Господа! Вам не кажется, что вы пытаетесь нас втянуть в авантюру! Что мы с этого будем иметь, кроме ухудшения отношений с США, которые и сейчас не самые тёплые? И где гарантии того, что образцы поставленных вооружений не окажутся в той же Америке?

— Об этом мы и хотели бы переговорить! Мы готовы, ради сохранения Австралии, разрешить базирование ваших М-3 и Су-3 на 6 базах в Австралии и двух в Новой Зеландии. То есть, включить Австралию в систему Европейской системы безопасности! И мы разрешим вам хранить на этих базах ваше ядерное оружие. Договор на пять лет, с пролонгацией по умолчанию на следующие пять лет, если за год до истечения срока не заявлено об отмене. Содержание ваших баз пойдёт из бюджета Соединённого Королевства и Британского Содружества по нормам РАФ. В этом случае, у нас появится шанс сохранить наши доминионы. С Его Величеством вопрос уже согласован.

— Давайте ваши предложения, я съезжу в Посольство и свяжусь с господином Сталиным. Попробуем решить вопрос о присутствии здесь господина Громыко.

Через день прилетел Громыко, и мы провели три раунда переговоров с Великобританией. Но, для включения Австралии и Новой Зеландии в ЕСБ, требовалось собрать Совет Безопасности Европы и получить 75 % голосов в поддержку данного вопроса. Великобритания "брала на себя": Голландию, Данию, Бельгию, Исландию, Люксембург и Ирландию. А мы должны были решить вопрос с южными, северными и восточными странами. И, попытаться договориться с Францией. Венгрия, Германия, Италия и Польша голосов в Совете не имели.

По возвращении домой, прямо на аэродроме, как во время войны, состоялось награждение участников первого международного авиасалона

орденами и медалями. Награды вручал Молотов и Шверник. Не знаю, кто это придумал, но получилось очень торжественно и красиво. Особенно для молодых участников, а их было почти половина, такое "приближение к боевым условиям", конечно, запомнилось.

Сталин, обсудив прошедшие переговоры, приказал форсировать строительство М-3, их разместили на трех заводах: в Казани, Ташкенте и Новосибирске. Задача была архисложная. Но, по три машины в месяц начали делать. Всего серию мы ограничили 56 машинами. Время массовых бомбардировщиков ушло. Я видел, как Сталин внутренне сопротивляется этому решению, но в вопросах авиации он мне доверял.

— Сколько машин полетит в Австралию?

— 24 М-3 и 128 Су-3. Три бомбардировщика на каждую базу и эскадрилья прикрытия.

— Хватит?

— Конечно! За полгода справимся.

— Так долго? Англичане не станут так долго ждать!

— Сейчас перегоним первый полк Су-3, начнём готовить капониры и противоатомные убежища для всех машин. А это – время! Но, так как договоренность существует, хотя и предварительная, вторая машина завершает лётные испытания. Вылетим парой, которая там не останется. Просто визит вежливости. У Су-3, которые базируются в Сайгоне, хватит дальности, чтобы сопровождать с посадкой в Дарвине. Топливо туда уже отправлено. "Сухие" останутся, а бомбёры вернутся. К этому времени у нас будут готовы первые 6 машин. Они и полетят. Все шесть сразу.

— Сам полетишь?

— Конечно! Надо на месте посмотреть. Особенно: как население отнесётся к нашему присутствию и руководство страны. Ведь вполне может быть, что это надо Англии, а не Австралии.

— Вполне вероятно. Александр Евгеньевич! — обратился он к маршалу Голованову. — Людей подобрали?

— Да, товарищ Сталин! Всё согласовано и с товарищем Титовым, и с товарищем Судоплатовым. Тоже бы хотел на месте всё посмотреть.

— Пока нет! Полетишь с основной группой. Действуйте, товарищи.

С четвертью загрузки вылетели из Москвы в Ташкент. Сели в Восточном. Танкеры из Сайгона доложили о прибытии в Пёрт и Дарвин, и о начале выгрузки. Запросили Канберру о разрешении. Взлетаем курсом на Сайгон. Я в кресле второго пилота. Довольно удобно расположены приборы. Мы уже провели стандартизацию расположения групп приборов,

поэтому меньше времени тратим на переучивание лётчиков. У меня всего третий полёт на этой машине, но уже не чувствую дискомфорта. На высоте 12 км включили автопилот. Так и пойдём до Сайгона. Держим 950 км/час путевую скорость. Поинтересовался у штурманов, как им работается. Надо делать НО – таблицы подобранных звёзд. Слишком долго штурманята вычисляют место. В общем, в основном они пользуются приводами, а в будущей войне их может и не быть. Надо будет обратить внимание Голованова на это. В эфире тишина, даже на 16-м никого нет. Здесь ещё огромная редкость: пролёт самолёта. Но ничего! Туполев и Ильюшин готовят новые пассажирские самолёты. Скоро и здесь появятся трассы, и инверсионные следы. В районе Линьцана – первый запрос диспетчера ПВО Китая. Обменялись условными фразами. В левом кресле – генерал-майор Водопьянов. В составе экипажа ещё один второй пилот: генерал-полковник Громов, зам Голованова. Во второй машине меньше начальства: командир – дважды Герой подполковник Молодчий, второй пилот – подполковник Галлай, Марк Лазаревич, испытатель из Жуковского. На подходе к Сайгону снижаем скорость до экономической для Су-3. Подходит восьмёрка "сушек" и занимает место впереди, сзади пристраивается вторая восьмёрка, набираем высоту 18000. Слева Филиппины, там американцы. Засекаем работу нескольких локаторов, как слева, американских, так и справа, английских. Но мы идём высоко, поэтому никто нас достать не может. Диспетчер англичан принял позывные и пожелал счастливого пути. На запросы американцев мы не отвечаем ничего, кроме позывных и номера рейса. Перехватить им нас нечем. Пересекли Калимантан, перешли на дальний привод Дарвина. Там "Сушки" будут садиться, а нам – дальше, в Канберру. Из Бандары взлетает несколько истребителей, но, явно поршневых. Стоило ли так беспокоиться! В Денпасаре ещё один английский радар. Получили добро на проход. Прошли Купанг и начали снижаться. По условиям, дальнейший полёт пойдёт на высоте 12000 метров. У Дарвина появились "Метеоры" австралийских ВВС. Четыре повели на посадку "Сушки", а ещё четыре пристроились к нам, но, ненадолго. Мы, тем же курсом пошли на Канберру. "Сушки" останутся в Дарвине и будут обустраиваться. Под крылом сплошная чернота, ночь. Безоблачно. Через два часа начали снижать скорость и высоту. Сделали три круга в ожидании эскорта. С юго-востока подошло звено "Метеоров". Идём к Канберре. Светает. Нам дают посадку. Несмотря на раннее утро, народу довольно много. Явно выражено деление на две части: судя по флагам, слева – наши сторонники, справа – противники. Работники аэропорта быстро огораживают стоянки лентами. Мы спускаемся на землю.

Официальная часть довольно быстро завершилась. За это время успел рассмотреть плакаты, которые держали манифестанты. Одни приветствовали нас на земле Австралии, на других было написано "Рашнз гоу хоум!". Мы подошли, сначала, к тем, кто протестовал против нашего присутствия.

— Это государственный визит военной делегации СССР. Мы прибыли сюда по приглашению вашего Правительства. Визит продлится неделю, и мы вернёмся в СССР. Такое расписание вас устраивает?

— Зачем вы прилетели со своими атомными бомбами!

— Атомных бомб на борту этих самолётов нет. Мы прилетели их продемонстрировать вам и вашему Правительству. В дальнейшем, ваше Правительство намерено закупить такие или подобные самолёты. Пока они на секретном листе и не продаются, но, в дальнейшем, они будут стоять на вооружении РАФ. Или вас больше устраивает вон тот?

И я показал рукой на выходящий на взлётку самолёт В-29 американских ВВС. Слева послышался свист одобрения. Здесь возникло лёгкое недоумение. Я повернулся и пошёл в сторону "сторонников". Некоторые из противников решили перейти поближе и послушать, что будет сказано там. Там был задан вопрос о том, будут ли базироваться в Австралии наши вооружённые силы.

— Такой вопрос обсуждается, но он напрямую зависит от желания именно вашей страны. Мы не заинтересованы в том, чтобы наши войска базировались здесь. Слишком далеко от нас. Но, поступила просьба со стороны Великобритании и Австралии об этом. Мы изучаем этот вопрос. Для этого и прилетели. Я в курсе, что со стороны Соединённых Штатов поступило приглашение Австралии участвовать в Юго-Восточно-Азиатском военном союзе, SEATO, направленном против ЕСБ. Это вас поставит в противостояние с Великобританией, которая входит в ЕСБ. Правительство Великобритании и генерал-губернатор Австралии встревожены, и обратились к нам с просьбой о помощи. Я беседовал об этом с Премьер-Министром Эттли и с Его Величеством. Именно с этим связан этот визит. Как я вижу, среди вас есть и сторонники, и противники этого решения. Решать вам. Единственное, что могу сказать, в отличие от Соединённых Штатов, мы не нуждаемся в экспансии на Южное полушарие. Это хорошо понимают в Лондоне и Канберре, но с общественным мнением этот вопрос, видимо, согласован недостаточно. В любом случае, речь идёт о двух или трех "крыльях". Не более. На большее количество мы не согласны.

Рядом со мной находился официальный глава Австралийского Союза

генерал-губернатор Австралии и Новой Зеландии герцог Глочестерский принц Генри. Он подтвердил мои слова.

— Господа, действительно, о том, чтобы Советский Союз, по возможности, оказал нам посильную помощь, просил Его Величество король Георг VI и Премьер Эттли, по моей просьбе. Вы в курсе, что за оборонную политику в этом регионе отвечаю я. Части австралийской армии – это части королевских вооружённых сил. Согласно нашей Конституции. Наши войска принимали участие и в Великой войне, и в сражениях Второй Мировой.

Из толпы раздалось:

— Мой брат погиб во Франции во время русского наступления!

— Этот инцидент имел место быть! — продолжил принц Генри. — И был подробно рассмотрен на совместном заседании командования союзных сил. Приказ о начале боевых действий против СССР был отдан на один час пятнадцать минут раньше, чем приказ о противодействии со стороны СССР. Доказательства, предоставленные командованием СССР, сомнению не подлежат. Приказ был перехвачен и дешифрован соответствующими службами Вооруженных Сил СССР. Так было. Это были ответные действия СССР. Через 10 минут после отдачи команды прекратить огонь с нашей стороны, советское командование распространило аналогичный приказ по своей армии. Инцидент был исчерпан. Русские действовали в силу необходимости и боевого опыта.

— А брата мне кто вернёт?

Вопрос повис в воздухе.

— И что вы предлагаете? Ещё раз попробовать? — обострил вопрос генерал-губернатор.

— Да нет. Но почему они здесь?

— Я пригласил! Если так не сделать, то против нас будут стоять эти самолёты. И прилетят они не с дружественным визитом. А американцы именно этого и добиваются. Я знаю чуточку больше о той ситуации, которая привела к той молниеносной войне. Ни мы, ни русские её не хотели. Сейчас только СССР и Америка имеют ядерное оружие. Мы на переднем крае: в Малайзии – мы, на Филиппинах – американцы. Часть островов Индонезии у нас, часть у французов, часть у американцев. А во Вьетмине – русские. Одну бомбу американцы уже сбросили. Хорошо, что мимо. И то, русские помогли промахнуться. У меня нет желания, чтобы американцы испытали это оружие на вас. Чтобы этого не произошло, здесь будут расквартированы небольшие, но очень мощные силы русских. Таких самолётов, как у них, никто в мире не имеет.

— А почему они нам их просто не продадут?

— Из-за правой половины этого митинга! Маршал Титов так и сказал на переговорах: а где гарантии того, что проданное вам оружие не окажется в Соединённых Штатах? Поэтому от вас, господа избиратели, зависит окончательное решение вопроса: с кем мы? С Родиной, Великобританией, или против неё. Пойдёмте, господин маршал!

На следующий день самолёты перелетели под Сидней на авиабазу Ричмонд. Нас попросили продемонстрировать "слепую" бомбёжку. Но, полигон под Ричмондом был несколько маловат и располагался слишком близко к жилым домам, поэтому испытания перенесли в Западную Австралию, под Пёрт. Там на высохшем озере расположили мишени. У Молодчего была сложная задача: ночью найти в пустыне колонну из 20 танков и поразить её. Расстояние – два с половиной боевых радиуса В-29. Боевая нагрузка – тоже две с лишним полных нагрузки В-29. Работаем без подсветки и были выключены все приводные станции. Через пять часов полёта последовал доклад, что цель обнаружена. Молодчий отбомбился с одного захода. И, даже, не зацепил дорогу, проходящую через полигон. Второй вылет был на поиск морской цели. Также на расстоянии 5000 км и ночью. Цель находилась севернее острова Питкерн. Также была обнаружена, но на неё Молодчий потратил три захода. Эти вылеты произвели впечатление на командование РАФ в Австралии. Генерал-лейтенант сэр Джордж Джонс, бессменный командующий РААФ с 42 года, посмотрев на результаты бомбежки танковой колонны, удивлённо присвиснул: "Вот это да! Просто снайперский удар!" Я сказал, что у Молодчего более трехсот боевых вылетов на бомбёжку немецких войск. Большая часть из них – ночью. Австралийских лётчиков немного напрягало, что мы категорически отказались показывать "Сушки". Их аэродром обслуживался нашим БАО, самолёты уходили на старт и возвращались только ночью, днём находились в капонирах. Кроме одной сильно размазанной "ночной" фотографии, на страницах газет ничего не появилось.

Всю неделю у меня шли интенсивные переговоры, как с командованием РААФ, так и с принцем Генри и премьером Джозефом Чифли. Меня откровенно беспокоила ситуация, что мы являемся яблоком раздора между австралийцами. Но, оба политика обещали провести плебисцит по этому вопросу. Американские войска медленно, но выводились из Австралии. Нам они, пока, не мешали, но их газеты, которые свободно доставлялись и продавались в Австралии, якобы для

нужд американских солдат, временно оторванных от дома, были полны желчи по отношению к нам и политики Австралии. Для создания благоприятного фона, мы предложили сделать серию репортажей об авиасалоне в Фарнборо, который практически не освещался в Австралийской прессе. А ребята перезнакомились со всеми пилотами 34 эскадрильи, которая базировалась в Канберре и 84 крыла из Ричмонда. В Ричмонде полоса для нас была коротковата, поэтому приходилось открывать тормозные парашюты. Для лётчиков РААФ это был такой шок! М-3 очень им всем понравился. И 37 эскадрилья с нетерпением ждала возможность начать переучиваться на него. Но, пришлось сказать им, что это произойдёт не раньше, чем через два года. В общем, первоначальное недоверие между простыми лётчиками и простыми жителями Австралии потихоньку таяло, особенно, если учитывать то обстоятельство, что по отношению к американцам, наши были не в пример тише, более дисциплинированы. А пример Дарвина, где уже стояла эскадрилья "сушек", и не происходило никаких эксцессов: наши практически не выходили с базы, говорил о том, что дополнительных неудобств наши войска не доставят. Опыта базирования на чужой территории у нас достаточно. Закрытые со всех сторон городки, КПП, ограждения и охрана. Собственно и в Союзе у нас так сделано. Были подобраны авиабазы, определены необходимые работы по их обустройству, согласованы приблизительные сроки. Чтобы не таскать "из дома" авиабомбы, пересчитали для вычислителей фунты и дюймы в привычные килограммы и сантиметры. Визит удался. Пора возвращаться домой! На этот раз Громов упёрся и не пустил меня в кресло! А я с удовольствием полетел пассажиром. Устал!

Дома куча новостей, неожиданных и неприятных. Снят Новиков, вместо него назначен Вершинин. Последней каплей стала катастрофа Ту-4, в которой погиб весь экипаж. Машина новая, только что с завода. Комиссия ещё работает, но слухи уже распространены: заводской брак. Реально это не так! Это – дефект конструкции катапульта. Но, ни мне, ни Туполеву, в своё время не удалось убедить Сталина изменить конструкцию, придуманную американцами. Он боялся не успеть с этой машиной к бомбе. Поэтому запрещал что-либо переделывать по-своему, только копировать. Теперь он приказал снять с производства и с вооружения Ту-4, и заменить их М-3. План выпуска М-3 увеличился до 1200 машин. Они сожрут весь бюджет авиации! А идти к нему сейчас с этим вопросом – бесполезно. Пока он злиться, разговаривать с ним невозможно. Сначала требуется какой-нибудь повод для поощрения, или наоборот: катастрофическое

положение. Ну и характер! Ещё четыре завода, то этого выпускавшие Ту-4 переключаем на выпуск "эМок". И начались технологические переделки корпуса, ведь на всех заводах разное оборудование. А это опять постройка опытных образцов, которые придётся "ломать" в ЦАГИ. Опять расходы! Через неделю я не выдержал и пошёл к нему. Он, в первую очередь, обвинил меня в том, что я не смог его переубедить два с половиной года назад по поводу этих самых катапульти. Хотя это и не так, но пришлось признаться, что да, не настоял, но... И тут я ему выложил всё по тем проблемам, которые у нас возникли сейчас.

— Основной вопрос: нам не нужно столько бомбардировщиков. Те, кто подал вам докладную, просто взяли количество Ту-4 по плану и вписали туда слово М-3. А он в два с половиной раза больше по грузоподъёмности и в 4 раза по стоимости, если не в пять, потому, что оборудование и оснастку придётся на трех заводах дополнительно менять. Эти заводы не могут производить корпуса для М-3. Требуется снизить госзаказ до 400 машин. Корпуса делать на трех заводах, а комплектацию можно делать на пяти, максимум.

— А почему ты этого не делаешь?

— Я министр обороны, а не авиационной промышленности!

И тут он мне выписал! Что я бездельник, подлец, что вместо того, чтобы отвечать за порученный участок, я свалил всё на него и так далее! Подождав, когда он выговорится, я напомнил ему, что находился в командировке в Австралии, и решение было принято без моего участия.

— Вечно тебя где-то носит! — пробурчал он. — Особенно, когда что-нибудь происходит.

Посмотрев, кто составлял докладную, он вызвал всех, поставивших подписи в Кремль. Ох, я им не завидую! Характер у него начал портиться, видимо, сказывается усталость и возраст. Ни самого себя, ни окружающих он никогда не жалел. Работали все на износ. Надо бы с ним поговорить об этом, чтобы себя поберёг. Но, не сегодня! Сегодня можно и выговор схлопотать запросто! Он, как и все, не любит делать ошибки. И довольно долго ищет виноватых вокруг, хотя решение принимал лично. Но его не переделаешь, да и нужно ли это?

Матвеев закончил работу по металлокерамике, и макеевский движок, наконец, заработал. Кроме того, Фролов, из его лаборатории, сделал трехслойную титан-магниевую броню. Можно приступать к созданию штурмовика и боевых машин десанта. Ещё одним радостным событием, последовавшим сразу после удачного испытания ракетного монотопливного двигателя Макеева ТРМ-1, стал успешный запуск

прототипа "Бури". Прямоточный двигатель, в отличие от всех остальных, невозможно испытывать на стенде. Теоретически его можно запустить в аэродинамической трубе, но трубы со скоростями 3М у нас пока нет. И когда появится ещё не ясно, поэтому, несмотря на дороговизну, мы решили проводить лётные испытания ракеты. Единственное, что выбирали маршрут в стороне от жилых мест. Успешным первый пуск "Бури" можно считать лишь отчасти: мы её не нашли. Пуск состоялся, телеметрия показала запуск прямоточного двигателя. Ракета сохраняла направление и заданную скорость полёта. Затем должен был отключиться двигатель, и последовательно сработать 4 парашюта. Но, телеметрия оборвалась через 30 секунд после остановки двигателя. Путём опроса местных жителей удалось лишь узнать, что два человека видели что-то вроде метеора. Скорее всего, ракета сгорела в воздухе. Но, целью пуска был запуск прямоточного двигателя. Он – работает! Тут же возникло предложение сделать ракету с ручным управлением! Вот же придумали! Строго настрого запретил это делать и пообещал, что если сунуться с этим предложением к Сталину, то вообще закрою проект.

— Делайте надёжную систему управления ракетой! В том виде, как есть, не годится. Вы выбросили просто болванку, а она должна быть УПРАВЛЯЕМОЙ ракетой. А человека туда сажать бесполезно! Это – смертник. Мы, пока не знаем, что происходит за 3М! Узнать это должна телеметрия, а не подопытный кролик. Одно хорошо: летела и не переходила в пикирование. А вот датчиков температуры на ней явно мало. Этот момент вы не отслеживали, Семён Алексеевич. А там трение о воздух таково, что может гореть металл. Поэтому надо найти такую скорость, чтобы и двигатель работал, и корпус выдерживал.

— Четыре датчика стояли. Один из них показывал 230 градусов. Да, датчиков маловато поставлено, но я, честно говоря, не был уверен в том, что с первого раза сумеем запустить маршевый двигатель.

— Готовьте аппаратуру управления, и наращивайте скорость медленно. Важна дальность, а не рекорд скорости. И ещё момент: спуск. Я думаю, что БЧ проще сбросить по баллистической кривой, чем спускать саму ракету. В этом случае, после сброса имеет смысл увеличить скорость и сжечь её в атмосфере.

— Гм, а это мысль!

От Лавочкина поехал к Янгелю, застал его в сборочном цеху, где шла контрольная проверка его РД-9: универсальной ракеты шахтного, мобильного и подводного базирования. Он ходил между восьми групп индикаторов, и что-то отмечал в блокноте. Увидел меня и помахал мне

рукой. Я, в белом халате, прошёл к приборам.

— Через три дня заканчиваем и везём в Капустин Яр. Там постоит месяц в шахте, потом пустим. Приглашаю! Макеев божится, что двигатель запустился и отработал на стенде после месяца хранения в цеху, где температурный режим не соблюдался, было достаточное количество пыли. В общем, как мы, они пылинки с него не сдували.

Расспросив его обо всём, поехал в Кремль. Доложил и о Лавочкине, и о Янгеле с Макеевым. Сталин отменил решение Янгеля и приказал пускать ракету сразу, а уже второе испытание проводить по его плану испытаний.

— Нам, как никогда, нужен успех! Так что, проводите испытания до 18 августа. Это политически более выгодно, товарищ Титов. Восемнадцатого августа на параде в Жуковском будет Президент Эйзенхауэр.

Судя по довольному выражению лица Сталина, перечить ему не стоит. Хоть испытания срывай! Дёрнуло меня доложить! Впрочем, у него не только я курирую эти области, не доложу я, доложит кто-нибудь другой. Что за привычка раскрывать карты противнику! И тут до меня дошло, что он оказался очень достойным моим учеником. Лучшим из них! Сценарий мне понятен. Сталин озорно взглянул на меня:

— Дошло?

— Всё гениальное – просто!

— Действуй!

Две недели я держался на стимуляторах, позволяя себе только полтора часа сна. Мы расписали все наши действия и роли. Мы были готовы.

Эйзенхауэр прилетел через Лондон. В РИ он дважды устраивал встречи глав государств Великих Держав, и все эти встречи использовал для давления на Хрущёва. Тот изворачивался как мог, но в конце концов, слил многие незыблемые позиции. Активный товарищ! Но, в отличие от политика Трумена, он – боевой генерал, к тому же – битый! "За битого двух небитых дают!" – говаривал гениальный Суворов.

На воздушном параде ему показали всё. Даже Су-3. Он, даже, посидел в кабине. Единственное что, не разрешили снимать. Но, скорее всего, кто-нибудь, из особо подготовленных, всё-таки сумел это сделать.

На переговорах американской делегации показали фильм о боевых испытаниях ракеты Р-9: цель на полуострове Камчатка была поражена боеголовкой мощностью 22 килотонны. Отклонение от цели составило 2,7 км.

— Господин Президент! В прошлом году в Фултоне нам была объявлена Холодная Война вашим предшественником. Мы её выиграли! Вот координаты целей в США. Они введены в боеголовки таких ракет на

Тихом океане и на Атлантическом побережье Советского Союза. Вам эти координаты хорошо известны: это – заводы в Оук Ридже, это – Хэнфордский комплекс, это – лаборатории в Аламогордо, это – в Чикаго, это – Лос-Аламос, это – Клинтон, а это – Беркли. Мы ничего не забыли? А вот это – "тревожный чемоданчик". Если нажать вот эту кнопку, то начнут раскручиваться гироскопы систем наведения вот таких вот ракет. Сценарий уже расписан маршалом Титовым. Имеющихся 16 ракет вполне хватит, чтобы навсегда избавить вас от иллюзий, что эту войну вам удастся выиграть.

Наши требования таковы:

— Признать поражение в Холодной войне против СССР и капитулировать.

— Передать нам в качестве военнопленных вот этих вот людей. Жизнь и неприкосновенность их мы гарантируем. Всего 512 человек.

— Допустить наших специалистов для демонтажа и ликвидации сооружений Манхеттенского проекта

— Подписать Декларацию об отказе от разработки, производства и накопления ядерного и термоядерного оружия.

— Подписать договор о нераспространении ядерного оружия и средств его доставки.

— Возложить на СССР контроль за соблюдением этих Договоров и Деклараций.

Ввязываясь в драку, необходимо тщательно взвешивать как свои возможности, так и возможности противника. У вас есть три бомбы, но доставить их сюда вы не можете. Мы – имеем возможность в течение часа ликвидировать атомную промышленность США, и, в случае продолжения вами бессмысленной войны, раз за разом повторять это. Пока вам не надоест. Оболочки боеголовок изготовлены из кобальта. Лет 250–300 на эти территории никто вступить не сможет.

Я готов выслушать ваши предложения!